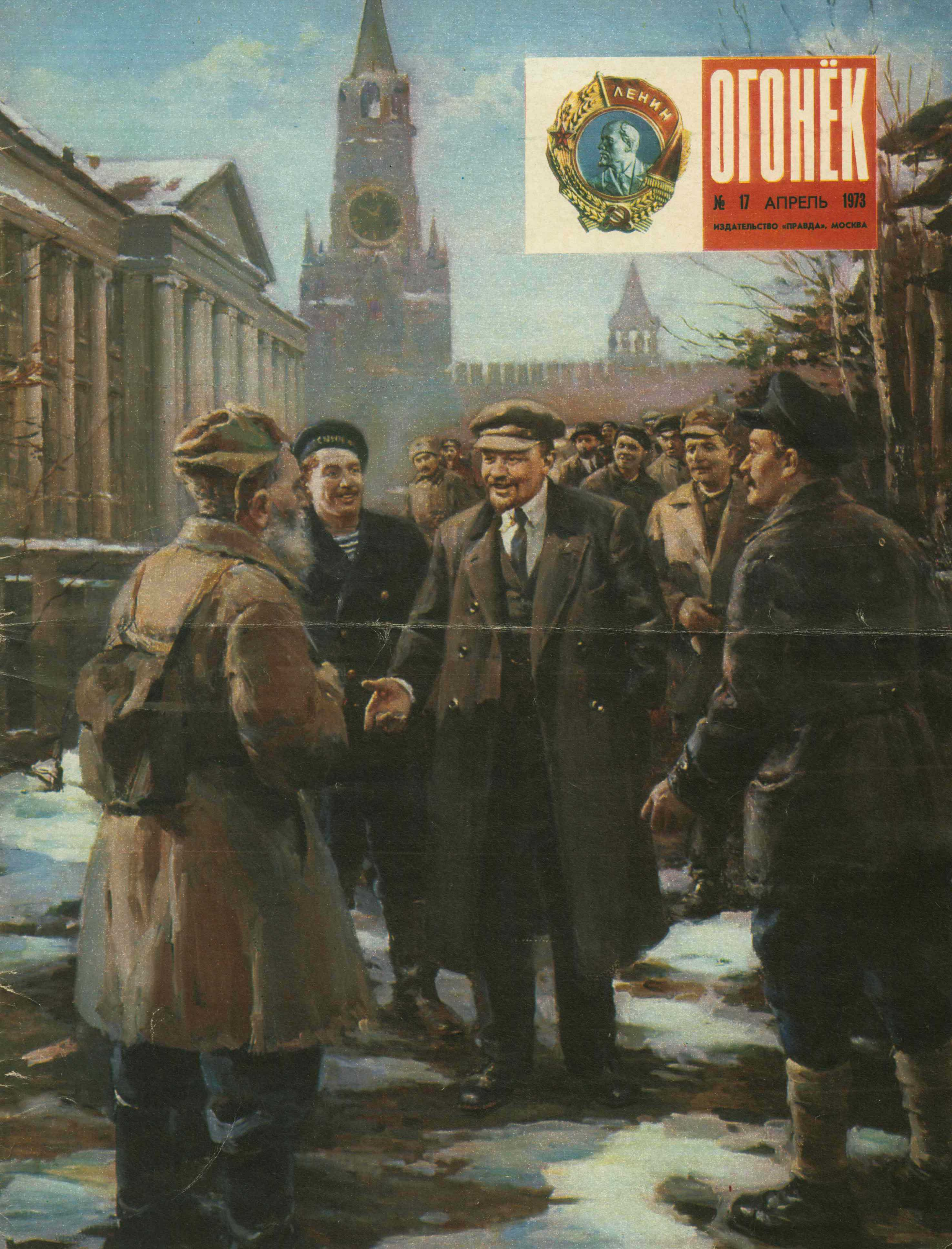

ОГОНЁК

№ 17 АПРЕЛЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ

Первомай 1973 года наш народ встречает на марше девятой пятилетки, претворяя в жизнь решения XXIV съезда КПСС. Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, труженники всех братских союзных республик не жалеют сил и энергии для того, чтобы день ото дня крепла экономическая и оборонная мощь страны. Это патриотическое стремление воплощается сегодня в славных делах участников всенародного социалистического соревнования, в массовой подготовке к Всесоюзному ленинскому коммунистическому субботнику. И в каждом сердце находит горячий отклик призывное слово партии:

— Трудящиеся Советского Союза! Настойчиво боритесь за дальнейший подъем социалистической экономики — основы могущества Родины и неуклонного роста благосостояния народа!

Шире развертывайте социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий третьего, решающего года пятилетки!

— У зиловцев есть хорошая традиция: отмечать день рождения основателя нашей партии и государства Владимира Ильича Ленина веселыми трудовыми подарками. Я предлагаю провести 21 апреля ударный коммунистический субботник. Работать в этот день безвозмездно, с наибольшей отдачей творческих сил и энергии, достичь наивысших производственных показателей. — Это предложение внес на рабочем собрании шлифовщик механосборочного корпуса № 3 Московского автозавода имени Лихачева, ударник коммунистического труда Борис Иванович Семенов. Его поддержали товарищи по труду, обязавшиеся в день коммунистического субботника работать на сэкономленных материалах и электроэнергии, выпустить продукции на 170 тысяч рублей.

На снимке: группа рабочих ЗИЛа — инициаторов коммунистического субботника. Крайний справа — Б. И. Семенов.

Фото Л. Шерстеникова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

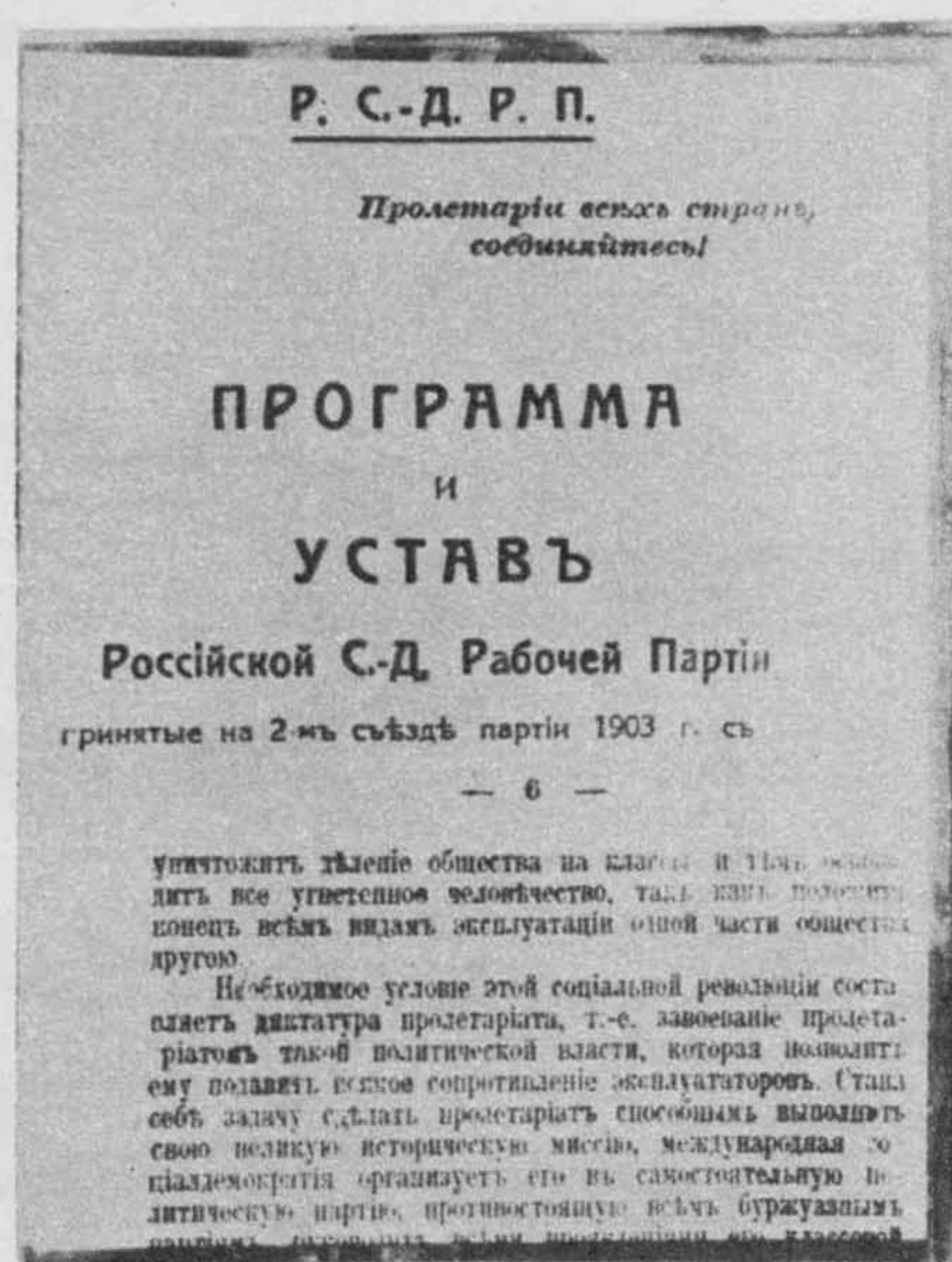
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 17 (2390)

21 АПРЕЛЯ 1973

Н. Н. Жуков. ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ
(из цикла «Юность»). Публикуется впервые.
См. стр. 5.

Программа и Устав Российской социал-демократической рабочей партии, принятые на II съезде партии. 1903 год.

Группа руководящих деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Вдохновитель и организатор всех побед нашего народа, его испытанный боевой авангард — Коммунистическая партия прошла героический путь, который не имеет себе равных. Постановление Центрального Комитета КПСС «О 70-летию II съезда РСДРП» глубоко раскрывает роль этой славной даты в истории нашей партии и страны, коммунистического и рабочего движения. Всемирно-историческое значение съезда состоит в том, что он завершил процесс объединения революционных марксистских организаций и образовал партию рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах,

разработанных Лениным. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия.

История не знает другой партии, которая оказала бы такое определяющее воздействие на весь ход мирового развития, как наша партия. Под ее руководством победила Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории всего человечества — эру перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Под руководством ленинской партии осуществлены невиданные по глубине, размаху и темпам социалистические преобразования.

ПРЕЗИДЕНТ МЕКСИКИ В СССР

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 12 по 19 апреля 1973 года в Советском Союзе с официальным визитом находился Президент Мексиканских Соединенных Штатов Луис Эчеверрия с супругой.

Во время визита имели место советско-мексиканские переговоры, в которых приняли участие с советской стороны: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, председатель ГКЭС С. А. Скачков, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, посол СССР в Мексике Н. К. Тарасов, член коллегии МИД СССР Д. А. Жуков; с мексиканской стороны: Президент Мексиканских Соединенных Штатов Луис Эчеверрия, министр иностранных дел Мексики Эмилио О. Рабаса, заместитель министра промышленности и торговли Мексики Элисео Мендоса Берруэто, посол Мексики в Советском Союзе Рене Гонсалес Саласар. На переговорах присутствовал председатель постоянной

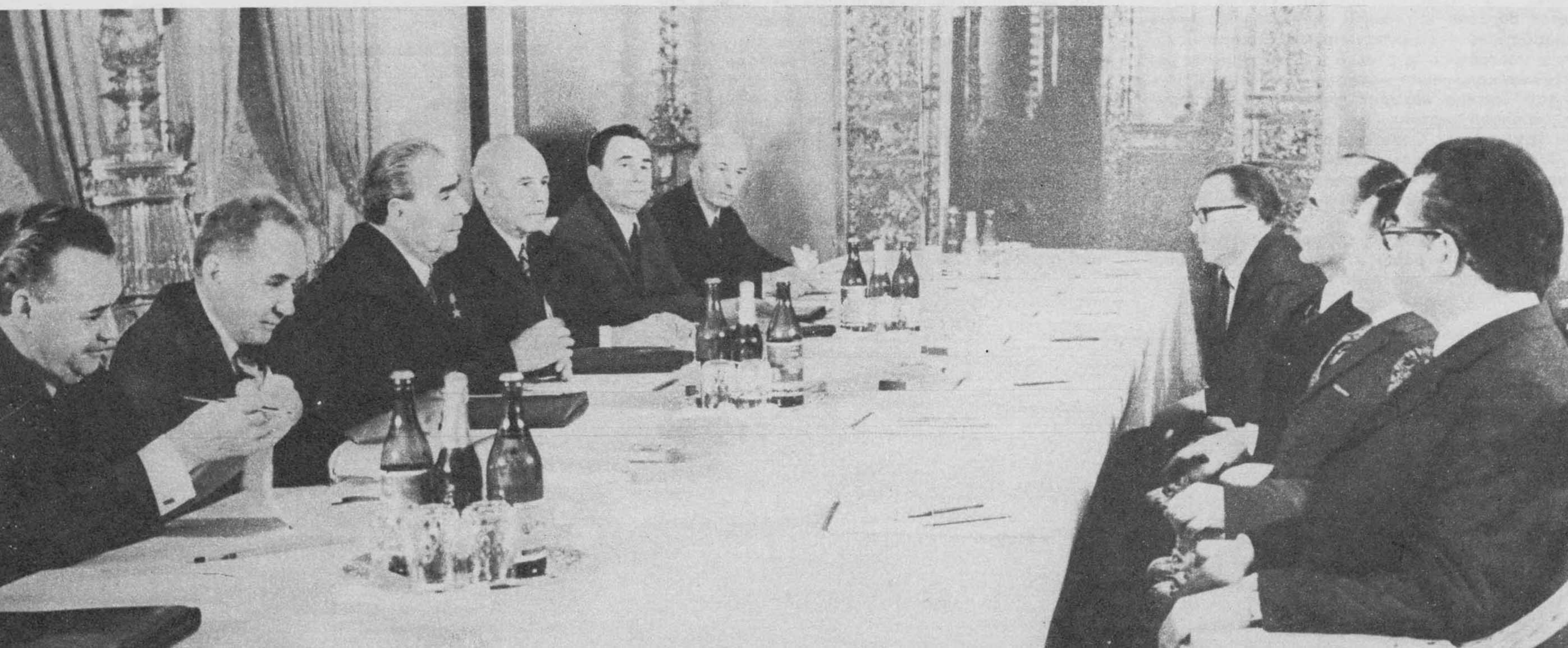
комиссии Национального конгресса Мексики сенатор профессор Энрике Оливарес Сантана.

Как отмечается в совместном советско-мексиканском коммюнике, в ходе переговоров обе стороны выразили стремление развивать и укреплять дружественные связи между СССР и Мексикой. Состоялся полезный обмен мнениями по вопросам двусторонних советско-мексиканских отношений и по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

С целью создания благоприятных условий для расширения торговли и экономического сотрудничества было подписано торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Мексиканскими Соединенными Штатами. Была достигнута договоренность о проведении в ближайшем будущем переговоров для заключения соглашений и в других областях, представляющих взаимный интерес.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА.

ДОРОГА ДЛИННОЮ В ГОД

Сергей ЛОСЕВ

Прошел без малого год с майской встречи между руководителями Советского Союза и президентом США. Уже сейчас ясно, что достигнутая договоренность о сотрудничестве в областях науки и техники, здравоохранения, охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях успешно претворяется в жизнь. Развертывается подготовка к предстоящему в 1975 году совместному полету советских и американских космонавтов. А ведь всего несколько лет назад такой проект, предусматривающий стыковку космических кораблей «Союз» и «Аполлон» с взаимным переходом космонавтов, казался абсолютно невероятным предприятием.

В ходе майской встречи в верхах стороны достигли решающего принципиального согласия о путях преодоления расхождений по экономическим вопросам. В историческом документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», подписанном Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном, указывается, что СССР и США рассматривают торгово-экономические связи как важный и необходимый элемент упрочения двусторонних отношений и будут активно содействовать росту таких связей, способствовать заключению соответствующих соглашений и контрактов, в том числе долгосрочных.

В условиях резкого обострения конкурентной борьбы между США и «Общим рынком», США и Японией Вашингтон сейчас отнюдь не меньше, чем мы, заинтересован в расширении торговли, и наиболее дальновидные американские бизнесмены стремятся в полной мере использовать благоприятную атмосферу, созданную московской встречей, заключены первые действительно крупные сделки. 12 апреля подписано соглашение сроком на 20 лет с американской фирмой «Оксидентал петролеум корпорейшн» о строительстве близ Куйбышева промышленного комплекса по производству минеральных удобрений, которое предполагает взаимные поставки на сумму до 8 миллиардов американских долларов. В прошлом году товарооборот между двумя странами возрос почти втрое. Это ли не опровержение вздорного вымысла политических противников нормализации советско-американских отношений, будто Советскому Союзу и США «нечем торговать друг с другом»!

Потуги доверенных лиц военно-промышленного комплекса в Капитолии блокировать предоставление СССР принципа наибольшего благоприятствования, на котором зиждется новое торговое соглашение, являются злонамеренной попыткой сохранить дискриминационную практику. В этой связи обращает на себя внимание, что правительственный законопроект о торговой реформе 1973 года, направленный на днях на утверждение конгресса, дает президенту право предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле любой стране, когда это, по его мнению, соответствует национальным интересам Соединенных Штатов. «Эти новые полномочия, — подчеркивает Р. Никсон, — позволят выполнить заключенное нами торговое соглашение с Советским Союзом».

Иными словами, массу серьезных препятствий, которые, безусловно, мешают разрядке, можно преодолеть, если искренне идти по пути сотрудничества, воздерживаться от попыток получения односторонних преимуществ. Напротив, сохранение Соединенными Штатами самого крупного в послевоенный период военного бюджета, несмотря на прекращение вьетнамской авантюры, щедрые ассигнования Пентагону на создание глубоководной ядерной подводной лодки «Трайдент», нового стратегического бомбардировщика, новых типов ракет и иных вооружений неизбежно возрождают недоверие. Подобные рецидивы политики «с позиции силы» затрудняют и без того сложные Женевские переговоры об ограничении стратегических вооружений.

Разрядка не может быть прочной, если в мире сохраняются хронические очаги напряженности. За последний год произошло заметное оздоровление обстановки в Европе. С подписанием парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира положен конец вооруженной интервенции США во Вьетнаме. Однако опаснейший очаг военного конфликта сохраняется на Ближнем Востоке, где Израиль нагло провоцирует Ливан и других соседних стран до предела накаляет обстановку, чтобы сорвать любые планы политического урегулирования, предусматривающие вывод войск захватчиков с оккупированных арабских земель. Декларированная правительством США готовность поддержать мирное урегулирование в этом районе в соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года осталась пока на бумаге, в то время как на деле поставками наступательного оружия и предоставлением финансовой и иной помощи Израилю Америка фактически поощряет экспансионистскую захватническую политику Тель-Авива.

Проявляя хладнокровие и выдержку при отражении наскоков враждебных миру сил, СССР с неизменной принципиальной твердостью отстаивал и отстаивает интересы социализма и национально-освободительного движения, интересы дружественных государств.

Нормализация отношений с США, равно как и с другими государствами, является составной частью советской Программы мира и ни в коей мере не направлена против кого бы то ни было. Эта нормализация в жизненных интересах всех миролюбивых государств и народов, заинтересованных в предотвращении ядерной войны и ограничении разорительной гонки вооружений, в развитии сотрудничества и утверждении принципов мирного сосуществования.

Тель-Авив совершил еще одно преступление — бандитские убийства видных лидеров палестинского движения сопротивления, мирных жителей Бейрута и Сайды. Бандитизм, провокации, нарушения элементарных основ международного права возведены правительствами Израиля в ранг государственной политики. Все это вызывает гневное осуждение мировой общественности.

Многотысячная демонстрация протеста в Каире.

Фотохроника ТАСС.

Похороны в Бейруте палестинских лидеров, убитых израильскими диверсантами. Они вызвали в мощную волну народного гнева против преступлений Тель-Авива.

ИСКУССТВО МЕКСИКИ

В торжественной обстановке Президент Мексиканских Соединенных Штатов Луис Эчеверрия Альварес открыл 16 апреля в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выставку произведений мексиканских художников-монументалистов.

Творения трех титанов искусства Мексики — Хосе Клементе Ороско, Диего Ривера и Давида Альфаро Сикейроса — представлены на выставке. В них ярко отражен страстный боевой пафос современного мексиканского искусства, его щедрая многогранность.

Революция 1910—1917 годов стала главной вдохновительницей творчества этих мастеров.

Полотно Ороско «Сражение» повествует об одной из страниц полной страданий и борьбы истории мексиканского крестьянства. В монументальных росписях художника-коммуниста, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сикейроса ощущается напряженное биение пульса нашего века. Полотна Диего Риверы раскрывают нам, что источником форм и красок для художников Мексики служили всегда ее природа, красочное искусство ее народа.

Выставка в Москве, как сказал об этом директор Музея современного искусства в Мехико Фернандо Гамбоа, стала еще одним приветствием мексиканского народа Советской стране.

На снимке: в залах выставки.

Э. ПОПОВА

ПОСВЯЩАЕТСЯ РАХМАНИНОВУ

В Колонном зале Дома союзов состоялся один из торжественных вечеров, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося русского композитора, пианиста и дирижера Сергея Васильевича Рахманинова. Слушатели встретились с известными музыкальными коллективами: хором радио и телевидения под руководством К. Птицы и Большим симфоническим оркестром. Дирижеры — В. Овчинников и Д. Китаенко. В концерте были исполнены произведения С. В. Рахманинова, а также «Элегия» В. Овчинникова, посвященная памяти великого музыканта.

Имя композитора Вячеслава Овчинникова хорошо знают как у нас в стране, так и за рубежом. Им написаны произведения в самых разнообразных жанрах: симфонические, камерные, вокальные. Сонаты для скрипки и фортепьяно, баллады, романсы, хоры, сюиты, симфонии, вокальные циклы. Много работает композитор и в кино, особенные его удачи — музыка к фильмам «Война и мир», «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Первый учитель»...

«Элегия» Овчинникова, с ее мелодизмом, широким, вольным дыханием, плавной, гибкой линией развития, вобрала в себя все то, что особенно характерно для стиля ее автора, творческой его индивидуальности. И в то же время в самой сути своего замысла

«Элегия» возвращена на основе рахманиновской музыки, известнейших его романсов. Мы слышим: «Ночью в саду у меня», «Не пой, красавица, при мне», «Здесь хорошо», «Ночь печальна», «Вокализ» — отдельные фразы, вкрапления, из которых разрастается уже новая музыкальная ткань, новое самостоятельное произведение.

В Колонном зале Дома союзов «Элегия» Овчинникова была исполнена впервые. Дирижировал автор. Впервые мы встретились с Овчинниковым-дирижером публично, а не в записях, не на пластинках — их мы уже не раз слышали. Два рахманиновских произведения, «Сосна» и «Весенние воды», Овчинников оркестровал, дополнив их богатством новых красок, полным распевным звучанием хора, оркестра, при этом сумев проникнуть в самую суть рахманиновского творчества, тактично и смело раскрыв природу рахманиновского искусства.

Дебют Вячеслава Овчинникова прошел с большим успехом. Хотелось бы услышать в его трактовке не только собственные сочинения, но и такие мировые шедевры, как симфонии Чайковского, Бетховена, Моцарта...

Н. НАДЕЖДИНА

На снимке: дирижирует В. Овчинников. Фото А. Кулешова.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Большом зале Центрального лектория ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание» состоялся устный выпуск журнала «Огонек». На вечере выступили поэт Евгений Евтушенко, заслуженный артист РСФСР В. Дружников, поэтесса Людмила Татьяничева, композитор Оскар Фельцман, заслуженный артист РСФСР М. Новохижин. В выпуске приняли также участие главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, члены редколлегии В. Николаев, И. Долгополов и Д. Бальтерманц, сотрудники журнала В. Павлов и Е. Антошкин.

Фото М. Савина.

В. И. ЛЕНИН.

Публикуется впервые.

С чувством большого волнения я готовлюсь к выставке в Центральном музее В. И. Ленина, которая должна быть открыта летом этого года. Я стараюсь собрать для этой экспозиции все лучшее, что я сумел сделать, работая над ленинской темой четвертое десятилетие.

Встреча с Лениным... Для художника это всегда высокая ответственность, огромная требовательность к каждому штриху, к каждому листу композиции, портрета, жанра. Тысячи, тысячи вариантов, эскизов сделал я за эти годы, прежде чем прийти наконец к сознанию, что я нашел свою правду об Ильиче и что я могу донести эту правду людям, зрителю.

Вот почему я с таким душевным волнением жду дня открытия выставки в Центральном музее В. И. Ленина.

Николай ЖУКОВ,
народный художник СССР

МОСКВА И МОСКВИЧИ

1. В моем Моссовете
2. Торговая карта
3. Киоскеры из...
Метростроя
4. Начальник цифры „100”
5. Эталон для города?

3

— Вставать приходится рано, — говорит Василий Иванович Ермолаев. — Первые следы по утрам на нашей улице — мои.

Живет он в Нагатине. Затемно поднимается, но не каждый день, а чередуясь со своим напарником, Виктором Павловичем Константиновым. И спешит на первый поезд метро. Так вот получилось, что Ермолаев и Константинов с метро не расстаются — в прошлом они метростроители. Только Виктор Павлович работал там — стаж 23 года! — гидроизолирующим, а Василий Иванович был ствольным.

Редкий прохожий не подойдет к киоску на Воронцовской улице: берут газеты, журналы, книги, покупают марки, лотерейные билеты, конверты, значки, ручки. Ассортимент в последнее время расширился: появились грампластинки, сигареты, даже мыло и зубные щетки...

Оба киоскера всегда приветливы, хотя работать здесь не так-то просто: у их профессии, как, впрочем, и у всякой иной, свои сложности. Посудите сами: за день в киоск поступает 400 экземпляров «Правды», 200 — «Известий», 200 — «Красной звезды», сотни экземпляров других газет и журналов. Торговля вообще требует внимательности, а тут ты не только продавец, но вроде бы справочное бюро: очень часто люди обращаются с разными вопросами.

И литературу киоскерам надо успевать перелистать: нередко покупатели расспрашивают о какой-нибудь статье или книге.

Продают они всего много — выручка без малого до пяти тысяч рублей в месяц. Пока я сидела у них в киоске — одно утро с Виктором Павловичем, другое — с Василием Ивановичем, — они многое успевали. Натруженные их руки так и мелькают. Константинова и Ермолаева считают одними из лучших киоскеров Москвы. Работают дружно. Хотя и совсем разные они: Виктор Павлович строже, а Василий Иванович пожилее — нет-нет да и проглянет в нем комсомолец двадцатых годов. Вы, может, видели его в фильме «Путевка в жизнь», он снимался в массовке?

Киосков «Союзпечати» в Москве более 1200. В основном работают тут люди пожилые, пенсионеры. Работают для нас с вами. А ведь не каждый из нас в будничной спешке успевает сказать им простое, но такое нужное слово — спасибо!

Л. НАТОЧАННАЯ

На снимке: в киоске на углу Воронцовской улицы. За прилавком — В. П. Константинов.

Фото Б. Кузьмина.

Решено установить на развилке Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы обелиск с изображением ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Москве звания «Город-герой».

Общая площадь Ленинградского вокзала после реконструкции станет в два с лишним раза больше. Все службы вокзала одновременно смогут обслуживать более шести тысяч пассажиров.

На пересечении улиц Вавилова и Дмитрия Ульянова построят Государственный Дарвинский музей. Такое решение принял исполком Моссовета. Музей, рассчитанный на хранение 70 тысяч экспонатов, разместится в трехэтажном здании.

Принято решение установить гранитный памятный знак на Ленинских горах, на том месте, где в 1828 году юные Герцен и Огарев дали знаменитую клятву.

Исполком Моссовета утвердил план преобразования села Федоскина, где живут всемирно известные мастера миниатюры. Здесь будут построены 5-этажные жилые дома, спортивный комплекс и предприятия культурно-бытового назначения. Вдоль левого берега реки Учи создадут зону отдыха. Намечается реконструкция автодороги Шолохово — Федоскино — Аксаково.

1

2

В нашем разделе «Москва и москвичи» мы открываем новую рубрику — «Что нового?». Такой вопрос мы будем задавать руководителям управлений исполкома Моссовета и других служб города. Какие вопросы вы хотели бы задать им, дорогие читатели, о чем узнать? Напишите об этом в редакцию.

Сегодня у нас в гостях начальник Главотрга Мосгорисполкома Николай Петрович ТРЕГУБОВ. С ним беседует специальный корреспондент «Огонька» К. Барыкин.

— Прежде всего об одной характерной особенности московской торговли: среди посетителей столичных магазинов очень много гостей из всех уголков страны. В этом одна из сложностей московской торговли, в план работы которой приходится вносить такой в общем-то трудно планируемый показатель, как приезд гостей. В некоторые летние месяцы случается, что почти двадцать процентов покупок в магазинах городского центра падает на долю приезжих. Я говорю об этом не для того, чтобы посетовать на трудности, а чтобы хотя бы коротко рассказать, как мы стараемся их преодолеть.

Откуда приезжий попадает в город? Чаще всего — с вокзала. Поэтому и решено на площади трех вокзалов, на Комсомольской, построить большой универмаг. Пять торговых этажей, гастромом самообслуживания, ресторан, кафе... Словом, современное предприятие.

Сотни тысяч гостей бывают на ВДНХ. На их пути в центр города встанет универмаг на Колхозной площади. В его оборудовании и оснащении найдут применение проектные решения, технические новинки и отделочные материалы, о которых смело можно сказать: это завтрашний день торговли. В этом магазине будет сделано все, чтобы создать максимум удобств тем, кто придет сюда за покупкой.

Забота об удобствах покупателей лежит в основе недавно разработанного и утвержденного перспективного плана развития московской торговли. Этот план — органическая составная часть Генплана развития столицы. Много внимания в перспективном плане уделяется принципу размещения торговых предприятий. Известно, что, скажем, в булочную или молочную мы заходим ежедневно, а в магазин мебели, конечно же, реже. Прежде констатацией такого факта ограничивались. Ныне же на основе многочисленных статистических и социологических данных разработана стройная система, она и определяет типы строящихся и проектируемых магазинов. Все они теперь поделены на сеть повседневного, периодического и эпизодического пользования. Пусть не покажется странным, что эпизодическим предприятиям торговли (тому же Дому мебели или, скажем, фарфора) в плане отводится заметное место. 37 магазинов из каждых 100 будут именно такими, эпизодическими. Специализированные магазины с широким выбором товаров пользуются большой популярностью. Кроме того, их рост в какой-то мере отражает изменения, характерные для нашего города. Растет число новоселий, и в Доме мебели заметно увеличивается число покупателей. Покупатель идет за сервизом в Дом фарфора, где выбор, естественно, больше, чем в неспециализированном магазине.

...Быстро растет количество универсамов — крупных продовольственных

4

...Проспект Калинина, 22. Третий этаж. Центральная аппаратная. Пощелкивают реле.

— Виктор Ефимов, старший инженер, — представляется подошедший к нам молодой человек.

Но коллеги в шутку величают его начальником цифры «100». Хотя автоматические говорящие часы в начальстве не нужны. Система безотказная.

...В стойку вмонтирован блок, состоящий из двух выдвижных ящиков. Продолжительность оборота диска — пять секунд. В этот период времени уместается и короткая фраза — «один час ровно»; и длинная — «двадцать три часа пятьдесят девять минут».

Хозяин службы времени поворачивает ключ, и по всей комнате разносятся размеренные слова: «девять часов сорок две минуты». Эту фразу, на-

брав номер «100», могут слышать по телефону одновременно более десяти тысяч человек.

— Может ли выйти из строя служба времени? — спрашиваю у Виктора Ефимова.

— Практически это исключено. Два крутящихся диска работают синхронно, но подключен к абонентам только один. В случае аварии автоматически подключается запасной. Даже если электричества не будет во всем здании, сработает аккумуляторное устройство.

Я вижу на стене часы. Маятник метра полтора, гирьки висят. Это — сердце автоматических говорящих часов. Без них невозможна служба времени. Точность «ходинов» высокая: плюс-минус одна секунда в неделю. Каждую минуту они посылают импульсы, которые передвигают головку звукопередатчика на следующую дорожку диска. Их на диске столько же, сколько и фраз. А фраз за сутки, начиная с «ноль часов ровно», набегает... 1 440!

И еще один вопрос задал я Виктору Ефимову: — Пользуетесь ли вы сами службой времени?

— Откровенно говоря, не часто. Но однажды она меня здорово выручила. Я как-то потерял часы. А было время экзаменов — поступал в техникум. В ночь перед экзаменом засиделся за книгами. Заснул поздно, а проснувшись, забеспокоился: сколько времени? Часов в квартире не было. Думал-думал... Ага! Выбежал на улицу, в телефонную будку... Цифра «100» сработала четко.

М. ЦЕБОЕВ

Фото автора.

На снимке: Виктор Ефимов — начальник цифры «100».

магазинов самообслуживания с универсальным ассортиментом товаров. Сначала они робко прокладывали себе дорогу среди продовольственных магазинов Москвы. Но уже вскоре после открытия первые универсамы снискали такую популярность, что исполком Моссовета принял специальное, претворяемое сегодня в жизнь решение: построить универсам в каждом районе. Надо заметить, что такой современный магазин заменяет 10—15 продовольственных магазинов старого типа. Сейчас проектировщики работают над созданием универсама с торговой площадью в две — две с половиной тысячи квадратных метров. Это будет магазин, в котором можно широко применять самое современное оборудование, самые прогрессивные методы обслуживания покупателей.

Новые веяния не обошли и такие старые, но широко известные и популярные магазины, как тот же ЦУМ. В ближайшее время реконструкция ЦУМа закончится — магазин помолодеет, обретет новый облик, получит более удобные торговые залы.

В столице появятся новые торговые улицы. Назову в их числе Новокировский проспект, Сretenку, улицу Димитрова, где разместится много отличных магазинов.

Но главное наше внимание все же обращено на районы новой застройки. В них будет открыто более 800 новых магазинов из тысячи намеченных пятилетним планом.

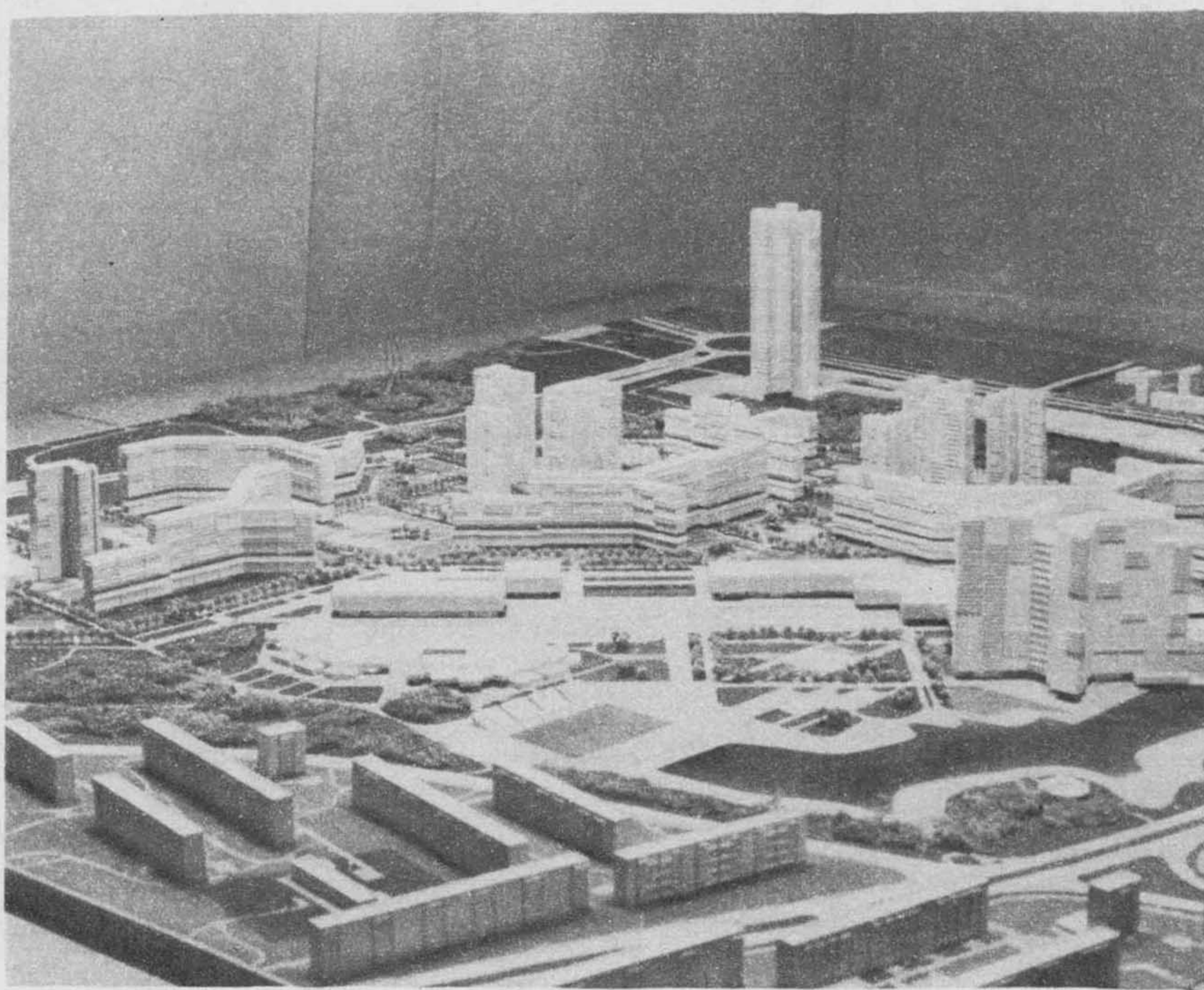
За два года девятой пятилетки товарооборот столичной торговли возрос более чем на миллиард рублей. 1973 год — решающий год пятилетки. Это ощущается и в торговле: растут доходы трудящихся, все больше товаров поступает в магазины, количество покупок множится день ото дня...

На снимках: универсам — одна из новинок московской торговли.

Фото Д. Ухтомского.

5

Необычна и примечательна стройка, идущая сегодня на юге Москвы. Строится своего рода эталон для города. Вот на этих домах и кварталах отработают наиболее разумные конструктивные и объемно-планировочные решения, проверят и отшлифуют градостроительные принципы.

...В образцовом перспективном жилом районе поселится двадцать с половиной тысяч человек. Рельеф застраиваемой территории своеобразен. Северная его часть выше южной на 28 метров. Архитекторы учли это и поделили весь район на две террасы. Верхняя — назовем ее внешней, она ближе к шоссе — разместит здания высотой от 12 до 35 этажей.

Но ведь, если вдуматься, жилье человека не только его квартира. Это и подъезд дома, и двор, и ближайший магазин, и рядом расположенный кинотеатр. И тут проектировщики отошли от многих устоявшихся решений. Почему бы, скажем, гараж не сделать подвальным этажом? Попасть в него можно прямо из вестибюля дома — на лифте или по лестнице. Из вестибюля двери пусть ведут в булочную, в здравпункт и в молочную. А основной торговый комплекс разместится поодаль,

на внутренней нижней террасе: и универсам и ресторан.

В зданиях общественного центра расположатся также спортивные сооружения, бытовые учреждения, поликлиника. Спортивные постройки — это универсальный спортзал, секционные залы, три бассейна для плавания, причем один — на открытом воздухе.

Два школьных здания составят единый комплекс. Между жилыми домами, оберегаемые от внешних шумов, автомобилей, — другие детские учреждения.

Автомашинам, кроме аварийных и медицинских, въезд внутрь микрорайона вообще будет закрыт: для торгового и обслуживающего транспорта проложат подземную дорогу.

Строительство этого микрорайона уже началось, но параллельно идет и проектирование: оно еще подскажет не одну новинку. Остается лишь добавить, что стройку в Северном Чертанове, которую ведет специально созданное Московское проектно-строительное объединение, предполагается завершить в нынешнем пятилетии.

К. КОСТИН

На снимке: таким представляют архитекторы образцово-перспективный жилой район в Чертанове.

Чехословацкое бюро путешествий ЧЕДОК пользуется популярностью в Советском Союзе. Ежегодно к нам приезжают десятки тысяч туристов из ЧССР и десятки тысяч наших граждан посещают братскую Чехословакию. Сегодня «Огонек» беседует с Генеральным директором ЧЕДОКа, кандидатом в члены ЦК КПЧ Мирославом Завадилем.

М. ЗАВАДИЛ. XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии назвал главной задачей политико-идеологической работы партии и других звеньев нашей политической и государственной системы воспитание человека, мыслящего и действующего по-социалистически.

Решение этой очень ответственной задачи связано с воспитанием трудящихся в духе пролетарского интернационализма. В нашем понимании туризм — как его форма, так и содержание — должен все более действенно влиять на формирование социалистического сознания человека, на укрепление физического здоровья и повышение культурного уровня всего современного поколения. Вся наша повседневная деятельность должна подтверждать собою, что мы являемся туристической организацией социалистической страны, и это выражено в первую очередь в братских отношениях с другими социалистическими странами и прежде всего с Советским Союзом.

«ОГОНЕК». Могли бы вы конкретнее пояснить эту мысль?

М. ЗАВАДИЛ. Я думаю, что вопрос социалистического содержания нашей работы прежде всего выражается в том, что большинство наших граждан проводит свой отпуск в социалистических странах. В прошлом году ЧЕДОК направил за рубеж 390 тысяч путешественников, из них в социалистические страны — 384 тысячи. Нашу страну

ПРИГЛАШАЕТ ЧЕДОК

посетило в прошлом году 11 миллионов гостей, из этого числа 92 процента — наши друзья из социалистических стран. Мы очень рады, что при продаже путевок на предстоящий сезон наибольшим спросом пользовались поездки в СССР, так что уже в марте месяце у нас практически не осталось свободных мест. Это, конечно, приносит нам некоторые заботы, но зато ведет к дальнейшему расширению туристского обмена между нашими странами, возможности которого мы обсуждаем с «Интуристом». Мы считаем важной задачей туризма предоставление нашим трудящимся больше возможностей для ознакомления с революционными традициями нашей страны и других социалистических стран, для знакомства с местами освобожденных битв славной Советской Армии и сражавшегося плечом к плечу с ней Чехословацкого корпуса, для встреч с рабочими на заводах и в деревнях. Не случайно за последние годы мы дали возможность многим рабочим коллективам встретиться со своими

побратимами в областях, районах и на заводах СССР и других социалистических стран. Кроме того, мы организуем ряд специализированных поездок, которые конкретно способствуют не только отдыху, но и непосредственному обмену опытом.

«ОГОНЕК». Нас заинтересовала информация о специализированных поездках, как они выглядят?

М. ЗАВАДИЛ. Традицией чехословацких коммунистов давно уже стало привозить из своих поездок в Советский Союз новый опыт, новые творческие инициативы. С тем, чтобы предоставить возможность обмена опытом максимальному количеству людей, мы подготовили ряд маршрутов, которые связаны с областями развитой промышленности или сельского хозяйства. Например, энергетики поедут в Братск, Ростов, Волгоград, металлурги — в Запорожье или Донецк, специалисты сельскохозяйственного машиностроения — во Фрунзе или Ташкент, специалисты деревообрабатывающей промышленности — в Петрозаводск. Таким же образом мы стремимся подготовить полезную программу пребывания у нас и для советских гостей и других иностранных туристов. Мы можем сегодня показать Чехословакию как развитую социалистическую страну с высоким жизненным уровнем, как прочную составную часть социалистического общества, успешно выполняющую решения XIV съезда КПЧ. И вместе с тем мы рассказываем нашим иностранным гостям о товарищеской помощи советского народа, КПСС и Советского правительства, о плодотворном сотрудничестве во всех областях с другими социалистическими странами, благодаря которому мы добились такого уровня.

«ОГОНЕК». Редакция журнала проводит конкурс «Путешествие в

историю ЧССР». Мы объявили читателям, что первый приз — пять путевок в Чехословакию предоставляет ЧЕДОК. Что вы можете сказать о предстоящем маршруте победителей этого конкурса?

М. ЗАВАДИЛ. Я думаю, что посланцы «Огонька» увидят нашу страну в сентябре. Мы провезем их маршрутом — «По революционным местам Чехословакии». Путешествие будет продолжаться двенадцать дней. Его участники увидят все памятные места в Праге. Совершат экскурсию на Орлицкую плотину, в города Табор, Литомержице. Через город Чешка-Липа и Новый Бор они приедут в Либерец, а оттуда в город Усти над Лабой. Автобусом победители конкурса попадут на курорт в Карловы Вары и Марианские Лазни и, возвращаясь в Прагу, побывают в Лидице...

В любом крупном городе находятся филиалы и гостиницы ЧЕДОКа, на каждом туристском маршруте гостей встретят представители нашего бюро. Я могу обещать, что каждый наш гость будет доволен своей поездкой.

В прошлом году в ЧССР в сотрудничестве с Обществом чехословацко-советской дружбы было проведено больше 1700 встреч с советскими туристами. Очень популярны у нас в стране поездки в СССР в праздничные дни. В этом году мы направили спецпоезд на празднование Международного женского дня и сейчас готовим поезд работников народной милиции, которые примут участие в праздновании годовщины Октябрьской революции. Короче говоря, наши люди любят отмечать знаменательные праздники вместе со своими лучшими друзьями. Мы не хотим останавливаться на достигнутом уровне наших туристских контактов и будем вместе искать новые возможности их дальнейшего улучшения и расширения. «Интурист» является для нас отличным партнером, и его забота о наших группах выходит за рамки обычных коммерческих обязательств. За это я хотел бы искренне поблагодарить наших советских товарищей. В этом году мы предполагаем направить из ЧССР в СССР по линии ЧЕДОКа 60 тысяч человек и принять через «Интурист» 48 тысяч советских людей. Это станет новым шагом на пути сближения наших народов!

РАБОТАЕТ ЖЮРИ КОНКУРСА

Каждый день в редакцию нашего журнала приходят письма и бандероли, адресованные на конкурс «Путешествие в историю ЧССР», который был объявлен в «Огоньке» № 8.

«История Чехословакии» меня живо интересует, с большим вниманием читаю все об этой стране, что можно достать в нашем далеком от города селе. Наша Воронежская область дружит с Южно-Моравской областью ЧССР, — написал житель села Новотроицкое, Воронежской области, К. С. Мухомкин.

«У меня очень много друзей в близкой нам Чехословакии. Это коммунисты, участники войны, бывшие партизаны. Они не только друзья, но и братья по крови, братья по классу. Это труженики строен, заводов и фабрик, труженики сельскохозяйственных кооперативов. Это те, кто в военной форме стоит на страже социалистической Чехословакии. Привет

вам, дорогие чехословацкие друзья!» — пишет В. Я. Усиков, бывший артиллерист, ныне начальник учебной пожарной части Актюбинска в Казахской ССР.

А вот письмо из Чечено-Ингушской АССР. На станции Вознесенская живет ученица 10-го класса Лилия Баренхоева.

«В Чехословакии у меня есть друг Милан Ваничек. Переписываемся уже три года. Из его писем я многое узнала о социалистической Чехословакии. Очень дорожу нашей перепиской, так как знаю, что она является частичкой дружбы между СССР и ЧССР.

Скоро жду Милана в гости — он собирается приехать в Советский Союз с поездом дружбы».

Петровск — Галанта, Пугачев — Сеница, Балаково — Трнава, Энгельс — Нитра — это имена друзей, советских и чехословацких городов. Их назвала в своем письме активистка саратовского отде-

ления Общества советско-чехословацкой дружбы Л. И. Шигаева.

Эти и другие строки из писем были зачитаны на днях в посольстве ЧССР в СССР. Здесь состоялось первое заседание жюри конкурса.

В составе жюри: Аврусин Е. Г., первый секретарь Пушкинского ГК КПСС, Гадревек И., советник посольства ЧССР в СССР, Иванов В. В., заместитель главного редактора газеты «Советская культура», Иванова Н. А., заведующая отделом социалистических стран журнала «Огонек», Кремпа И., советник посольства ЧССР в СССР, Крылова Н. А., корреспондент журнала «Огонек», Лелюшенко Д. Д., генерал армии, дважды Герой Советского Союза, Недорезов А. И., заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктор исторических наук, Раевский В. Г., ответственный секретарь Центрального прав-

ления Общества советско-чехословацкой дружбы, Софронов А. В., главный редактор журнала «Огонек», Сбитнев Ю. Н., ответственный секретарь журнала «Огонек», Щербаков Ю. Н., старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кандидат исторических наук.

В работе жюри принял участие чрезвычайный и Полномочный посол Чехословацкой Социалистической Республики в СССР, член ЦК КПЧ Ян Гавелка.

Более полутора тысяч писем и альбомов переданы на рассмотрение жюри. Наиболее интересные материалы уже публикуются и будут публиковаться в дальнейшем на страницах «Огонька». Напоминаем, что желающие принять участие в конкурсе могут отсылать ответы на вопросы, которые были заданы в «Огоньке» № 8, до 20 мая этого года.

Б. Малуев (Ленинград). БОЛЬШАЯ НЕФТЬ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

В. Токарев (Ленинград). ПОРА ЦВЕТЕНИЯ.

ДОРОГОЙ ОБРАЗ

Анатолий ЯР-КРАВЧЕНКО,
народный художник РСФСР

Ночь. Теплый свет керосиновой лампы, прикрытой абажуром, озаряет фигуру склоненного над столом пишущего Ленина. Тесно, очень тесно на чердаке маленького сарая, принадлежащего сестрорецкому рабочему Н. А. Емельянову...

Историческая станция Разлив, куда в ночь на 10 июля 1917 года, скрываясь от ищеек буржуазного Временного правительства, приехал Владимир Ильич.

Известно, что в первые же сутки пребывания в Разливе Ленин написал тезисы «Политическое положение», в которых дал глубокий анализ политической обстановки в стране после июльских событий и показал, что мирный период развития революции кончился. Владимир Ильич поставил перед партией задачу готовить вооруженное восстание.

...«Ленин в подполье» — так назвал свою картину, изображающую образ Ильича в те дни, Д. А. Налбандян. Художнику удалось передать в своем полотне атмосферу напряженной работы вождя. Отразить великий труд автора произведений, определивших ход развития истории нашего Отечества.

Глубок колорит картины. Полновесна пластическая ткань холста, реалистичен, правдив язык живописи мастера, великолепно передана атмосфера этой тревожной ночи.

...Подполье. Минутная передышка. Мгновения внешнего покоя. Но мы отлично чувствуем, глядя на полотно, что за стенами этого временного убежища бурлит жизнь. До нашего слуха доносится топот шагов миллионов рабочих, в ушах звенят тысячеголосые раскаты митинговых речей и вольные песни тех пламенных дней. Мы будто слышим грохот выстрелов.

1917 год... Июль. Мир раздираем войной. Временное правительство предало народ. И русский пролетариат, ведомый партией большевиков, готовится к решительному штурму цитадели капитализма.

Бессмертны строки из тезисов «Политическое положение». В них вся могучая логика, энергия, неодолимая правда ленинской мысли. Это готовый план сражения за власть народа.

...Полотно «Ленин в подполье» — одна из лучших картин «Ленинианы», созданной за много лет советскими художниками, и эта картина как бы открывает экспозицию выставки произведений живописца, развернутую в одном из залов Центрального музея имени Ленина. Здесь собраны холсты народного художника СССР академика Д. А. Налбандяна, и широко известные нашему зрителю — «В. И. Ленин и А. М. Горький среди рыбаков на острове Капри», «В. И. Ленин в 1919 году», «В. И. Ленин в Горках», и работы последних лет — «Ходоки у В. И. Ленина», «В. И. Ленин на IX съезде партии», «Искра» и другие. На выставке широко представлены эскизы будущих картин, портреты, рисунки, акварели, пастели, в которых как бы раскрывается лабораторная работа, мастерская живописца, большой подготовительный труд и неуемный поиск художника, пытающегося глубже, интереснее раскрыть образ Владимира Ильича Ленина.

«В. И. Ленин на субботнике в Кремле» — небольшой рисунок углем, датированный 1969 годом, как бы закладывает основы, намечает штрихи будущего полотна, в котором будет воплощено состояние праздничности труда во имя светлого завтра.

«В. И. Ленин». Эскиз. Маленький картон. Художник будто торопится написать озаривший его образ, широкими мазками запечатлевает облик Ленина, го-

ворящего по телефону. Мы не знаем, кто в этот миг на проводе, но по тому состоянию энергии, экспрессии, воссозданному живописцем, мы зрительно ощущаем напряженную атмосферу тех героических будней, когда каждый день, а порою час решали судьбу государства.

Еще один эскиз. Еще одна заявка... «Выступление Владимира Ильича на заводе АМО». Живописец поставил перед собою нелегкую задачу — показать впечатление, производимое живой речью Ильича на тысячную аудиторию рабочих автомобильного завода. В небольшом полотне остро, характерно намечены отдельные персонажи, чувствуется, что созданию эскиза предшествовала большая работа на натуре... Хочется верить, что мастер доведет этот эскиз до картины, где с большей силой развернет перед зрителем свое умение художника-реалиста.

Надо сказать, что последние большие выставки в Манеже не были богаты многофигурными композициями, решающими сложные исторические темы. Это не значит, что в истории развития советского искусства не выработаны замечательные традиции по созданию холстов, в которых звучит гражданственная тема величия создания Советского государства. Достаточно вспомнить превосходные полотна Б. Иогансона, А. Дейнеки, В. Серова, Сергея Герасимова, П. Соколова-Скаля и многих других выдающихся мастеров социалистического реализма. Но справедливость требует сказать в полный голос, что нам сегодня надо всячески поддерживать мастеров, работающих над сложными сюжетными картинами, раскрывающими перед советским зрителем страницы замечательной летописи создания нашей Родины. И в этом плане выставка работ Д. А. Налбандяна заслуживает всяческой похвалы.

Замечательна инициатива Центрального музея Ленина, открывающего этой экспозицией целую серию выставок, посвященных раскрытию нашими советскими художниками образа Владимира Ильича Ленина.

Следующие экспозиции будут посвящены творчеству художника-графика Николая Жукова, скульптора Н. А. Андреева и других.

Трудно переоценить огромную воспитательную и пропагандистскую роль картин, посвященных ленинской тематике. Вот всего один штрих.

Есть у наших космонавтов обычай перед полетом побывать на главной площади Москвы — Красной площади, послушать перезвон курантов Спасской башни, пройти по гулкой брусчатке к Мавзолею, где покоится Ильич. Они приходят в кабинет Ленина, чтобы еще ярче представить себе дорогой нам образ великого вождя революции.

Свято чтут летчики-космонавты еще одну традицию. В звездный полет они берут на борт корабля портрет дорогого Ильича.

Репродукцию с картины Д. А. Налбандяна «Ленин в подполье» как самую дорогую реликвию взял с собою на борт «Союза-4» дважды Герой Советского Союза В. А. Шаталов.

...Я еще раз прохожу по залу экспозиции выставки Д. А. Налбандяна в Центральном музее В. И. Ленина. У входа в зал на высокой подставке книга отзывов...

Три пионерки в красных галстуках что-то пишут на белом листке бумаги.

Подхожу попозже и читаю:

«Спасибо художнику, который так хорошо показал дорогой нам образ Ильича...»

МУЗЫКА
ОСТАЕТСЯ
С НАМИ...

К 70-ЛЕТИЮ СО
ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ю. С. МИЛЮТИНА

Сейчас, весной, на Ленинских горах особенно оживленно и многолюдно. Сюда приходят и те, кому еще предстоит стать студентами, и те, кто завтра уже с дипломами МГУ имени Ломоносова пойдет в жизнь... Вот стайкой спускаются по лестнице студенты, и вдруг мы слышим знакомую мелодию. Они поют песню «Ленинские горы»... на английском языке. Здесь эту знаменитую песню композитора Юрия Милютин, удостоенную Государственной премии, распевает на всех языках. Поют французы и немцы, поляки и венгры, сомалийцы и индийцы. «...Надежда мира, сердце всей России, Москва — столица, моя Москва...» Эту песню они повезут домой как неотъемлемую часть своего университетского жителя. Из поколения в поколение передают ее друг другу студенты Московского государственного университета, несут по всему миру музыку замечательного композитора.

Юрий Сергеевич Милютин родился и вырос в Москве, и поэтому, вероятно, ему были особенно близки мотивы родного города. Это и «Песня московских школьников» и «Комсомольцы-москвичи»... Однако широк, многогранен диапазон творчества композитора. Его оперетты «Цирк зажигает огни», «Девичий переполох», «Беспокойное счастье», «Трембита» с успехом идут и сегодня на сценах наших театров. Им аплодируют зрители Болгарии и Чехословакии, Венгрии, ГДР, Румынии...

«Трембита», одна из самых популярных советских оперетт, несколько лет назад превратилась в фильм-спектакль. Недавно его снова показали по телевидению. Более двадцати лет живут и неизменно вызывают большую симпатию у зрителей герои «Трембиты».

Прекрасную музыку Юрия Милютин мы слышим постоянно в концертах, в театрах, по радио, испытывая каждый раз радость общения с его искусством. Это ли не памятник музыканту, добрыми своими творениями преодолевшему черту забвения, незримо живущему и сегодня среди нас...

Анатолий НОВИКОВ,
народный артист СССР

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Генерал армии И. В. ТЮЛЕНЕВ

Фото А. УСТИНОВА.

Его лично знал Владимир Ильич Ленин. Осенью 1920 года в одной из бесед с Кларой Цеткин. Владимир Ильич так говорил об этом удивительном человеке:

«Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать раздробить себя на части...»

Семен Михайлович Буденный...

Нет такого человека в нашей стране, который не знал бы его. Его имя известно во всем мире. О нем сложены песни. В памяти народной живут легенды о нем, передаются из поколения в поколение...

И я горжусь тем, что немало послужил вместе с Семеном Михайловичем и под его командованием в годы гражданской и в годы Великой Отечественной войн, тем, что служил в буденновской Первой Конной армии, тем, что не раз ходил в бой вместе с Семеном Михайловичем.

А родился Семен Михайлович на седом Дону, в семье батрака, на заброшенном хуторе Козюрин, что лежит неподалеку от станции Платовской.

Боевое крещение Семен Буденный принял в Маньчжурии во время русско-японской войны. В первых же боях он показал себя необыкновенно храбрым и хладнокровным бойцом, блестящим кавалеристом, мастерски владеющим клинком. И после войны Семена Михайловича оставили в армии, присвоили ему звание старшего унтер-офицера и даже послали в Петербург, в школу наездников — эту школу он окончил в 1908 году. И стал Буденный обучать конников. Всем премудростям не легкого кавалерийского искусства, в котором не было ему равных.

В годы первой мировой войны за храбрость и мужество Семен Михайлович получил высшую степень отличия царской армии — стал полным георгиевским кавалером.

Еще в то дореволюционное время Семен Михайлович пользовался непререкаемым уважением среди солдат, которые видели в нем не только бесконечно храброго человека и лихого кавалериста, с которым не страшно ни в каком бою, но и своего защитника. Да, Семен Михайлович, с детства испытывавший горькую батрацкую судьбу и знающий тягость солдатской доли, рискуя навлечь гнев офицеров, не давал в обиду товарищей. И уже в то время ясно обозначился организаторский и боевой талант Семена Михайловича — талант народного вождя.

Не случайно в первые же дни Февральской революции Семена Михайловича Буденного избрали председателем полкового, а затем и членом дивизионного комитета. С этих дней и началась революционная работа будущего Маршала Советского Союза. Отныне свет ленинских идей навсегда озарил жизнь Семена Михайловича, стал его путеводной звездой...

В августе 1917 года Семен Михайлович встретился с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Это произошло в Минске. Вместе с Михаилом Васильевичем Буденный задержал и разоружил «Дикую дивизию», которую Корнилов направил на подавление восставших петроградских рабочих. Встреча с Фрунзе — с пламенным революционером, соратником Владимира Ильича, талантливым полководцем и организатором, оказала большое влияние на Буденного, который стал верным другом Михаила Васильевича...

Октябрьскую революцию Семен Михайлович встретил на родном Дону, принимал участие в становлении Советской власти в этих местах. А в феврале 1918-го сформировал лихой кавалерийский отряд и повел его биться с донской белогвардейской контрреволюцией.

В марте 1919-го Семен Михайлович Буденный вступил в ряды партии. С этого времени раскрылся его необыкновенный полководческий талант. Он был одним из первых военачальников, которые поняли все великое стратегическое значение конницы в условиях гражданской войны. В марте же 1919-го Буденный стал командиром кавалерийской дивизии. Блестящие ее действия имели немалое значение в обороне Царицына и в разгроме белогвардейцев в тяжелых боях за город. За эти бои Реввоенсовет 10-й армии вручил Буденному почетное боевое оружие — шашку, откованную из златоустовской стали, и представил к награждению орденом Красного Знамени — высшей награде тех лет. Вскоре Семен Михайлович получил этот свой первый орден. В июне

1919 года дивизия Буденного была развернута в конный корпус — первое крупное кавалерийское соединение.

Примерно в это время я и познакомился с Семеном Михайловичем — получил назначение в 11-ю кавдивизию, а потом стал начальником разведки буденновского кавкорпуса...

Как любили Буденного бойцы! Да и как не любить, когда он всегда был среди них, всегда готов был выслушать, поговорить по душам с каждым. А в бою был впереди всех.

Помню, когда Семен Михайлович уже командовал прославленной Первой Конной армией, трудная обстановка сложилась на польском фронте, на участке 6-й кавдивизии. Враг, несмотря на большие потери, беспрерывно атаковал, пытаясь охватить фланг дивизии. Кое-где дрогнули ряды обороняющихся. Начали отходить... В это время в сопровождении эскадрона Реввоенсовета в дивизию примчался С. М. Буденный. Быстро оценив обстановку, командарм взял из резерва бригаду И. А. Колесникова и лично повел ее в атаку на вражескую пехоту.

Золотистый Казбек нес Семена Михайловича впереди лавины всадников. Никто не обращал внимания на плотный пулеметный огонь, на разрывы снарядов и мин. Буденновцы отрезали врага от леса, часть порубили, другую — взяли в плен. Замысел противника окружить и разгромить 6-ю кавдивизию был сорван... Так бывало не раз.

Мамонтов, Врангель, Деникин, Шкуро, Улагай — многие белые генералы испытали мощь ударов конников Буденного. Воронеж, Каменная, Старый и Новый Оскол, Ростов-на-Дону, Крым, Майкоп — вот памятные вехи славного пути Первой Конной во главе с С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым.

Памятен нам, конармейцам, и тысячеверстный марш-переход, после которого красная кавалерия прорвала вражескую оборону в районе местечка Сквир и вынудила армию Пилсудского не только бежать из Киева, но и откатиться до Львова и Варшавы.

Закончилась гражданская война. Семен Михайлович был назначен заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, потом — помощником Главкома по кавалерии и членом Реввоенсовета СССР. В 1924 году С. М. Буденный — инспектор кавалерии. Горячий энтузиаст конницы, он с жаром взялся за дело, отдавал все силы укреплению кавалерийских частей, реорганизации и созданию новых конных заводов, улучшению пород кавалерийских лошадей.

В 1935 году в числе других крупнейших полководцев нашей страны правительство присвоило С. М. Буденному звание Маршала Советского Союза. В 1937 году Маршал С. М. Буденный назначен командующим войсками Московского военного округа. Здесь ярко проявился организаторский талант Семена Михайловича. В тридцать девятом, оставаясь командующим войсками округа, он стал заместителем Наркома обороны, а в августе 1940-го — первым заместителем...

И вот — горькое лето сорок первого года. Враг рвался на восток. В эти тяжкие дни военная судьба вновь свела меня с Семеном Михайловичем. Я командовал войсками Южного фронта. Семен Михайлович, будучи членом Ставки и заместителем Наркома обороны, одновременно был Главнокомандующим Юго-Западным направлением. Затем Семен Михайлович возглавил Резервный фронт, сыгравший важную роль в обороне Москвы и в разгроме гитлеровских войск у стен столицы. В мае 1942 года Семен Михайлович был назначен Главнокомандующим Северо-Кавказским направлением, а затем командующим Северо-Кавказским фронтом, который оборонял побережье Азовского и Черного морей и Керченский пролив. В это время я командовал войсками Закавказского фронта. И я очень радовался тому, что соседним фронтом командует боевой мой друг, соратник, замечательный полководец — Семен Михайлович Буденный.

В год Победы Семену Михайловичу исполнилось 62 года. Из них больше сорока лет он находился в строю. И по сей день Семен Михайлович ведет большую партийную, государственную и общественную работу.

Многие годы он постоянно избирается делегатом съездов партии, входит в состав ЦК КПСС. Еще в годы гражданской С. М. Буденный стал членом ВЦИК, а с 1922 года и ЦИК СССР. Он депутат Верховного Совета СССР всех созывов. А с января 1938 года — член Президиума Верховного Совета СССР.

Когда Семену Михайловичу Буденному вручалась третья Золотая Звезда Героя Советского Союза, он сказал:

— Пока бьется мое сердце, оно принадлежит партии и народу.

Эти слова были и остаются девизом удивительной и неповторимой жизни Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

Б. СМЕРНОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Специальные
корреспонденты
«Огонька»

В руке у меня легкий, упругий шарик. Это каучук. Еще с детства запомнилось другое его название, красивое и печальное, — «слезы дерева». В книжке, где я прочитал эти слова, на картинке был изображен тощий, сутулый туземец, который ножом вырезал витую канавку в коре тропического дерева. Рядом стоял белый надсмотрщик в пробковом шлеме, смотрел, как в канавке собирается сок. Слезы дерева, слезы людей... И вот теперь Вера Николаевна Маршева, начальник лаборатории Нижнекамского нефтехимического комбината, рассказала мне другую историю каучука. Сейчас его добывают из нефти, но история этого, по сути говоря, совершенно нового, синтетического продукта, потеряв свою экзотическую основу, не стала менее интересной. Синтетический каучук стремительно завоевывает мир, конкурируя со своим собственным эталоном — каучуком натуральным. «Слезы дерева» хуже не стали, просто их мало, чтобы обуть в шины все автомобили. И многие страны, которые раньше могли только покупать каучук, теперь выпускают его

что рядом с Нижнекамском сооружается невиданный по размаху гигант — КамАЗ. Но нижекамцы не обойдены славой — они сумели с невиданной быстротой вывести свое производство на проектную мощность: в два раза быстрее плана!

Вера Николаевна Маршева приехала сюда по распределению из университета, когда в степи только разворачивалась стройка. После проспектов Казани — непролазная глина, после университетских лекций и коллоквиумов — оскорбительные для выпускников простейшие анализы питьевой воды. Но, главное, в Нижнекамске еще негде было заниматься химией, без которой она уже не представляла своей жизни. Впрочем, эти первые годы и были для нее, наверное, самой важной проверкой... Она осталась на стройке, работала инженером, потом стала начальником лаборатории ОТК и при первой же возможности перешла в лабораторию исследовательскую. Химии, настоящей химии к тому времени на комбинате было уже столько, сколько может лишь пожелать себе начинающий молодой ученый...

— Работать над диссертацией мне было легко — она прямо вытекала из моих каждодневных дел, — рассказывает Вера Николаевна. — А в производстве синтетических каучуков очень много неопробованных путей. «Каучуковая» наука еще только начинает по-настоящему развиваться и особенно сейчас, после XXIV съезда партии, где было решено значительно увеличить выпуск новых, высококачественных синтетических каучуков. Наш комбинат производит одну из лучших его марок — СКИ-3, этот каучук очень близок по своим свойствам к натуральному. Сейчас комбинат является од-

КАУЧУК — КОНКУ

сами. Крупнейшим производителем изопреновых каучуков стал СССР, хотя выпуск их был освоен в нашей стране только в 1964 году. А в процессах получения этой продукции есть много каверз. Каждое из предприятий вырабатывает свой собственный, особый каучук — как у разных хозяек получаются разные по вкусу пироги. У одного завода каучук хороший, у другого — похуже. Тот шарик, что лежит у меня на ладони, является одним из «чемпионов», и родом он из Татарии, с недавно вошедшего в строй Нижнекамского нефтехимического комбината.

Биографию комбината можно назвать не только интересной, как и историю каучука, но и значительной. Еще десять лет назад там, где стоит сейчас огромное предприятие, где вырос современный многоэтажный город, была открытая всем ветрам степь. Строился комбинат молодыми добровольцами, вырастая на глазах со сказочной быстротой. В прежние времена такие темпы сделали бы Нижнекамск городом-легендой, подобным, например, Магнитке, но теперь масштабами ударной комсомольской стройки вряд ли кого-нибудь удивишь, тем более

ним из крупнейших производителей СКИ-3 в стране, и наш каучук хвалят; но это не значит, что у нас все в порядке...

Вера Николаевна достает из стола таблицы. Вот данные об испытаниях автомобильных покрышек из натурального каучука, а вот — из СКИ-3. Натуральный каучук и бежит дольше, и тянется лучше, и больше сопротивляется разрыву покрышки. Да, разница ощутимая. А ведь сейчас грузовики становятся все тяжелее, все скоростнее, тракторы в сельском хозяйстве все больше стремятся сменить металл гусениц на резиновую покрышку... Создателям искусственного каучука найдется над чем работать!

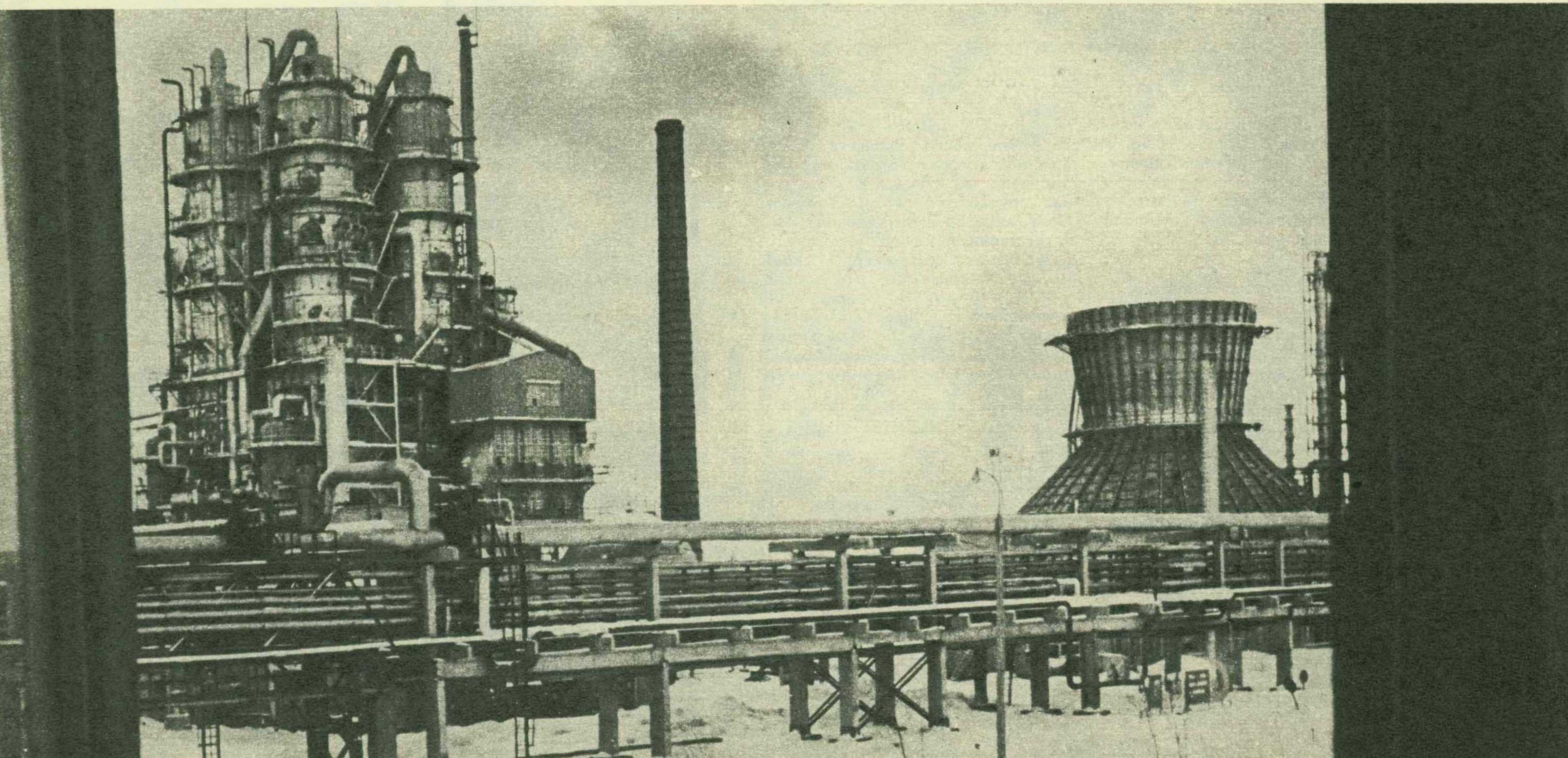
Этим и занимается лаборатория, которой руководит Вера Николаевна. Обычно лабораторию не сравнивают с научным центром, но здесь такое сопоставление напрашивается само собой. Огромное, как заводской цех, четырехэтажное здание. Десятки кабинетов и лабораторных залов, сложные испытательные установки, современная химическая аппаратура... Здесь как бы в миниатюре воспроизводятся все процессы, которые происходят рядом, в рабочих цехах комбината. В любую минуту лабо-

Вера Николаевна Маршева.

РЕНТ КАУЧУКА

Здесь производится каучук.

раторный пример может объяснить, почему где-то там, в цехе, «не пошла», как говорят химики, реакция. И здесь, в лабораторном корпусе, проверяются новые идеи и неопробованные пути. В колбах и пробирках протекают реакции, которые могут пройти проверку здесь же, в цехах комбината.

— Вот видите, какая у нас лаборатория! — с удовольствием объяснила Вера Николаевна. — Слово слуга двух господ — ее величества Науки и его величества Производства. А иначе, без науки, я даже не представляю, как здесь можно работать. Ведь химический комбинат не может быть местом, где что-то производится — и только. Например, мы ищем пути улучшения качества каучуков. Если мы что-то найдем, будет решена большая научная проблема... Представляете, как приятно нам было услышать одобрение этого направления работы с трибуны XXIV съезда партии! Товарищ Брежнев в своем докладе, говоря о связи науки с производством, привел в качестве примера освоение производства изопренового каучука. Решение проблемы освоения — очень сложное дело! У нас все это в памяти, мы стали получать каучук совсем недавно...

Вот эти автоклавы исторические, — продолжала рассказывать Маршева, когда мы вошли в одно из помещений лаборатории. — Здесь впервые был получен нижекамский каучук. Это произошло ночью. На комбинате уже все было готово к пуску цехов, а мы решили последний раз проверить все здесь, в лабораторных условиях. За день не управились, задержались до глубокой ночи. И я уже не помню, в котором часу впервые увидели наш каучук. Вы не представляете себе, как это было здорово!

Да, оглядываясь в прошлое порой бывает так же интересно, как и заглядывать в будущее. Сейчас Вере Николаевне непонятно, как это раньше она могла жить без химии, а ведь было время, когда чуть не отдавала предпочтение математике или... литературе. Тогда, в школе, получая золотую медаль и мечтая о будущей профессии, она и не думала, что через каких-то десять лет будет руководить огромной лабораторией, станет видным специалистом по каучуку.

— Я не успокоюсь, пока мы не начнем получать самый хороший в мире каучук! — говорит Вера Николаевна. — Я понимаю, что это задача всего комбината, всей нашей промышленности, но ведь у каждого человека должны быть и свои личные цели, верно? В производстве синтетического каучука есть много секретов, так вот, я поставила перед собой цель: эти секреты раскрыть...

Одну из стен в кабинете главного инженера комбината Павла Александровича Вернова занимает план строящегося комбината. Какая это будет громадина! До сих пор я удивлялся, как много здесь всего построено, а тут понял, что видел лишь треть будущего химического гиганта. Комбинат работает, комбинат строится.

— Да, наш комбинат не будет знать себе равных по производству синтетического каучука, — подтвердил Павел Александрович. — К концу пятилетки он станет одним

из крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий Европы. Сейчас мы поставляем каучук нескольким шинным заводам страны, и этих заводов с каждым годом становится все больше. Гигант, таким образом, будет работать для гигантов. Вот по соседству строится еще один потребитель нашего каучука — Нижнекамский шинный завод, он будет снабжать резиной КамАЗ. А для грузовиков КамАЗа нужны очень хорошие покрышки.

— Значит, ваш комбинат уже сейчас должен заботиться об улучшении качества СКИ-3? — попытался я продолжить мысль Вернова, но главный инженер избрал другой вариант разговора.

— То, что должны, — правильно, но мы уже сейчас могли бы делать свой каучук лучше.

— Что же вам мешает?

— Вот смотрите, — сказал Вернов и провел пальцем короткую черту по полированной поверхности стола. — Вот, предположим, мы идем по пути улучшения качества каучука. А шинному заводу для его технологического процесса нужен каучук несколько иных качеств. — Вернов нарисовал вторую черту, уходящую от первой под довольно большим углом. — Чем тверже каучук, тем выше будет качество резины. Мы могли бы выпускать более твердый каучук, но оборудование на шинных заводах — Ярославском, Воронежском и других — рассчитано на более мягкий каучук. Только не подумайте, что на шинных заводах сидят какие-то консерваторы, — смеется Вернов. — Дело в том, что Нижнекамский химкомбинат строился с учетом самых последних достижений, а у шинников определенные трудности с оборудованием по переработке новых каучуков.

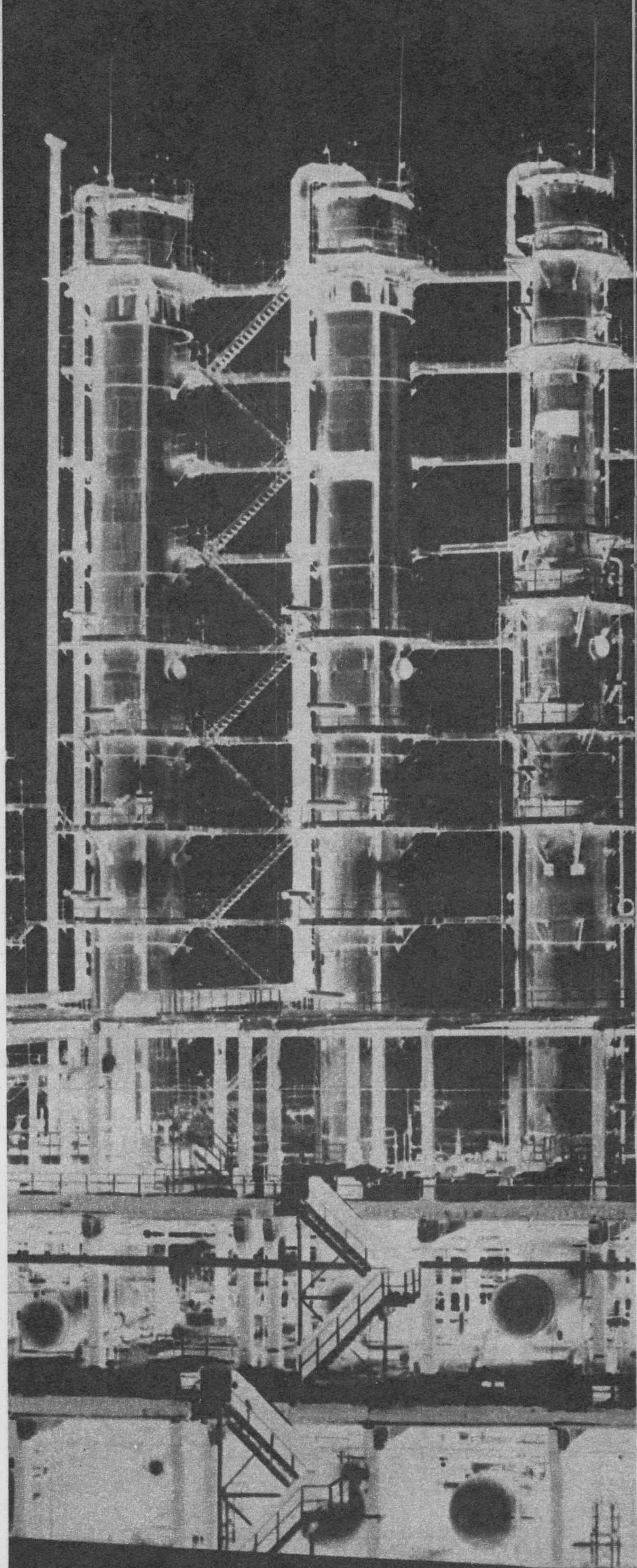
— Ну, а водители машин, на которых стоят эти шины, автохозяйства, вся экономика страны в каком из обозначенных вами путей заинтересованы?

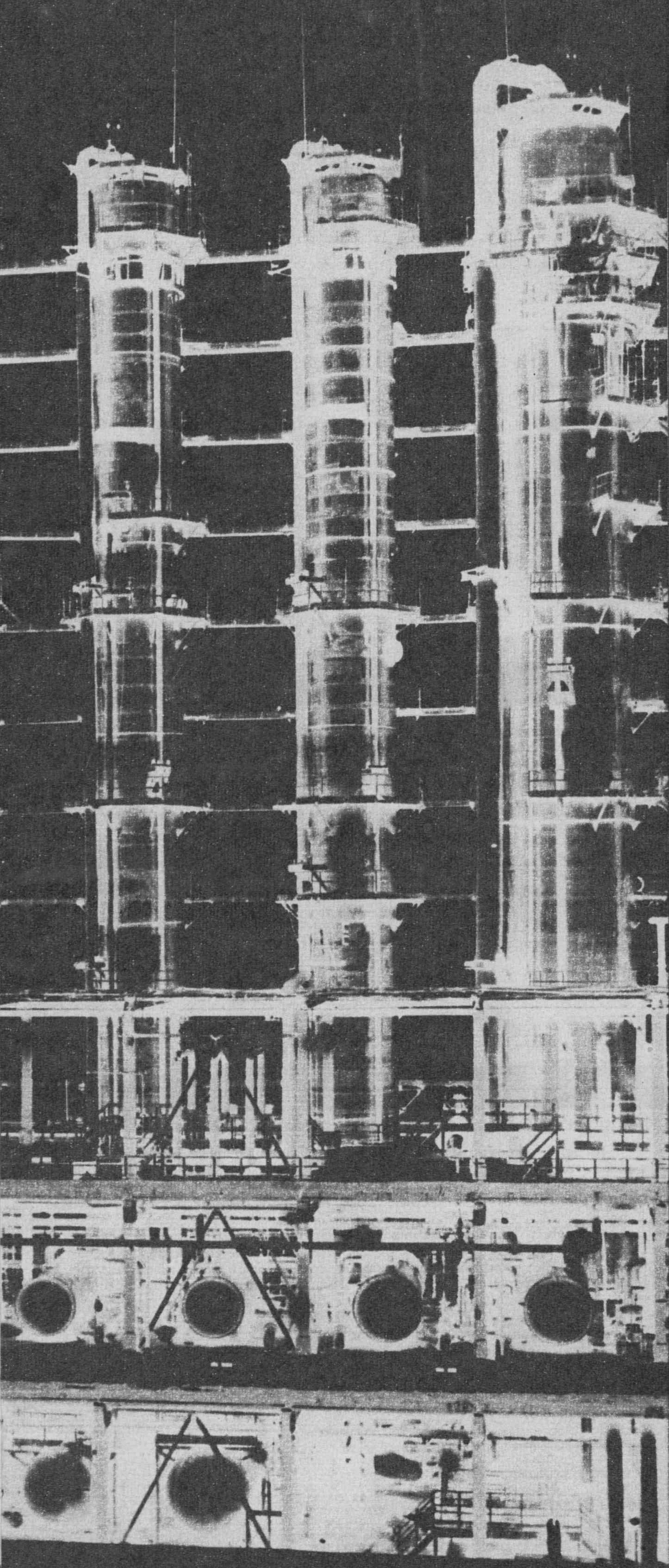
— Конечно, в нашем, — подчеркнул Вернов «свою» черту. — Хороший каучук — это хорошие шины. Мы уже установили контакты с Ярославским, Кировским шинными заводами, они по договоренности с нами проводят ряд исследований, экспериментов. Надо думать, в ближайшее время наши «ножницы» сойдутся в одну линию.

— Значит, когда шинники скажут свое слово, вы сможете еще больше усовершенствовать ваш каучук?

— Вернее, изменять его физико-механические свойства в ту сторону, которая потребуется для производства. Пока эталоном для нас служит натуральный каучук. Но в некоторых отношениях наш искусственный каучук уже лучше натурального, например, в своей морозостойкости. Так же можно улучшать и другие свойства синтетических каучуков. Сейчас на нашем комбинате полным ходом идет монтаж линии, которая будет производить еще один вид каучука. Этот материал отличается своей низкой газопроницаемостью и высокой теплостойкостью, на его основе можно получать резины с большой прочностью. Он необходим многим отраслям нашей промышленности, и мы должны наладить его производство в самые сжатые сроки.

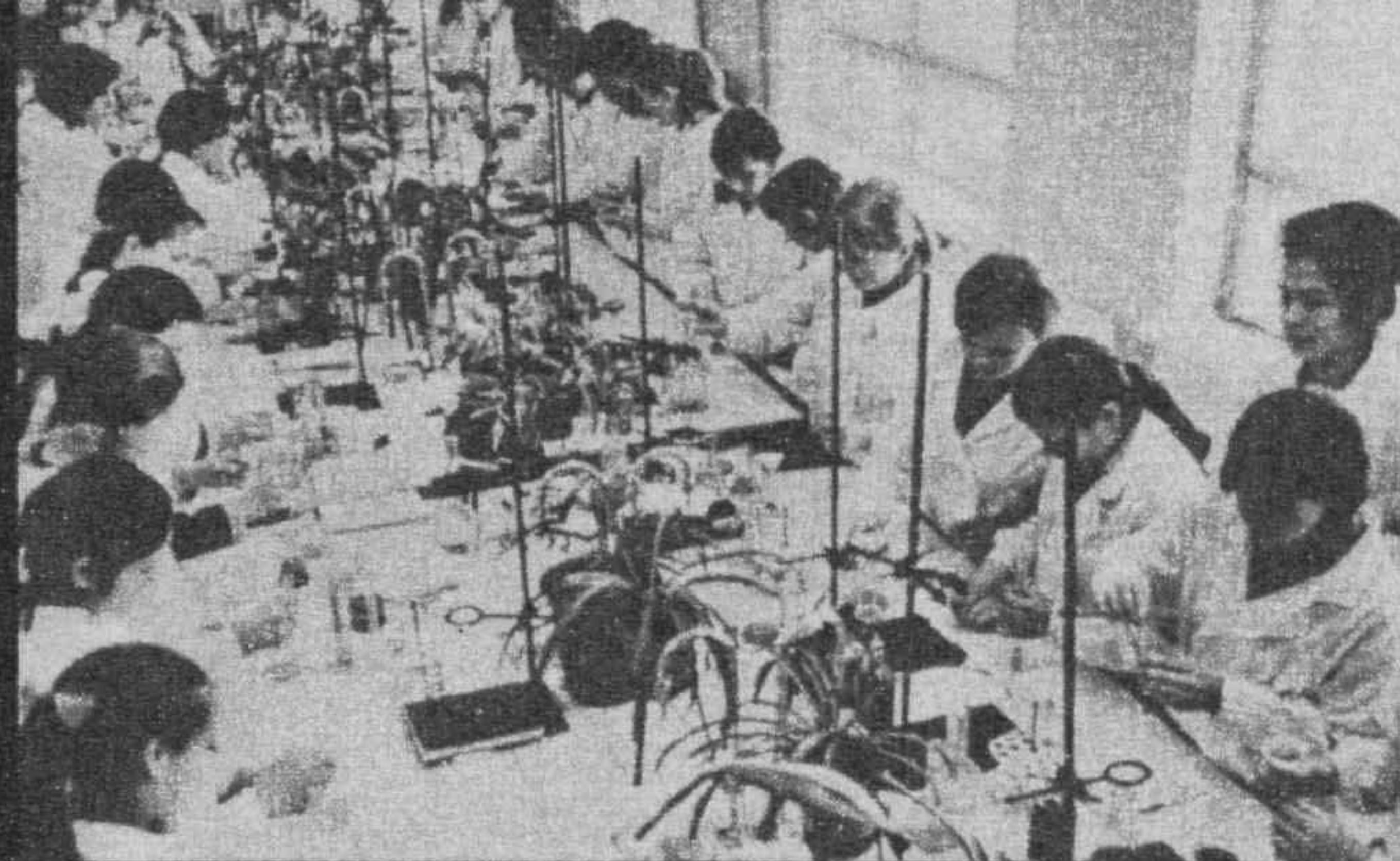
Что ж, нижекамские химики еще раз покажут свой характер...

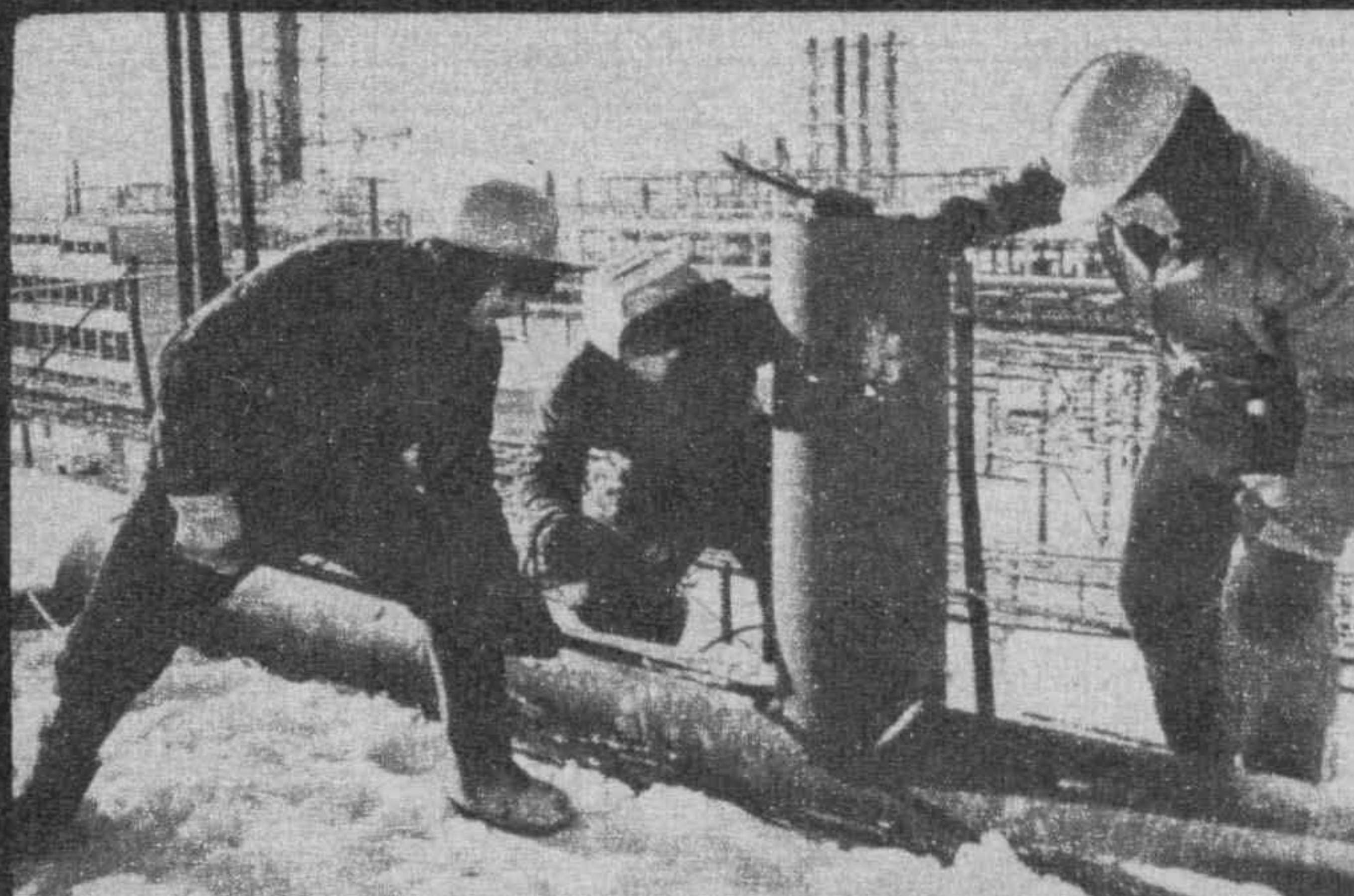

Колоннада двадцатого века.

Первые шаги в Большую химию...

Они строят шинный завод. Электросварщики А. Новоселов и В. Аракчеев.

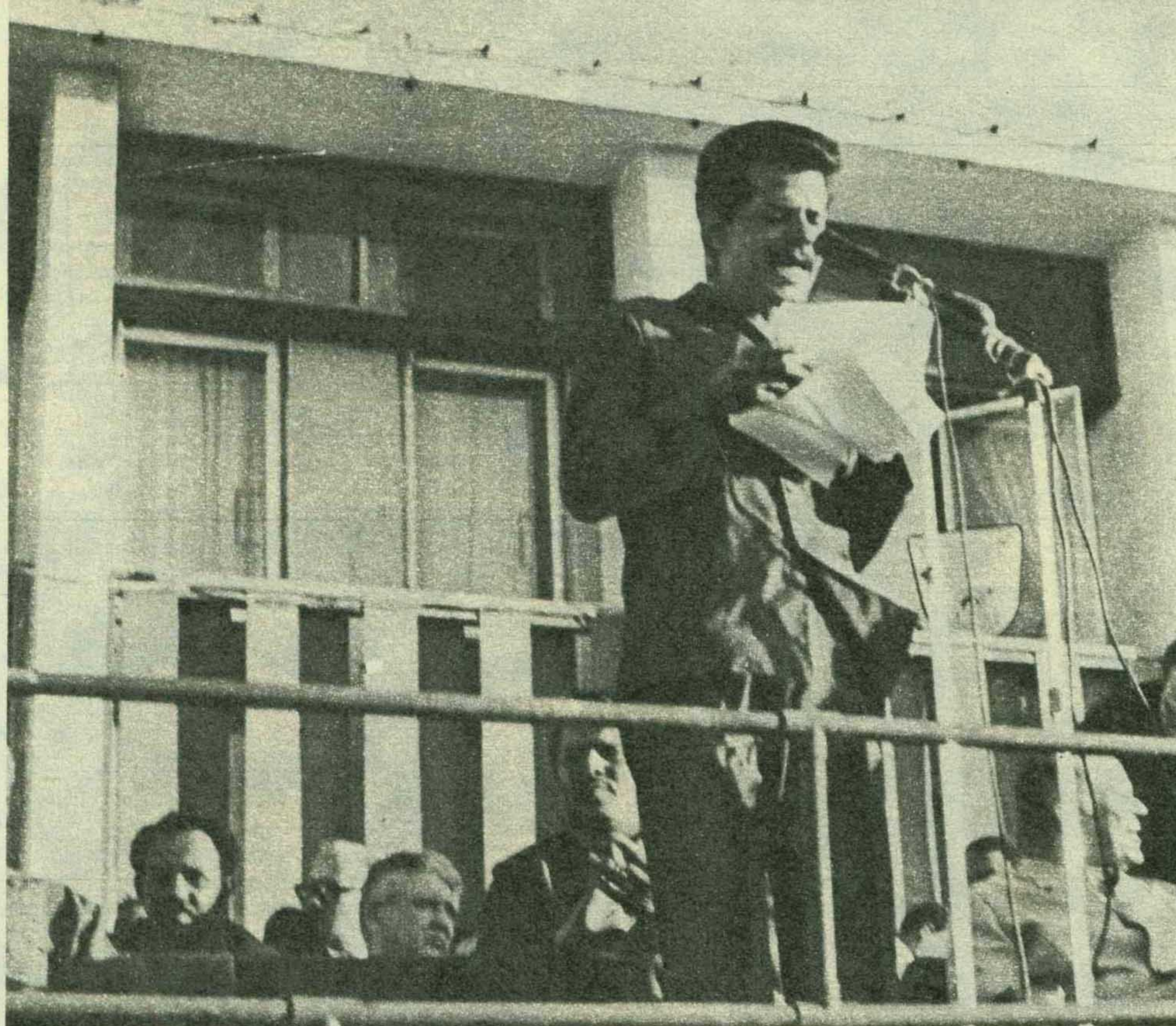
Комбинат растет!

Молодому городу нужны и музыканты.

Нижнекамск кооператив профтехучилища готовит пополнение комбинату.

Генеральный секретарь ЦК Национального фронта НДРЙ Абдель Фатах Исмаил приветствует гостей на митинге в Адене.

А. СОФРОНОВ

АДЕН ОСТАЕТСЯ КРЕПОСТЬЮ

В

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ...

Воспоминания — неотъемлемая часть человеческой жизни. Трудно найти человека, который бы ничего не помнил или не испытывал от этих воспоминаний чувств радости или горести. Когда я узнал о том, что мне в составе делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки предстоит лететь на сессию исполкома этой организации, посвященную ее 15-летию, то вспомнил, что однажды, лет десять назад, по дороге в Кению я пролетал нынешнюю столицу Народной Демократической Республики Йемен — город Аден. Только тогда Аден еще не был столицей республики, а являлся одной из опорных крепостей «владычицы морей», матерой колониальной державы — Великобритании. Теперь все чаще Великобританию называют Англией, что вполне соответствует ее нынешнему положению — положению державы, в недавнем прошлом вынужденной одну за другой отдавать полноправным хозяевам множество стран Азии и Африки и тем самым, чтобы казаться не слишком смешной, не злоупотреблять именем Великобритании... Отдавать и вместе с тем искать всяческие пути и возможности проникновения в эти же страны, но уже другими способами. Недаром о старых колонизаторах говорят, что их выгоняют в двери, а они лезут в окна.

Тогда, лет десять назад, направляясь в глубины Экваториальной Африки, опустясь на аденском аэродроме, мы заметили стоящие здесь же десятки английских истребителей и застывшие в Аденском заливе длинные свинцово-серые тела кораблей британского военного флота.

Помнится, было предвечернее, багровое солнце. Медленно опускалось оно куда-то за невидимый для глаз горизонт Индийского океана, и все вокруг: и темные горы, и вода залива, да и само жесткое поле аэродрома с желтой, выгоревшей от нестерпимого зноя травой — было залито зловещим цветом пожара.

Никаких других воспоминаний, кроме зловещей настороженности, с тех пор у меня об Адене не осталось.

Теперь после остановки в Каире, пролетев еще четыре часа на «ИЛ-18», мы подлетали к Адену. Рассвет окрашивал каемку лежащих

Въезд в Аден.

Мыс Слоновый хобот.

Мы все учимся.

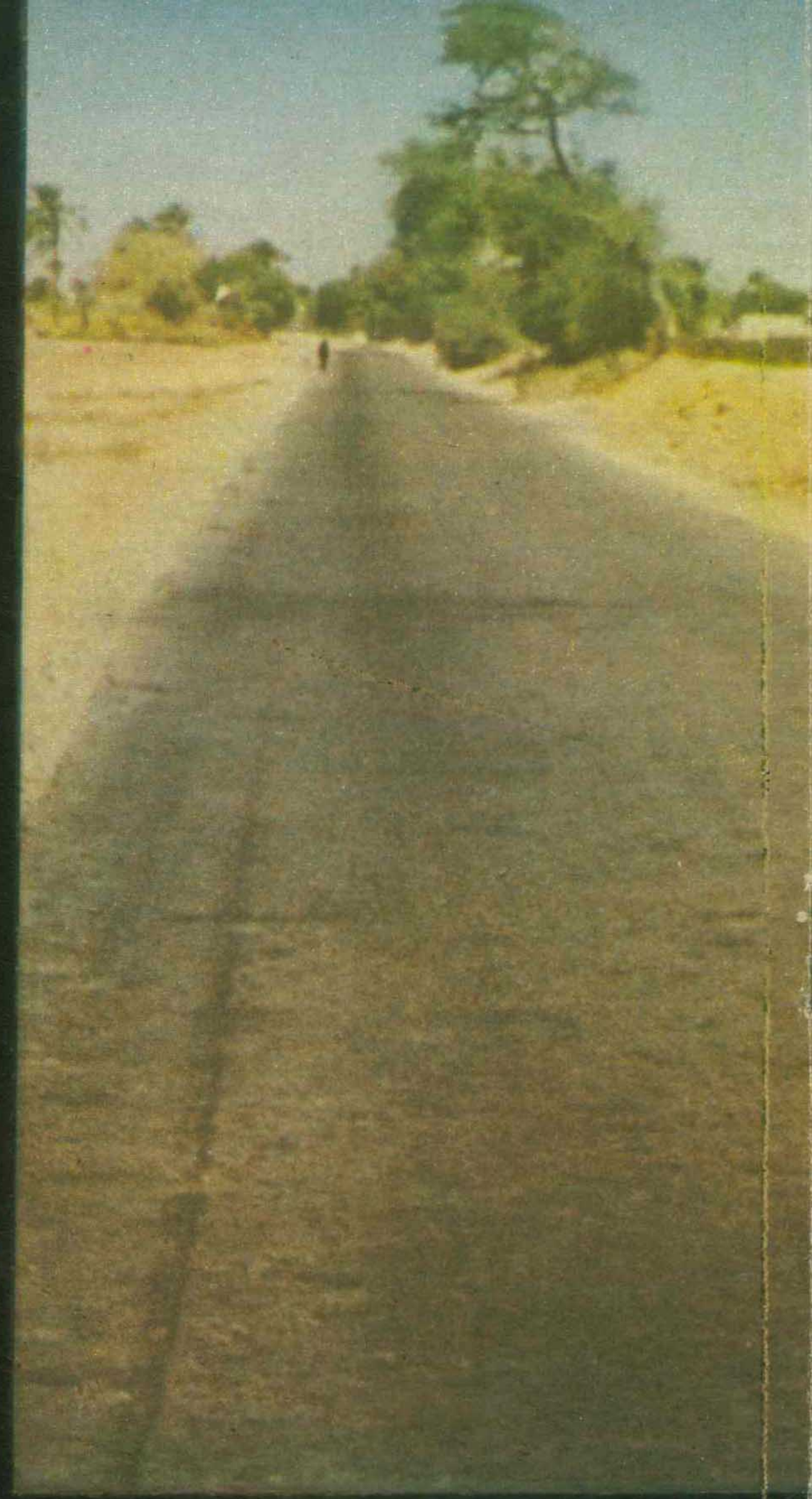
На развороте вкладки:

И мы тоже учимся.

Дорога через хлопковую плантацию.

Митинг в честь 15-летия Организации солидарности народов Азии и Африки.

под нами облаков оранжево-алой краской. Вскоре слева по ходу самолета потянулись темные цепи гор, а справа показалась темная в этот ранний утренний час вода. Затем заблестел окольцованный каменными грядами Аденский залив, и самолет пошел на посадку.

Открылись двери, и в кабину самолета хлынул теплый и влажный воздух. Нас встречал посол СССР в НДРЙ В. П. Поляков, сотрудники нашего посольства и йеменские друзья. Не задерживаясь в аэропорту, мы отправились в отель. Нас сопровождал заместитель заведующего международным отделом ЦК Национального фронта Абдель Варес.

Первое, что бросилось в глаза, были двухэтажные коттеджи, окруженные высокими провололочными заграждениями.

— В этих домах раньше жили английские офицеры, — сказал Абдель Варес.

На белых стенах коттеджей еще виднелись следы осколков.

— Здесь были бои.

— Большие?

— Для нас большие.

Вырвавшись из узкой горловины дороги, на каком-то промежутке пролежавшей вдоль скал, мы въехали в Аден. При въезде в город на деревянном щите были изображены черноглазые юноша и девушка, вооруженные автоматами.

Машина покатила по почти безлюдной в этот ранний час длинной улице, с двух сторон которой поднимались пяти- и шестиэтажные дома.

— Англичане прозвали эту улицу «Милей смерти», — проговорил Абдель Варес.

де — мужчины в белых рубашках и пестрых грубых юбках, женщины в черных одеждах и легких, закрывающих лица покрывалах. Юноши и девушки, не скрывая радости и какого-то удивительно свободного веселья, выкрикивали лозунги, как нам казалось, даже поэтического склада. Впрочем, тут ничего не было необычного — известно, как арабы любят поэзию.

Первым выступил Генеральный секретарь ЦК Национального фронта НДРЙ Абдель Фатах Исмаил. Он горячо приветствовал гостей и говорил о большой роли Организации солидарности народов Азии и Африки, все эти пятнадцать лет спланировавшей народы двух великих континентов на борьбу с империализмом, колониализмом и расизмом. Он отметил огромный вклад Советского Союза и всех социалистических стран, по-братски помогающих народам Азии и Африки в этой борьбе.

С сердечным словом приветствия выступил египетский общественный деятель Юсеф эс-Сибай, пятнадцать лет возглавляющий Организацию солидарности.

Когда было предоставлено слово председателю Советского комитета солидарности Мирзо Турсун-заде, площадь затихла в ожидании.

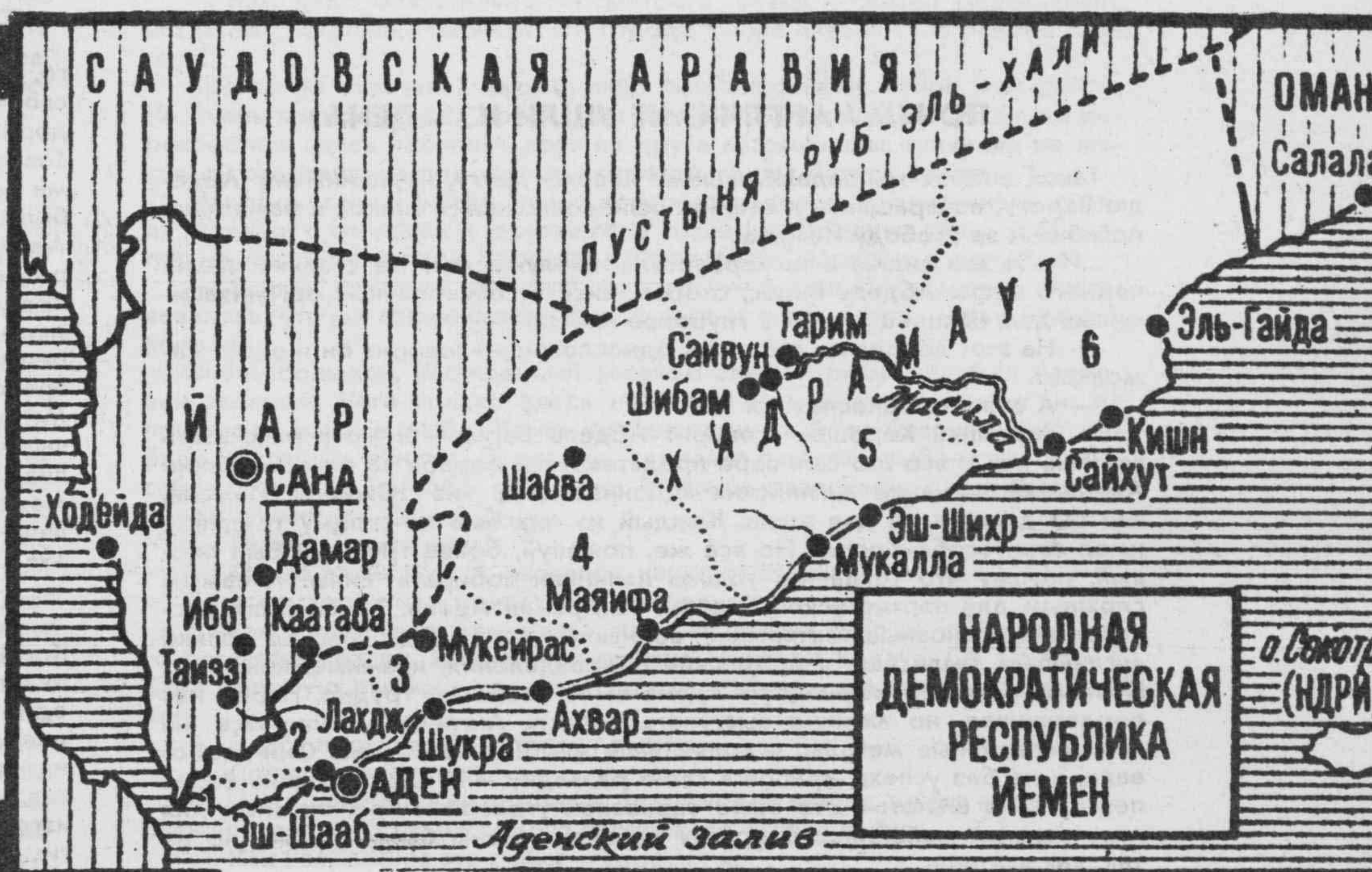
Напротив нас стояла молодая женщина в черной одежде, с ребенком на руках. Видимо, по привычке она время от времени натягивала на лицо покрывало, но ветер снова сдувал его, и тогда открывалось ее смуглое, красивое лицо с горящими, полными любопытства глазами. Первые слова приветствия Турсун-заде произнес на арабском языке, вызвав бурю восторженных возгласов.

— Советские люди с большим вниманием и симпатией следят за

Рыбаки Индийского океана.

Жизнь пустыни.

Здесь продаются овощи.

— Почему?

— Если у вас найдется время, я потом расскажу вам. При англичанах мы не имели права появляться на ней...

Машина круто повернула направо, и мы оказались на большой площади. В глубине ее возвышалось здание старого колониального типа, отель «Кресент» («Полумесяц»). На ступеньках отеля стояли два автомата.

— Какая погода в Москве? — спросил Абдель Варес.

— Один-два градуса мороза.

— Здесь отогреетесь... Днем будет около тридцати градусов... Отдохните с дороги... А в пять часов вечера состоится митинг.

...Да, отель англичане строили с полным расчетом на то, что быть им здесь долго. Климат Адена не очень легкий для тех, кому приходилось покидать берега туманного Альбиона. Как здесь говорят, девять месяцев влажной жары, а три месяца в ожидании зимы. Каменные полы в номерах. Над головой лопасти фена. В стене приглушенно гудящий, заботливо включенный нашими хозяевами эркондишен. Номера отеля отделены от улицы глубокими, прикрытыми ставнями балконами, задерживающими доступ жары. Вспомнились слова из «Дубинушки»: «Англичанин-мудрец...»

...Около четырех часов дня площадь наполнилась рокотом автомашин и звучными голосами. Сотни ребятишек весело прыгали с автомашин. К площади подъезжали все новые колонны. Люди строились в ряды и направлялись к порту.

Это был действительно удивительный митинг. В порту на широкой трибуне оказались гости, собравшиеся из многих государств Азии и Африки. А перед трибуной спиной к кораблям стояли тысячи аденцев, молодых и пожилых, в школьных формах, с красными пионерскими галстуками, в рабочих комбинезонах и в обыкновенной йеменской одежде

борьбой дружеского народа НДРЙ, — говорил Турсун-заде. — Мы знаем, что наши йеменские братья завоевали независимость, одержав победу в трудных сражениях с английскими колонизаторами. После изгнания империалистических захватчиков народу демократического Йемена предстояло решить множество чрезвычайно сложных задач, ибо колонизаторы оставили после себя стране лишь разруху, нищету, невежество и болезни. В короткие сроки молодая Йеменская республика добилась впечатляющих успехов на пути независимого развития.

Эти достижения стали возможны благодаря тому, что народ демократического Йемена отверг капиталистический путь развития, заявил о своей решимости покончить с капиталистической эксплуатацией и гнетом.

...Израильская агрессия против независимых арабских государств, с которой мировой империализм связывал надежды на укрепление своих позиций в арабском мире, не смогла поставить заслон на пути развития арабского освободительного движения, покончить с процессом прогрессивных преобразований в арабских странах.

...Советские люди решительно осуждают продолжающуюся империалистическую израильскую агрессию против арабских стран. Наши симпатии на стороне арабских народов, дающих отпор этой варварской агрессии, борющихся за обеспечение своих законных прав и интересов. Не подлежит сомнению, что Израилю и его империалистическим покровителям придется считаться с объективными реальностями, с волей арабских народов к сопротивлению. Победа придет на арабскую землю, подобно тому, как она пришла на землю Вьетнама!

Проникновенные слова произнес председатель Ливанского комитета солидарности, выдающийся общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Камаль Джумблат.

— Социализм, революция, революционное начало отныне прочно лежат на научной основе, и поэтому они непобедимы,— сказал он.— Победивший народ Южного Йемена является форпостом революционной борьбы в арабском мире.

Горячий прием устроили участники митинга представителям ДРВ и Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива.

По-своему символическим на этом митинге было выступление ответственного секретаря Комитета солидарности ГДР со странами Африки, Азии и Латинской Америки Ганса Шарфа. Невольно вспомнились события десятилетней давности, когда маоистские деятели предпринимали попытки не допустить объединения в общей борьбе с империализмом и колониализмом представителей стран Азии и Африки и делегатов социалистических стран Европы.

Теперь все они были здесь, вместе.

...Давно уже опустилось солнце в океан, от воды потянуло прохладой, а участники митинга все еще вдохновенно выкрикивали слова приветствия. К микрофону подошел председатель Президентского совета НДРЙ Салем Рубейя Али, поблагодарил всех участников митинга и запел гимн республики, подхваченный тысячами голосов.

А потом как-то мгновенно опустела площадь, и в темноте засверкали огни кораблей, как немые стражи, стоящие в Аденском заливе.

ПОЧЕМУ АНГЛИЧАНЕ УШЛИ ИЗ АДЕНА!

Такой вопрос мы задали нашему новому другу, неутомимому Абделю Варесу, возвращаясь к отелю после возложения венков к памятнику погибшим за свободу Йемена.

...И вот мы сидим в номере отеля «Полумесяц». На столике чашки черного кофе. Абдель Варес, оторвавшись от бесконечных организационных дел, наконец уселся в глубокое кресло.

— На этот вопрос не ответишь односложно,— говорит он и вдруг замолкает.

— А если не односложно?

— Хорошо... Хорошо,— говорит Абдель Варес.— Я могу рассказать все так, как я все это сам себе представляю... Борьба за освобождение Адена, за изгнание английских колонизаторов из Южного Йемена, как бы делится на два этапа. Каждый из них был по-своему трудным, имел свои особенности... Но все же, пожалуй, более трудным был первый, потому что тогда мы только начинали собирать силы. А самым сложным для партизанской борьбы был район Адена. Здесь были расположены основные английские воинские части... Впрочем, не только английские, были еще и йеменские подразделения, наемные, конечно... Поэтому вести борьбу внутри Адена было особенно трудно. Народ нас поддерживал, но активно выступать боялся. Англичане, опираясь на свои испытанные методы, использовали местное население. Они вербовали, и не без успеха, арабов в свою разведку.— И вдруг Абдель Варес перешел на шепот:— Это было серьезной угрозой и препятствием для партизанских действий... В других районах страны было трудно, но не так, как в Адене.

— А где вы находились в это время?

— Я?

— Да, вы.

— Я был в Адене, в подполье. Мы вели действия против арабской части английской разведки.

— Каким образом?

— Мы их уничтожали... Рядом с Аденом горы. Партизаны вечерами в масках врывались в рестораны, что расположены на центральной улице...

— «Миле смерти»?

— Да, так ее называли англичане... И не без основания. Мы врывались в рестораны, уничтожали изменников и исчезали. А тех, что долго не попадались, выкрадывали из домов и судили, как предателей... Конечно, это не оставалось безнаказанным. Наша организация подвергалась сокрушительным ударам. Репрессии со стороны англичан распространились на все круги общества... Бывало так, что мы оставались без руководителей, но организация, законспирированная организация, продолжала существовать. К шестидесятому году как бы закончился первый этап. Все большие круги населения вовлекались в борьбу. Крепло революционное сознание. Мы начали действовать более смело. Теперь при проведении террористических актов мы появлялись без масок, на глазах у всех. С этого момента началась активная борьба непосредственно против англичан. На этом этапе мы уже сами старались во всех организациях иметь своих резидентов. Мы проникали в армию, полицию и даже разведку.— Абдель Варес озорно улыбнулся.— Если нам надо было перебросить оружие — а мы знали, что на каждом километре стоят английские посты,— мы использовали полицейские машины. Их англичане не проверяли. Но трудности все равно оставались. Нам нужны были деньги. Что оставалось делать? Приходилось заниматься экспроприацией. Мы нападали на банки, страховые компании, различные конторы.— Абдель Варес снова перешел на шепот.— Этим занимались товарищи, которые были в аденском подполье. В 1966 году мы перестали получать извне оружие. А без него не могли действовать. Мы начали использовать английские склады ору-

жия. Убивали англичан и доставали оружие. Угрозами мы заставляли некоторых из них работать на себя. Кроме этого, националисты из Северного Йемена не много, но тоже снабжали нас оружием. На этом, втором этапе мы заставили местную печать, которая всегда клеймила нас и натравливала против нас население, или замолчать, или в крайнем случае сохранять нейтралитет.

— Каким же образом?

— Поскольку эти газеты клеветали на революцию и революционеров, на партизан, мы подожгли четыре типографии... После этого нападки на нас мгновенно прекратились. К этому времени мы имели в своих руках оружие, деньги и необходимую для нашей борьбы информацию. Конечно, трудности продолжали существовать. Жизнь в горах была невозможна, да и нам необходимо было быть в Адене. Нас боялись даже свои... Поэтому иногда приходилось стучать в дом к незнакомым людям и ночевать... Но долго оставаться в одном месте мы не могли. Англичане узнавали, где мы находимся. В ту пору у нас уже были документы, полученные через наших людей в полиции. Через контрольные пункты мы уходили в деревни. И через те же пункты возвращались в Аден. Кстати, к тому времени кое-где в горах мы уже имели домики для жилья... Но вас интересует, как происходил процесс ухода англичан из Адена?

— Нас все интересует.

— Мы как раз подошли к этому этапу. Уход англичан начался с того, что они начали освобождать в городе жилые дома. Они стягивали свои силы в лагеря и стратегические пункты, расположенные у главных дорог. Как известно, у них здесь была большая военно-воздушная база Тобахи, в пределах которой находилось военное командование их силами на Ближнем Востоке. Но они уже понимали, что и мы представляли большую, снабженную современным оружием, силу. Уход англичан из Адена делится также на две части. Первая: средоточие их воинских подразделений в лагерях и опорных пунктах... Эта концентрация, впрочем, предоставила нам возможность использовать необходимые нам районы для наступления. Вторая часть — уход англичан. Они начали сдавать отдельные стратегические пункты в руки представителей реакционного арабского режима. Сдавали все, вплоть до административных постов. Мы, конечно, понимали, что эти люди, если они останутся на командных вышках, будут классическими лжеказачками, проводниками неокOLONIALИЗМА. Тогда мы начали назначать на административные посты своих людей и потребовали, чтобы власть была передана нашим людям. Англичане отказались. Мы снова начали вооруженную борьбу. В июне 1967 года мы захватили центральный район Адена Кратер.

— При помощи оружия?

— Конечно. Даже подбили английский вертолет. Мы держались в Кратере 18 дней, потом, после того как англичане вызвали специальные горные войска, вышли из Кратера. В конце концов нас не устраивал один район Адена. Нам надо было захватить все. Это время приближалось. После июня 1967 года англичане были вынуждены уходить, сдавая нам район за районом. Для того, чтобы не было лишнего кровопролития, мы давали им возможность уходить спокойно. Мы чувствовали, что изгоняем колонизаторов. Одновременно мы сбрасывали один за другим султанаты. Группа партизан во главе с назначенными нами руководителями захватывала дворцы султанов. Люди повсюду выходили на демонстрации. Мы выпускали листовки. Газеты объявляли о нашей победе. Мы создавали временные народные комитеты. Требовали от реакционной арабской армии, чтобы она не вмешивалась в наши действия. Они были вынуждены исполнять наши приказы. Чувствуя, что реакции приходит конец, во дворцах за день до этих событий появлялись реакционеры, спешно сажали султанов в машины и увозили в Саудовскую Аравию. На улицах происходили грандиозные народные демонстрации. Люди плакали, плясали, веселились и кричали: «Мы с революцией!» Но на аэродромах еще находились английские военные самолеты, а в аденском порту военные корабли. Таким образом, Аден и прилегающий к нему район Шейх-Осман фактически оставались в руках англичан. Теперь уже на улицы вышли студенты, многие из них были выходцами из деревень. Они захватили здание реакционного совета Федерации. На улицы вышли рабочие из мастерских. И наконец со здания совета Федерации были сорваны ненавистные флаги Федерации и Англии. А в Женеве еще шли переговоры и дебаты по поводу того, чтобы англичане вывели войска и ушли морем из пределов нашей родины. Англичане все еще отказывались это сделать. Но события, развернувшиеся в Адене, обгоняли переговоры. К 1 декабря 1967 года на улицах Адена не было ни одного англичанина. Все они на вертолетах были доставлены к морю. Так был положен конец британскому владычеству в нашей стране. Мы потребовали, чтобы генерал-губернатор отдал распоряжение спустить английский флаг. Он отказался. Но его отказы уже не имели значения. Флаг мы сорвали сами и власть захватили сами. Вот и все...— сказал Абдель Варес и облегченно вздохнул.

— А это верно, что англичане остановили часы на вышке? Копию лондонских часов Биг-Бен?

— Нет, часы сами остановились. Им было уже не до часов. Какие там часы?!— улыбнулся Абдель Варес.— Английское время на нашей земле кончилось.

— Один вопрос... Чем занимались вы в то время?

— Я?

— Вы, лично.

— Я стоял на связи между партизанами и народом. А еще надо было следить за тем, чтобы о борьбе партизан через печать было известно всем людям. Но в основном стоял на связи.— Абдель Варес взглянул на часы.— О, извините, меня уже ожидают.

ЖИЗНЬ В КРАТЕРЕ

Часто в эти дни мы слышали слова «район Кратера». Что же это такое? Нам говорили: это один из районов города. Но почему Кратер? На нас смотрели снисходительно: столько прожили на свете и не знают, что такое кратер.

— Что такое вулкан, знаете?
— Конечно.
— А то, что каждый вулкан имеет кратер, знаете?
— Конечно... Даже заглядывали в некоторые из них... В Везувий, например.
— Вот и здесь такой же кратер.
— Но мы слышали, что в нем живут...
— Конечно, живут. Это же целый район Адена. Когда-то давно у побережья Аденского залива произошло извержение огромного вулкана. В результате этого извержения возник скалистый остров. Потом пришли люди. Они начали строиться. Чем-то им понравилось жить в кратере... Отсюда и возник город Аден. В Адене несколько районов, кроме Кратера: Товахи, Хормансер и Маала. Но зачем же все объяснять, если лучше всего повидать своими глазами...

— А это можно?
— Конечно же...
Но оказалось все не так просто. В дни заседаний исполкома мы не могли вырваться в Кратер. Впервые мы его увидели в один из вечеров, когда были приглашены на концерт, подготовленный министерством культуры республики специально для гостей. В вечерней мгле мы мчались по дороге мимо нависших темных скал, затем оказались среди обычных, почти европейского типа малоэтажных домов и подъехали к ярко освещенному входу кинотеатра.

Вначале была показана пьеса под названием «Богатство». Собственно, к чисто драматическому жанру ее трудно было причислить. На сцене в костюмах цвета хаки стояли три человека. Они изображали силы революции. С другой стороны — трое в черных костюмах. Это были силы реакции. Посреди в желтых костюмах также три человека — нейтралы. Кроме этого, был еще один герой, революционер Салем, и его подруга Салема. И, наконец, шейх Касем, заговорщик, ловец слабых духом людей. В представлении было не так много текста. По жанру представление можно было отнести в какой-то степени к нашей «Синей блузе». Да, пожалуй, еще и к тем новообразованиям, на современной или исторической теме ищущим новые формы театрального искусства. Но здесь дело было не в форме. Дело было в содержании. Симпатиями зала сразу завладели герои в костюмах цвета хаки и герои Салем и Салема. Люди в черных костюмах вызывали негодование. Герои в желтых комбинезонах — презрение. По ходу действия погиб Салем. Салема вышла на сцену в траурной одежде. Нейтралы, соблазненные шейхом Касемом, разделились, двое «клюнули» на денежную мзду и были освищены залом, а третий, избравший дорогу чести, был награжден аплодисментами. Он услышал аплодисменты и рухнул за мертвое на сцену, убитый коварным шейхом Касемом. В конце представления черные силы вместе с шейхом были низвергнуты, и зал восторженно встретил представителей объединенных революционных сил, которых к финалу пьесы стало значительно больше.

Я смотрел на сидящих в зале молодых людей и видел неподдельную радость у каждого из них. И невольно вспомнился рассказ Абделя Вареса, в котором были и революционные силы, и реакционеры, и пособники реакционеров, и нейтралы... Здесь они были представлены, хотя и схематично, но обобщенно, поэтому продолжал действовать эмоциональный настрой, высокое чувство победы йеменской революции. Долго и слаженно гремели аплодисменты под сводами заполненного до отказа кинотеатра. С большим удовольствием мы посмотрели последовавшую вслед за пьесой демонстрацию красочных женских костюмов всех провинций Южного Йемена.

А затем — уже прямо для нас — на арабской лютне, по-арабски называемой уд, Ожамико Ганей в сопровождении народных инструментов сыграл «Подмосковные вечера» и спел один куплет песни на русском языке.

В перерыве к нам подошел министр культуры Абдулла Баддиб.
— Как понравилось вам представление? — спросил он.
— Очень интересно... Но главное, было интересно слушать, как эту пьесу принимали зрители!

— Зрители у нас настроены очень революционно, поэтому они точно распределяют свои симпатии и антипатии. Конечно, и драматургия еще несовершенна, без особых психологических глубин, и актеры неопытны, но главное, мы твердо решили идти по пути революционного искусства, создавать такой театр, в котором ясно были бы видны тенденции революции, близкие нашему народу. Мы с нетерпением ожидаем приезда советских актеров, особенно ансамбля, исполняющего танцы народов Советского Союза. Очень ждем, — повторил министр.

— Зрители здесь со всех районов Адена?

— В основном из района Кратера.

...Наконец выпала возможность уже и днем посмотреть весь Аден, район Кратера и пригороды города. Вместе с советником нашего посольства Олегом Пересыпкинским мы отправились в это увлекательное путешествие.

Аден расположен вдоль очень удобной, закрытой скалистыми островами бухты. Можно было понять англичан, которые так настойчиво цеплялись за эту долго называвшуюся английской крепость. Голые скалы, укрепленные различными военными сооружениями, главенствуют здесь и над городом и над бухтой. Впрочем, до англичан здесь были турки. Они и строили эти сооружения. Кое-где на склонах гор еще виднелась грубая кладка орудийных бастионов. Но укрепляли все это уже позже и более аккуратно англичане. Они строили все по расчетам на многие десятилетия. Все, вплоть до мест отдыха. Одним из таких мест является пляж «Золотой олень», расположившийся в горной расщелине, подошедшей вплотную к заливу. Здесь было все, вплоть до бара, на котором сохранилась вывеска «В долг не отпускается». Известно, что Красное море, Индийский океан и, конечно, Аденский залив набиты акулами... Поэтому вдоль пляжей сооружены большие металлические ограды, чтобы люди могли купаться, не боясь плавающих хищниц. В Адене встречаются люди без ног и без рук — жертвы легкомысленных купаний.

— Вам надо обязательно посмотреть базар, — сказал Пересыпкин, когда мы, исколесив окрестности города, снова оказались в районе Кратера.

Кратер не отличался какими-либо особенностями. Район как район. Не очень многолюдный, но, как и в каждом порядочном городе, на перекрестках здесь налетают друг на друга автомашины, оставляя на мостовой сверкающие под жарким солнцем груды битого стекла.

Мы подъехали к рынку, возле которого рядом с автомашинами стояли тележки с овощами и фруктами, а возле них бродили козы, требовательно протягивая свои бородки к продавцам моркови и капусты.

— Я хочу показать вам рыбные ряды, — сказал Пересыпкин. Чувствовалось, что он отлично знал быт города и особенности характера его жителей.

Очень большой, насыщенный запахом свежей рыбы зал был наполнен товаром. Чего только здесь не было! На цементном полу и на прилавках лежала рыба. Кривыми секачами рыбаки безошибочно рубили огромных тунцов. Здесь же горками лежали рыба-игла, рыба-сабля, похожие на зебр океанские окуни и маленькие, с голубым отливом акулки.

— Разве их тоже едят?

— О, это деликатес. А смотрите, какие лангусты.

Со всех сторон нам приветливо улыбались.

В зале все же было темновато, цветная пленка явно не взяла бы этого богатства красок. Я попросил рыбака выйти на воздух. Он ухватил в руки большую рыбину и вместе со своим товарищем выбежал на балкон.

— Здесь получится? — спросил рыбак.

— Должно получиться.

— Пусть получится, — улыбаясь, проговорил рыбак, цепко зажав массивную, какого-то немислимого сиреневого отлива рыбу.

— Как называется эта рыба? — спросил я.

— Вот это не знаю, — сокрушенно ответил Пересыпкин. — Не знаю...

Миновав фруктовый и овощной ряды, мы снова вышли на площадь. Перед нами стоял плотный улыбающийся парнишка.

— Как живешь, товарищ? — спросил он, тщательно выговаривая русские слова.

— Хорошо.

— Спасибо, товарищ, — ответил он и помахал нам рукой.

Миновав предместье Адена, городок Шейх-Осман, наполненный машинами и верблюдами, мы вынеслись на асфальтовую дорогу. С двух сторон лежала пустыня, по которой возле небольших оазисов бродили, покусывая жесткий кустарник, верблюды с верблюжатами.

Пустыня тянулась долго, а потом вдруг возникли с двух сторон хлопковые поля. Кое-где хлопок был уже убран, но за невысокой песчаной насыпью виднелись белые раскрывшиеся коробочки. Возле них стояли два феллаха.

— Это ваш хлопок?

— Наш, — ответил один из них. — Нашего кооператива.

По дороге ехал трактор. Из рулем сидел веселый человек. Я навел на него фотоаппарат. Трактор остановился. Тракторист что-то сказал по-арабски.

— Он приветствует гостей, — сказал Пересыпкин. — Он видит в вас друзей.

Мы доехали до маленького городка и остановились на небольшой площади. Это был час, когда школьники закончили учебу. Они окружили нас, улыбались, стараясь протиснуться поближе.

— Такое впечатление, что все ребята учатся...

— Да, конечно... Но это сейчас... Шесть лет назад, при англичанах, в частных школах обучалось всего около четырех тысяч. Сейчас все изменилось... И хотя школьное обучение еще не обязательное, учатся почти все дети.

С каким-то светлым чувством мы вернулись в Аден и подкатили к нашему отелю, возле которого уже шла острая футбольная игра.

Окончание следует.

Он-то сам не изменился несколько по сравнению с той порой. Все такой же убежденный монархист, иступленно верящий по-прежнему, что если бы его величество действовало по-строже и порешительнее, то вся история сложилась бы по-другому и быть бы ему сейчас не скромным летописцем русского экспедиционного корпуса, увы, проживающим у воинского кладбища близ Мурмелона, а заслуженным царским генералом в Петрограде и, — кто знает? — быть может, и сенатором, учитывая его почтенный возраст. Но все сложилось иначе, и в большие начальники вышел не «павлон» Васильев, а рядовой пулеметчик из его роты Родион Малиновский. У штабс-капитана сохранилась фотография, на которой он снят вместе со всеми георгиевскими кавалерами его роты, и теперь он иногда достает ее и долго вглядывается в черты двух бравых юношей — себя самого, столь далекого теперь, и вот этого солдата, награжденного георгиевским крестом, ставшего после революции — подумать только! — маршалом и министром обороны... Вячеслав Васильев умолкает. Он проводит рукой по лицу, как бы отгоняя от себя мрачные мысли, улыбается через силу и показывает

ражающей скачущего на коне русского царя, — когда произошел весь этот кавардак, мы, офицеры, верные его величеству, оказались в сложном положении. Мы не могли без приказа свыше вернуться на родину, чтобы принять участие в подавлении мятежников в России. Поскольку после февральских событий генеральный штаб приказал нам принести присягу на верность Временному правительству, что мы и сделали — правда, без удовольствия, — нам нужно было оставаться на Западном фронте и воевать до победного конца. Но солдаты отказывались исполнять присягу и требовали отправки домой. Они, видите ли, спешили делить помещичью землю. И французское командование, боясь неприятного влияния наших солдат на их собственные воинские части, отвело нас в тыл. Ну-с, а затем развернулись известные события в лагере Ла Куртин. Я, как вы понимаете, поддерживал действия командования, направленные против бунтовщиков...

Увы, эта операция не принесла удовлетворения ни «павлону» Васильеву, ни его начальникам: даже после этой бойни в Ла Куртин подавляющее большинство солдат упрямо отказывалось возвращаться на фронт, и лишь немногие заявили, что они останутся верными присяге Временному правительству, которое, как все понимали, было действительно временным, и за него никто не хотел проливать кровь. Солдаты верили не Керенскому, а Ленину, и офицеры, видя это, приходили в состояние полной растерянности. С горечью писал об этом впоследствии генерал от инфантерии Данилов в уже упомянутой мною книге: «Не будучи подготовлено к политическим дебатам и

ной, верности присяге не давала ему покоя. А мысль о том, что революция давно уже освободила его от верности царскому трону и от вытекающих отсюда воинских последствий, на ум Васильеву не приходила.

И он продолжал воевать. Воевал с ожесточением, с поистине безумной юношеской отвагой. В смертельном бою под Суассоном 30 мая 1918 года он получил штыковую рану в колено. О его воинском подвиге писали французские газеты: ах, какой смелый русский офицерик, и всего-то ему двадцать годков!

Награда. Госпиталь. Снова фронт. И снова ранение, и снова фронт... Войну штабс-капитан Васильев закончил под командованием уже третьего по счету командира батальона: полковника Готтуа сменил капитан Лупанов, капитана Лупанова — гвардии капитан Мартынов. Недостатка в офицерах не было — не хватало лишь солдат: «большевизанствующие элементы», как их неприязненно именовали командиры, прослышав, что большевики подписали в Брест-Литовске мир с немцами, снова и снова требовали возвращения на родину. Господа офицеры и слышать не хотели об этом...

Окончание войны застало батальон гвардии капитана Мартынова в районе Нанси. 1-я марокканская дивизия, в состав которой входил этот батальон, последний осколок некогда мощного русского экспедиционного корпуса, получила приказ — выдвинуться на германскую территорию в районе Саара, чтобы принять участие в оккупации.

— Вот тогда-то мы и захватили этот трофей, — с ноткой торжества в голосе сказал мне штабс-капитан, показывая фотографию старин-

ОДИССЕЯ ШТАБС-КА

на большую, пожелтевшую от времени гравюру в рамке на стене:

— Вот, знаете ли, раздобыл редчайшее произведение искусства: государь-император и государыня-императрица в сопровождении президента французских войск в Шалоне-на-Марне — в двух шагах отсюда. Было это в конце прошлого века. Гляньте, какие brave были тогда зуавы...

Да, много лет минуло с той поры, когда молодой царь Николай Второй гарцевал на французском скакуне, принимая парад колониальных стрелков, а его царица, вывезенная из Германии, катила за ним в комфортабельной коляске. Иные нынче времена, иной стала Россия, да и Франция во многом изменилась. И только капитан Васильев хочет доказать себе и другим, что по крайней мере он сам и его единомышленники, последние монархисты XX века, остались неизменными.

— Да воскреснет бог, и расточатся врази его...

Теплится в углу его комнаты в домике при воинском кладбище лампадка перед иконой, лежит на аналое раскрытое евангелие. Стал отставной офицер на старости лет богомольным: есть о чем помолиться господу. На стенах — фотографии родных и близких, ушедших в мир иной: одни сложили головы в боях с большевиками, другие закончили свой жизненный путь в силу старости естества. Жену свою, дочь генерала Алексеева, который во время оно командовал кавалерийским корпусом на Румынском фронте, Вячеслав Васильев схоронил тут же, у часовни воскресения Христова. Поставил над могилой православный осьмиконечный крест в отличие от казенных, четырехконечных, какие французские власти ставили подряд над всеми могилами погибших на войне, не разбирая, какой они веры.

Да, долгая была жизнь, и есть что вспомнить отставному штабс-капитану российских вооруженных сил, он же отставной капитан французской армии!

— Видите ли, — медленно говорит он, не отрывая взора от любимой своей гравюры, изоб-

уступая в ораторских талантах некоторым агитаторам, оно почувствовало себя безоружным и предпочитало уклоняться от споров, производя этим впечатление безразличия и легко теряя своей молчаливостью свой прежний авторитет. К этому еще надо добавить отсутствие сверху твердых руководящих указаний, как им держаться. Все растерялись, и никто не желал брать на себя ответственности» (стр. 219).

Шел уже 1918 год. Временное правительство уже исчезло, Россией правило правительство рабочих и крестьян. А здесь, во Франции, генералы все еще пытались строить свою власть на распоряжениях Керенского и его министров. Солдаты смеялись, слыша их имена. Французское командование все более подозрительно относилось к русским военнослужащим, видя в них опасную заразу для собственных войск. И когда офицеры, заявившие о том, что они остаются верноподданными Российской империи, потребовали, чтобы из остатков экспедиционного корпуса был сформирован «русский легион чести», на них во французском генштабе посмотрели как на сумасшедших.

Военное министерство согласилось вернуть этих русских господ на фронт только при одном условии: если они наденут французскую военную форму, а их формирования будут не больше батальонов, причем эти батальоны окажутся вкрапленными во французские воинские части и будут подчиняться строжайшей дисциплине.

Генерал Лохвицкий, пытавшийся создать «легион чести» из добровольцев, рассчитывал, что ему удастся сформировать четыре батальона. Но два из четырех опять-таки взбунтовались, а третий был неполноценным, и его слили с первым, считавшимся самым надежным, — им командовал полковник Готтуа, бывший командир 2-го особого полка, того самого, в котором служил Вячеслав Васильев, к этому времени уже ставший штабс-капитаном. Этот батальон влился в состав 2-й марокканской дивизии.

Обидно было «павлону» Васильеву, мечтавшему о гвардейской карьере, надевать чужую военную форму и переходить на положение туземца, но другого выхода не было: накрепко вколотенная ему в голову идея безуслов-

ного пограничного столба. — Мы взяли его на границе Лотарингии и Саара.

— А где же он сейчас? — полюбопытствовал я.

Штабс-капитан почесал в затылке.

— Да видите ли, какая история приключилась... Мартынов после демобилизации увез этот столб в Ниццу, где у него есть домик, и поставил его в своем садике. Недавно я к нему ездил, уговаривал отдать: мы бы его установили здесь как память о войне. Так нет же, уперся старый черт! Я ему говорю: «Тебе уже восемьдесят пять лет, скоро помрешь, пропадет трофей!» А он стоит на своем: «Моя частная собственность, и все тут». Есть же такие упрямы, нет им никакого дела до нашей военной истории...

«Ну, а что же было дальше?» — спросит нетерпеливый читатель. Не спешите, дорогой друг, — впереди еще очень долгая история. Долгая, как сама человеческая жизнь. Уже познакомившись с убеждениями и характером этого дисциплинированного «павлона», вы не удивитесь, узнав, что по окончании войны с Германией штабс-капитан Васильев, как и многие его коллеги, воспламенился желанием немедленно отправиться на юг России, где под знаменами генералов Корнилова, Каледина и Деникина собиралась белая гвардия, чтобы совершить поход на Москву.

— В 1919 году было решено сформировать из русских военнослужащих, находившихся во Франции и на Балканах, несколько рот для добровольческой армии юга России, — говорит он, и вдруг его лицо темнеет. — Но, понимаете, опять кавардак получился. — Это старомодное словечко штабс-капитан упрямо повторяет каждый раз, когда речь заходит о революционных выступлениях. — Когда первые две роты прибыли под Новочеркасск, солдаты переклоли штыками своих офицеров и перешли на сторону красных. И генерал Деникин тут же прислал в Париж телеграмму: «Прошу из Франции больше подкрепить меня не слать». Что ж, мы, офицеры, верные присяге, решили ехать в индивидуальном порядке. Помню, я добрался до Новороссийска на французском

пароходе, в каюте первого класса, с полным комфортом, с прекрасной французской кухней. Первое, что мы узнали, высадившись на берег, было известие о взятии нашими войсками Харькова. Казалось, все идет хорошо. Но потом дела начали быстро ухудшаться...

Штабс-капитан Васильев был принят на службу в 6-й стрелковый кавказский полк, который сражался в районе Царицына.

— Наши кавалерийские разъезды уже встречались с кавалерийскими разъездами армии Колчака, наступавшей с востока, — вспоминает он. — Но потом наступил резкий перелом в военной обстановке, и нам пришлось проделать обратный путь — от Царицына до Новороссийска...

А дальше был Севастополь. Служба в рядах недолговечного воинства генерала Врангеля. Бои, бои, бои. И снова бегство, тяжелое и унижительное: от степей Таврии до причалов Севастополя и дальше — до страшных лагерей Галлиполи. Штабс-капитан Васильев был тогда все еще молод и физически силен, но то, что он пережил, его сбивало с толку и угнетало. Он никак не мог понять, почему западные союзники, за которых он проливал свою кровь на холмах Шампани и которые столь красноречиво убеждали русских офицеров, что если они пойдут в поход против богопротивных большевиков, то им будет обеспечена могучая поддержка, — почему эти союзники вдруг отвернулись от них? Ему было и невдомек, что эти господа, увидев, что армии Деникина, Колчака и Врангеля сметены с русской земли, попросту списали их со счета по графе «убытки» и перешли к текущим делам.

Сейчас там много работы: туземцы всюду бунтуют. Стало быть, нужны опытные военные...

Ну что ж, в 1925 году штабс-капитан Васильев скрепя сердце записывается в Иностраннный легион. Не очень-то это приятно — стать наемником и надеть чужую военную форму! Но в конце концов чем это отличается от «русского легиона», который входил в состав 1-й марокканской дивизии на Западном фронте? Уже тогда Васильеву пришлось надеть чужой военный мундир, и только трехцветная повязка на левом рукаве, да и та с французской печатью, отличала его от марокканцев.

Но тут пришлось пережить еще один тяжелый удар по самолюбию: штабс-капитана сухо предупредили, что в Иностранном легионе люди начинают службу с должности рядового солдата.

«Но я всю войну прошел кадровым офицером и был награжден военным крестом с пальмами и тремя звездочками!» — воскликнул он.

«Может быть, мосье думает, что ради него командование легиона изменит свои законы? В этом случае мосье ошибается, — с холодной ухмылкой бросил военный чиновник и постучал карандашом по столу. — Если мосье эти законы не устраивают, то он может располагать свободно своим временем. Следующий!..»

Пришлось снести и это унижение. Штабс-капитан Васильев стал солдатом Уассилиефф, чтобы начать заново медленное, трудное и долгое восхождение по иерархической военной лестнице: солдат — сержант — унтер-офицер — лейтенант... У Иностранного легиона

держанные мощью четырнадцати держав, потерпели провал, то что случится теперь?

Но вскоре планы Вейгана отпали, и все на свете радикально изменилось: войска Гитлера вторглись во Францию, разгромили войска западных союзников, и престарелый маршал Петен возглавил после капитуляции правительство, которое стремилось своим послушанием заработать милость завоевателей. А в Лондоне объявился молодой французский генерал-танкист по фамилии де Голль, призывавший французов не подчиняться гитлеровцам и их ставленникам и бороться против оккупантов.

И тут снова перед Васильевым, как и перед всеми другими, встал вопрос о выборе: кому подчиниться, за кем пойти? Иностранным легионом командовали друзья и почитатели Петена, и они, конечно же, сразу заявили о лояльном отношении к его правительству. И у Васильева опять сработал старый рефлекс безусловного, без всяких рассуждений, военного подчинения. Раз начальство считает, что правительство Петена — законная власть, а де Голль — бунтовщик, значит, да здравствует Петен! И когда англичане, продолжавшие войну с гитлеровской Германией, потребовали от французских колониальных властей в Сирии и Ливане подчинения, Иностраннный легион оказал им военное сопротивление.

— Мы дрались с английскими союзниками отчаянно, — говорит Васильев, — однако сила была на их стороне. Нам пришлось в конце концов сложить оружие, но англичане при этом оказали нам военные почести. Они разрешили Иностранному легиону эвакуироваться в Марсель, и, когда мы грузились на пароходы,

ПИТАНА ВАСИЛЬЕВА

Васильев вместе со многими другими белогвардейцами перебрался в Болгарию. Там правил свой царь, и офицеры носили форму, похожую на российскую. Но пришельцев из Галлиполи встретили неласково. Работы не было, галлиполийцы голодали. Тут штабс-капитану вдруг снова повезло, хотя везение это и было весьма относительное: он вспомнил о своем покровителе Нечволодове, бывшем командире 1-го особого полка русского экспедиционного корпуса во Франции; в ту пору он уже был генералом, жил во Франции и располагал кое-какими связями. Васильев написал ему слезное письмо, и вскоре французский посланник в Софии принял этого бедствующего галлиполийца и сказал, что ему будет выдана виза на въезд во Францию. Однако тут же сурово предупредил: работу будет трудно найти и там.

И вот Париж 20-х годов, шумный, веселый город, торжествующий победу над бошами. Повсюду слышится: «Германия заплатит за все!» Но Германия сама разорена. Она голодает. Рабочие бастуют. Американский банкир Дауэс уже вынашивает план экономического восстановления Германии, чтобы помочь немецкому капиталу снова встать на ноги и задуть революционное движение. Стало быть, расчеты на то, что Германия «заплатит за все», не оправдаются. Во Франции действительно трудно найти работу, — посланник в Софии был прав. Повезло лишь тем русским офицерам, которые умели водить автомобиль: полковники, подполковники, поручики сели за руль такси — из шести тысяч шоферов Парижа пять тысяч — русские.

Васильеву приходится уехать в Эльзас и стать шахтером. Какая горькая судьба для блестящего «павлона», мечтавшего о службе в гвардии! Потом кое-как он выбирается все же из-под земли и становится электротехником. Но и это положение его не прельщает. Он все еще мечтает о военной карьере. Что же делать? О новых походах в Россию уже перестали говорить, во французскую армию иностранцев не берут. Остается один путь: пойти в Иностраннный легион, который используется Францией для «наведения порядка» в коло-

действительно было много работы, и — что греха таить! — это была грязная работа, хотя сейчас, рассказывая мне о былом, мой собеседник и делает вид, будто речь идет об естественных и даже романтических делах.

— Это, знаете ли, было похоже на усмирение горцев Кавказа, — небрежно замечает он, — помните, как об этом Лев Николаевич Толстой писал...

Да, Иностраннный легион действительно занимался усмирением народов, не желавших оставаться в подневольном состоянии. Васильеву довелось подавлять восстание легендарных рифов в Северной Африке, он воевал в Алжире, изнывал под палящими лучами тропического солнца в Сахаре, усмирал негров в Сенегале, друзей в Сирии и Ливане. Так шли годы, десятилетия. Васильев дослужился наконец до звания капитана. Незадолго перед второй мировой войной в Бейруте он сочетался законным браком с дочерью русского генерала — вот они вдвоем на снимке, который висит на стене.

Он грустно замечает:

— К тому времени уже ушли наши годы. Да и время было бурное — не до семейной жизни. Так и остались мы без детей. А теперь вот я и жену схоронил...

И снова в этой неуютной холостяцкой квартирке воцаряется гнетущее, зримое ощущение холодного, старческого одиночества, которым завершается эта долгая, неприютная жизнь, проведенная под грохот пушек и треск пулеметов...

Вторая мировая война застала капитана Иностранного легиона Васильева в Сирии. Вначале пошли разговоры, что воевать придется с Россией: на Западном фронте царило непонятное затишье, именуемое «странной войной», а здесь суеился генерал Вейган, готовивший поход на Баку. По правде говоря, Васильева эти приготовления не радовали: бывшие верноподданнические чувства к государю-императору уже покрылись пеплом в душе этого сорокадвухлетнего человека, да и Россия, видать, была не та, что в 1919 году. И уж если тогда походы Деникина и Колчака, под-

английские войска стояли на причале шпалерами с винтовками на караул...

В районе Марселя Иностраннный легион был размещен в каком-то военном лагере. Легион в то время никому не был нужен, дисциплина расшаталась, солдаты и офицеры начали малопомалу разъезжаться, куда глаза глядят. Уехал и Васильев. Он отправился в Париж, где в то время жила его жена. Свободного времени у него было более чем достаточно, и появилась возможность подумать о пережитом и о том, как же жить дальше. Васильев чувствовал, что жизнь сложилась неладно, что все эти годы и десятилетия проведены, в сущности, бесцельно, но он гнал от себя эти мысли, упрямо повторяя, что настоящему «павлону» не положено заниматься штатскими психологическими рассуждениями, а его дело — быть верным воинскому долгу и без разговоров выполнять приказы. Чьи приказы? Ясное дело, приказы командования! Признаться же себе, что, быть может, не всегда командованию принадлежала абсолютная истина и что, возможно, правда была на стороне тех, кто бунтовал в лагере, требуя отправки на родину, — признаться в этом не хватало духа.

Васильев замкнулся в себе, стал угрюмым. Он внимательно читал газеты, издаваемые под контролем гитлеровских ставленников. Эти газеты тщательно скрывали подлинное положение дела на фронтах, но опытному офицеру было нетрудно прочесть между строк, что военное счастье окончательно и бесповоротно изменило Германию и что Советская Армия неудержимо движется на Запад.

Двойственное чувство охватывало старого русского офицера, ставшего без малого два десятка лет тому назад наемником Иностранного легиона: с одной стороны, было досадно и как-то даже обидно, что Страна Советов, которую когда-то белогвардейская пресса пренебрежительно именвала Совдепией, суля ей неизбежные провалы, стала великой державой, а русские солдаты, в том числе и пулеметчик из его роты Родион Малиновский, превратились в выдающихся полководцев, которые наносят поражение за поражением лучшим генералам прусской школы, к чьим но-

гам была повержена вся Западная Европа; с другой стороны, где-то в глубине души рождалось чувство радости и даже гордости за эту новую русскую армию, которая сквиталась с Германией за тяжкие неудачи вооруженных сил России в первой мировой войне. Поседевший штабс-капитан русского экспедиционного корпуса во Франции мог считать даже, что эти победы Советской Армии в какой-то мере означают расплату и за те тяжкие потери, которые этот корпус вместе с французскими армиями понес в 1916—1918 годах...

А время шло. И вдруг в один августовский день 1944 года Васильев чутким офицерским ухом своим уловил знакомые звуки отдаленной перестрелки. Да, сомнений быть не могло: стреляли где-то здесь, хотя линия фронта была еще довольно далеко. Это сам Париж поднялся на баррикады, чтобы быстрее освободиться. А некоторое время спустя по мостовым захотели танки дивизии, посланной в Париж генералом де Голлем, тем самым, которого когда-то командиры Иностранного легиона, оставшиеся верными маршалу Петену, проклинали как бунтовщика и который теперь становится руководителем законной власти Франции.

Подумать только, какие невероятные перемены происходят в жизни! И, привыкший повиноваться законным властям, штабс-капитан Васильев, он же капитан Иностранного легиона, не стал ворчать и возражать, когда несколько дней спустя явившийся к нему знакомый майор французских вооруженных сил сказал: «Надевайте, капитан, свою военную форму и следуйте за мной. Вы мобилизованы. Мы отправляемся на фронт, во 2-ю французскую армию».

На сборном пункте Васильева спросили: «Вы, кажется, в последние годы были по специальности радистом?» «Так точно». «Отлично. Принимайте под командование радиоподразделение. Вы направляетесь в Арденны для установления связи с американцами. Она прервалась. Сейчас там очень жарко...»

Найти американские штабы и подать от них связь французским штабам в этой невообразимой каше оказалось нелегким делом, и Васильев со своими походными радиостанциями метался день и ночь по лесистым дорогам Арденн. Но вскоре где-то там на Востоке советские войска нанесли новый сокрушительный удар, досрочно перейдя в наступление по настоятельной просьбе западных союзников, и паника в Арденнах улеглась; танковые корпуса немцев устремились оттуда на Восток в тщетном стремлении предотвратить неизбежный, окончательный крах гитлеровской Германии.

Что же получилось? Выходит, штабс-капитан Васильев, пронесший через всю свою долгую и неуютную военную жизнь стремление сохранять верность богу и царю, воевал заодно с большевиками, этими безбожниками и царевубийцами? Но было еще что-то очень большое и, вероятно, самое главное, о чем он как-то старался не думать тогда, когда пришлось надеть чужой военный мундир, вступить в Иностраннный легион, а потом принять и чужое гражданство: было отечество, была далекая, но все еще не забытая родная земля. И в конце концов заблудившийся вдали от России «павлон» испытывал какое-то удовлетворение от того, что вот и он, как и другие русские солдаты и офицеры, находящиеся на Восточном фронте, бьет и гонит пруссаков в их рогатых касках. В этом он видел заслуженную и грозную расплату за все то горестное и тяжкое, что довелось пережить когда-то на Северном фронте в России, а потом на Западном фронте во Франции — под Реймсом и Суассоном, на Шмен де Дам и на многих других полях боя...

Положение на фронте в Арденнах уже стабилизировалось, и капитан французской армии Васильев катил по шоссе на машине с радиостанцией, направляясь в расположение своей части, как вдруг в воздухе послышался знакомый рев немецкого пикирующего бомбардировщика и пронзительный, выматывающий жилы свист падающей бомбы. Васильев только успел выскочить из машины, когда раздался взрыв.

Что было дальше, он не помнит. Очнулся

Васильев на койке в госпитале. Лицо было туго забинтовано. Оказывается, осколок бомбы распорол ему щеку и выбил часть челюсти. Лечение было долгим и трудным, и когда Васильев вышел из госпиталя, залатанный весьма основательно и добротнo — теперь на лице его шрам едва различим, — война уже кончилась.

Ну, а дальше началось тихое гражданское существование: пока были еще силеньки, Васильев работал в какой-то фирме инженером, а теперь вот живет на пенсии в этом маленьком домике рядом с воинским кладбищем, где погребены его соратники по боям 1916 года; ходит в первую субботу каждого месяца в часовню воскресения Христова, где служит панихиду по убиенным монахам-схимникам Иов, что живет в своем скиту по ту сторону кладбища; собирает документы для истории русского экспедиционного корпуса, переписывается с немногими, еще оставшимися в живых однополчанами и размышляет на досуге о превратностях прожитой жизни.

О том, какой она была, напоминает канонада на соседнем стрельбище. Право же, есть что-то символическое, что этот старый офицер доживает свой век у воинского кладбища, рядом с полигоном. С офицерами этого полигона Васильев дружит. В знак уважения к военному ветерану, который носит в петличке своего штатского пиджака алую ленточку ордена Почетного легиона и ленточки других орденов, командующий стрельбами распорядился отдавать ему пустые ящики из-под снарядов.

— Отличные, знаете ли, ящики, — говорит он мне. — Годятся не только на дрова, но и для строительных целей. Вот видите, мы соорудили из них новую сторожку для нашего служителя, который следит за порядком на кладбище. Это тоже наш однополчанин, бывший офицер. Жалованья ему не платят, но наше общество, когда оно еще было в силе и смогло приобрести этот участок для сооружения часовни, заодно купило рядом гектар пашни. Так вот, сторож сдает его в аренду одному крестьянину и на эти деньги живет...

Из сторожки вышел седенький небритый старичок, уже давно утративший военную выправку, и поздоровался с нами.

— Да, маловато нас осталось, и многие трудно живут. Мне-то ничего, — сказал Васильев. — Отслужив два десятилетия в Иностранном легионе, я получаю приличную пенсию, но многие бедствуют...

— А не возникало ли у вас желание побывать на родине? — спросили мы его под конец. Он поколебался, потом уклончиво ответил:

— Давно, давно я там не был. И кого бы я нашел? Все мои родные и близкие уже мертвы... — Потом он вдруг запнулся и сказал: — А вот, честно говоря, в нашем Павловском училище побывать хотелось бы, — там, говорят, сейчас ваша офицерская школа. Недавно один из наших поехал в Петроград, то есть, простите, в Ленинград. Вспомнил дорогу, по которой бегал юнкером, пришел в училище. Встретил его дневальный, вежливый такой, образованный молодой человек: «Что вам угодно?» Отвечает мой друг, сам не веря, что задуманное им удастся: «Да вот, видите ли, какое дело, я это училище кончал без малого шестьдесят лет тому назад, потом воевал на Западном фронте в первую мировую войну, а сейчас живу во Франции. Очень хотелось бы поглядеть на классы и на дортуйр — так в наше время спальный корпус называли». И что же вы думаете? Связался дневальный с начальством, и вышла такая команда: все показать ветерану училища! И показали. Остался мой приятель очень доволен, говорит, воинские традиции на высоте, дисциплина образцовая, порядок полный...

Старый штабс-капитан примолк и о чем-то задумался. Уж не о том ли, какую ошибку он допустил тогда, в сентябре 1917 года, в суровые и трагические дни, когда под градом снарядов и пуль в лагере Ла Куртин происходило решающее размежевание в русском экспедиционном корпусе: кому — дом, а кому — чужбина? Того, что минуло, уже не вернуть, и все-таки прошлое всегда с тобой, и ты несешь его груз всю свою жизнь.

Париж — Москва.

КВ

«МИНИ-СПОРТ» В ТУПИКЕ...

Теперь я знаю, чем можно измерять коэффициент вредного действия некоторых работников торговли. Мотороллерами! Если не верите, послушайте, какая история приключилась с симпатичным «мини-спортом».

Этот микророллер нравится с первого взгляда. Небольшой, вертикальный и достаточно быстрый. Два года назад, когда машина впервые появилась на стендах оптовой ярмарки, от поклонников новородившейся малютки (вес — 38 кг!) отбою не было.

— Когда же начнется выпуск? — поинтересовался я в те дни у представителей рижского завода «Саркана Звайгзне».

— Если торговля даст достаточный заказ, будем ставить на конвейер...

Помню, тогда же одна из столичных газет прямо так и написала: в 1972 году микророллеры «мини-спорт» появятся на прилавках магазинов. Стал захаживать в магазин: хотелось еще раз встретиться с приглянувшейся новинкой, да и интересовало, как долгий путь новинки от оптовой ярмарки до прилавка.

Спрашивал у продавцов. Говорил с директорами.

«Мини-спорт»? Впервые слышим...

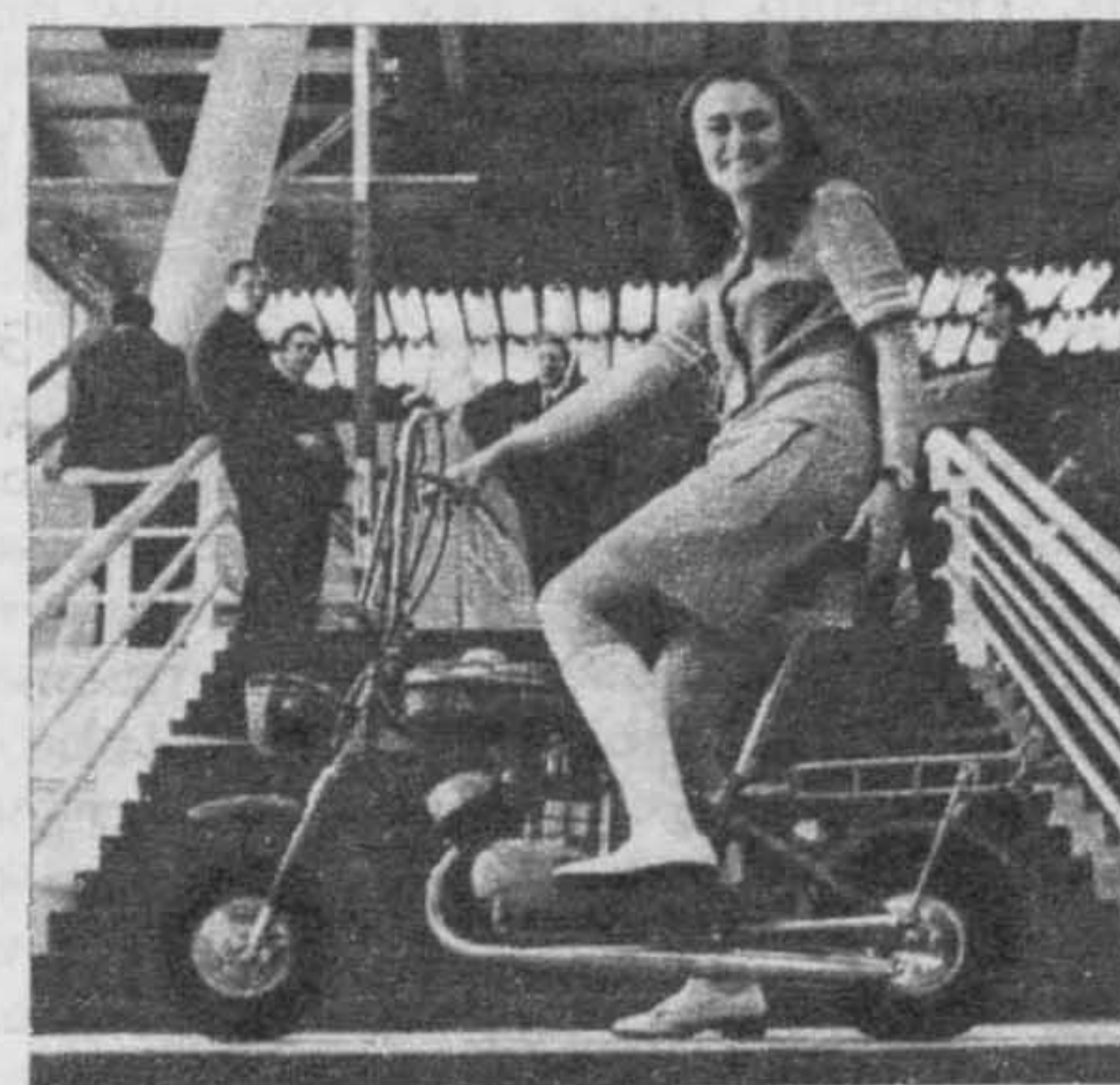
Обращаясь на завод. Директор предприятия А. Соколов отвечает: «Микророллер в план серийного выпуска не включен, и по не зависящим от нас причинам пока включение его не предвидится».

Обращаясь в Министерство торговли СССР, к начальнику Главкультабторга Н. Следникову (ведь если торговля не попросит, — промышленность не выпустит): «Заказали ли микророллеры?» В ответ получаю более чем странное письмо. Товарищ Следников не отвечает на вопрос, он просто переадресовывает его в Министерство автомобильной промышленности СССР.

Но ответ А. Ключевачева — главного инженера Главного управления по производству мотоциклов и велосипедов Минавтопрома привожу почти без сокращений: «Микророллер является результатом поисковых работ на рижском мотозаводе. Оригинальный внешний вид машины вызвал интерес и у самих работников завода и у граждан, которые видели микророллер в период дорожных испытаний. Параметры микророллера: скорость, расход топлива такие же, как у легкого мопеда, выпускаемого заводом «Саркана Звайгзне». Но в отличие от мопеда «Рига-7» микророллер можно использовать лишь на дорогах с усовершенствованным покрытием. Несмотря на то, что модель заинтересовала некоторых представителей торговли, было выяснено, что спрос на него невелик».

А вот с этим-то утверждением согласиться трудно. Спрос попросту не выяснен. Но выяснено другое: представители торговли проявили товаробоязнь — болезнь не очень распространенную, но все же обиходную. И равнодушные и новинке тоже проявили — это с очевидностью заметно из ответа Н. Следникова, ответа, который рассказывает лишь о том, как быстроногая новинка заехала в тупик...

К. БАРЫКИН

В СТРАНЕ АПРЕЛЯ

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Что ни день сюда, на это место,
К монументу в центре Элисты,
Женихи приходят и невесты
И стоят, держа в руках цветы.

Несколько минут стоят, чтоб вместе
Выслушать от Ленина «йорел» —
Благопожелание невесте,
Парню, чтобы добрым быть умел,

И обоим: если незадача
Явится, ворвется в двери зло,
Пору смеха сменит время плача,
Ветром горя выдует тепло,

Чтобы и тогда — не предавать бы,
Поддержать друг друга в трудный миг!..
Постоят. И поспешат на свадьбу
Легкою походкой молодых.

...Здесь, у бронзового пьедестала,
Жизнью подтверждается не раз
То, что Ленин,

потрудились немало,
Создал счастье каждому из нас.

* *

Постойте! Вы были в стране Апреля?
Где птички трели? Где звон капели?

Еще не бывали?.. Несу вам вести!
А лучше со мной поспешите вместе!

Там столько событий — волшебных,
разных...
Сегодня Солнце справляет праздник.

Вы видите: весь небосклон — в движении.
Похоже, Солнышко сына женит.

А может быть, не скажу вам точно,
Светлейшее выдало замуж дочку.

А может, их светлость, забыв про старость,
С возлюбленною наконец обвенчалось?..

Да так иль иначе, но в это утро
Оно разукрасило Землю мудро,

Очистило мир от зимы постылой
И души людские в цветы превратило.

Пьянит нас игристым воздухом-пивом,
Само, развеселое, правит пиром.

Друзья, торопитесь в страну Апреля!
Потом не сердитесь, что не успели!

* *

Кудрявый, на ножках точеных,
Руном серебристым блестя,
Малыш, трехнедельный ягненок,
Резвится в степи, как дитя.

Он так взбудоражен игрою
И силой окрепнувших ног!
Точь-в-точь, как дитя озорное,
Подпрыгнул, несется вподскок,

Головка — немножечко набок...
Ой! Что-то стоит впереди!
Втянул удивительный запах
И словно воскликнул: «Гляди!»

И в том же восторге ягнячем,
Что счастьем зовут у людей,
Смешно, победительно скачет
К встревоженной матке своей...

Весна ему дарит обновы,
Ликует кудрявый, шалит...
Он, словно цветочек махровый,
Со степью апрельскою слит.

ШТОРМ НА МОРЕ

Внезапно ветер дунул с моря.
Вздыхнул... И сделалось темно.
И тут услышал санаторий:
«Купание запрещено».

«На море — шторм!», «На море — буря!..
В дни юности

соленый шквал
Я видел только на гравюре...
Но как же я о нем мечтал!

По горьковской бессмертной песне
Мне буря представлялась так:
Над морем реет буревестник,
Как черной молнии зигзаг...

Взглянуть на это чудо въяве
Могу я наконец теперь...
Нет, быть под крышей я не вправед!..
И я скользнул тихонько в дверь...

Я к морю шел...
Навстречу неся
Свирепый и победный рев.
Казалось, у камней утеса
Грызут друг друга сотни львов.

На побережии — безлюдье
И рев... Но он теперь — знаком.
Я слышу явственно:

орудья
Палат на берегу морском.

Залп... Снова залп... И пены заметь.
Вода взмывает ввысь, пыля...
— Ты вспомнил? — подсказала память.
— Но там взмывала ввысь земля...

А память все зовет куда-то
И душу раздвигает вширь...
Я вижу: движется косматый —
В тяжелых латах — богатырь.

За камнем подымает камень...
Склонился над пучиной вод.
Гороподобными руками
Он море за ворот берет...

Кто он?.. Из эпоса? Иль, может,
Из сказки пушкинской пришел?
А море бьется, море гложет
Свой пояс — каменный свой мол.

И выгибается от злобы,
Пытаясь разломать гранит...
Когда б излить оно могло бы
Ту силу, что его теснит?!

Все потонуло в клубах пара...
Но там, где брезжит оком,
Там белорунная отара
Мелькает, ринулась бегом...

Как бы спасаясь от погони,
Бараны мчатся напрямик.
Нет, это не бараны — кони!
И каждый сказочно велик.

Несутся кони вскачь, ретиво.
Сломали колья городьбы...
Конь исполинский, белогривый
Прорвался... Взвился на дыбы

И рухнул. Подбегаю ближе...
Но где он? Больше нет коня —
Собачки беленькие лижут,
Ласкаясь, ноги у меня...

Я наклоняюсь к пенным водам,
Но вновь растет, гремя, накат.
А в воздухе так пахнет йодом!..
Я буре, как мальчишка, рад,

Хоть галькой исхлестало больно,
Хоть все на мне мокро насквозь...
...Но шторм смолкает недовольно.
Притихло море. Улеглось

И словно задремало, лежа.
Чуть-чуть вскипает на краю.
Сейчас оно точь-в-точь похоже
На степь весеннюю мою.

Оно такое, как вначале,
Когда я свел знакомство с ним.
Ласкает солнышко лучами
Волос его пушистых нимб...

Оно как будто опочило,
Смирилось. Но* понятно мне,
Какая бешеная сила
Таится в этой тишине.

И больше нет доверья к тиши:
Вот-вот взорвется, только троны!
В ней, словно в пушкинском двестищи —
Шутливом даже! — скрыт огонь...

Все ж море дремлет, душу полна
Могучим счастьем бытия...
...Спасибо, море!

Черных молний,
Признаться, не увидел я.

Но прикоснулся на минуту
К хранилищу глубинных сил,
И что-то новое как будто
В себе самом я ощутил,

В исток страстей и вдохновений
Поглубже заглянул на миг
И Пушкина всевластный гений
Опять по-новому постиг.

Перевела с калмыцкого
Юлия Нейман.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Те, кто побывал в Мемориальном центре в Ульяновске, надолго сохранили яркое впечатление от диорамы «Симбирск — родина В. И. Ленина», выполненной под руководством заслуженного художника РСФСР Е. И. Дешалыта.

В сущности, это две диорамы или две части одной диорамы. Когда мы приближаемся к первой, нас как будто переносит в приволжский провинциальный город 70-х годов прошлого века. Стрелецкая улица, застроенная большей частью деревянными двухэтажными или одноэтажными домами с мезонинами, аккуратными балаясинками, выведенными на крышах доморощенными архитекторами, с деревянными тротуарами, копящими фонарями и непролазной грязью на мостовой. Впрочем, в этот ранний час апрельского дня ничто не омрачает мирного течения жизни. Тянутся первые пешеходы к соборной площади, доносятся приглушенные гудки волжских пароходов, в чистом, по-весеннему прозрачном воздухе разливается какой-то особый свет и заставляет нас соотнести течение этого будничного дня с Временем, с Историей.

Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдалении...
По всему по этому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

Да, вот на этой Стрелецкой улице, в небольшом домике, стоящем в глубине двора.

Мы подходим к другой части диорамы. Московская улица Ульяновска в вечерний сумеречный час. Мерцающие огоньки создают напряженность. Мы как будто проникаемся атмосферой жизни семьи Ульяновых в тот драматический период, когда умирает Илья Николаевич, когда семья получает известие об аресте, а затем о приведении в исполнение приговора над Александром...

Когда Ефим Исакович Дешалыт готовился к созданию этой диорамы, ему пришлось стать историком, работать в архивах, просматривать десятки уцелевших любительских снимков, воспроизводивших только часть какой-либо улицы, только часть какого-то дома, разговаривать со старожилами, советоваться с самыми различными специалистами.

— Стремление к документальной точности, по-видимому, одно из основных качеств мастера диорамы? — спрашиваю я.

— Я люблю слово «достоверность», — отвечает художник. — Когда я обдумываю замысел, то все время ставлю себя на место зрителя, стараюсь приблизить свое художническое видение к его восприятию. Я стремлюсь к такой степени художественной достоверности, чтобы у зрителя возникла иллюзия действительно происходящего. Первый объ-

емный план диорамы со скульптурками людей, с домами-макетами, с различными предметами обихода, бытовыми деталями должен переходить в живописный план так незаметно и естественно, чтобы на определенном расстоянии было непонятно, где этот переход произошел. Это своего рода эффект, который помогает силе непосредственного впечатления, который рождает радость у зрителя.

На мой вопрос об истории диорамы живописец рассказывает, что искусство это восходит корнями к глубокой древности, возникло оно как форма массового зрелища, зрелища для народа. А в таком виде, как мы его знаем, известно с прошлого века. Тот самый Дагер, который прославился как изобретатель первого способа фотографии, был живописцем-декоратором, создателем диорам.

Миллионы советских зрителей знакомы с восстановленными панорамами Франца Рубо «Севастопольская оборона» и «Бородинская битва». Много отдали труда этому искусству художники студии Грекова, создавшие ряд прекрасных образцов диорам.

В наши дни диорамное искусство соединяет в себе элементы самых разных искусств — живописи, кино, театра... В группу, которая работает под руководством художника, входят 40—45 человек. Среди них скульпторы, макетчики, художники по костюмам, те, кто заботится о правдоподобию зеленых насаждений, электроосветители, звукооператоры... Художник же, помимо своих прямых обязанностей, еще и режиссер-постановщик...

— Я работал как художник кино, — рассказывает мастер, — когда в 1955 году меня пригласили для создания диорамы «Героическая Красная Пресня». Сейчас она находится в Музее Революции. Я так сильно увлекся неожиданными возможностями этого искусства, столько отдал энергии для преодоления самых неожиданных препятствий, что вернуться в кино уже не смог.

Медленно раздвигаются створки щита — плещется красный флаг, поднятый над баррикадой, к ней по тревоге сбегают дружинники. Перспектива улиц над Пресней затянута грозowymi тучами, занимают первые пожары. Слева баррикаду атакуют царские войска, мчатся всадники и падают, сраженные пулями рабочих. Слишком мало еще тех, кто восстал, но призывно горит над баррикадой флаг, обращенный в будущее...

Художником Дешалытом создано более семидесяти диорам и панорам. Многие из них экспонировались за рубежом, некоторые создавались специально для зарубежных зрителей. Так, для международной выставки в Турине «Труд и человек» им была исполнена диорамная композиция «Старый и новый Донецк», которая после закрытия выставки была отправлена во Вьетнам и экспонировалась в Ханое.

Для международной выставки в Генуе мастеру поручили выполнить тридцатиметровую диораму «Преображенная Сибирь», которая с большим успехом демонстрировалась и в других странах. Воображение зрителей на ЭКСПО-67 в Монреале поражали круговые панорамы «Луна» и «Венера». Достоверность инопланетного ландшафта была настолько убедительной, что один из жителей города Оттавы записал: «Я надеюсь, что вы скоро сделаете на Венере улицы...»

Л. ФЕДОРОВА

ОТВАГА ПЛЮС ТЕХНИКА

Шахта есть шахта. Все может случиться на километровой глубине: и пожары, и обвалы, и выбросы газа... Если не удалось предотвратить беду, в схватку с разбушевавшейся стихией вступают горноспасатели — люди необычайной отваги и мужества. Но случалось, к сожалению, и так, что именно эти качества их подводили: спасатели шли в самое пекло и погибали.

Дело, оказывается, не столько в смелости, сколько в технике, которой оснащены горноспасатели. Сейчас горноспасательные части имеют все необходимое, чтобы обуздать пожар, ликвидировать подземное наводнение, спасти людей и оборудование.

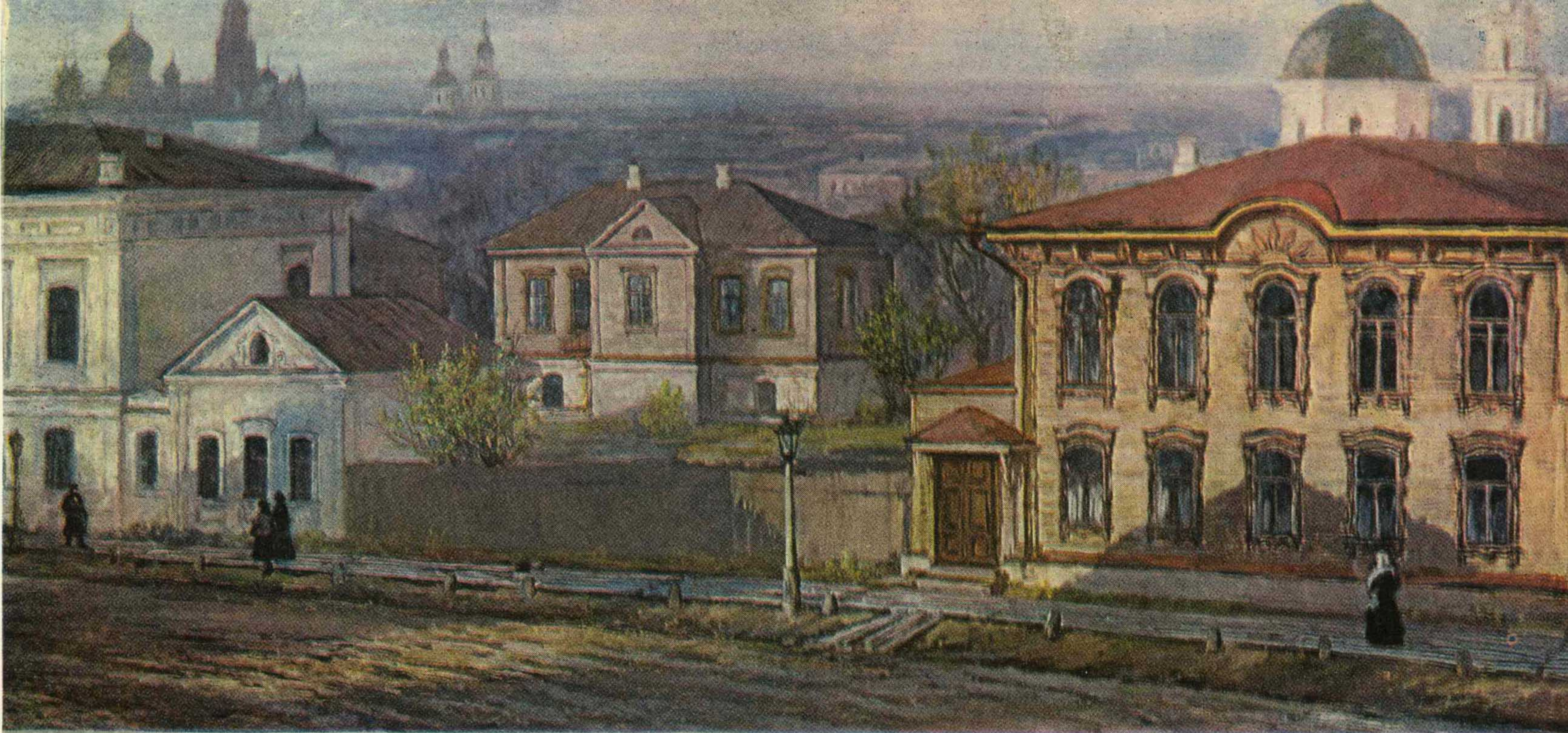
Этой уникальной техникой за-

интересовались шахтеры социалистических стран и попросили продемонстрировать ее в действии. Советские горноспасатели с готовностью откликнулись на эту просьбу: на днях из Москвы отправилась колонна из трех автобусов, оснащенных самой современной горноспасательной аппаратурой.

— В нашей группе всего тринадцать человек, — сказал перед отъездом заместитель начальника управления горноспасательных частей А. В. Курашов. — Но они мастера на все руки: здесь представители Ворошиловградского опытно-экспериментального завода горноспасательной аппаратуры и оборудования, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института горноспасательного

дела, одним словом, люди, которые разработали и изготовили всю эту технику... Мы будем демонстрировать разные типы респираторов, которые позволяют находиться в атмосфере, непригодной для дыхания, от двух до четырех часов. Есть у нас и легионеры: целые часы можно в них работать на пятидесятиметровой глубине. Покажем нашим друзьям всевозможные самоспасатели, а также оживляющий аппарат: он лучше любого врача делает искусственное дыхание. Возьмем мы и другие новинки, которые наверняка заинтересуют шахтеров Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Е. Дешалыт. СИМБИРСК. СТРЕЛЕЦКАЯ УЛИЦА. ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛА СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ.

ЕНИСЕЙ.

СИМБИРСК. ДОМ НА МОСКОВСКОЙ УЛИЦЕ, В КОТОРОМ ЖИЛА СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ.

Е. Дешалыт. ГЕРОИЧЕСКАЯ КРАСНАЯ ПРЕСНЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Муса МАГОМЕДОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. ВОРОБЬЕВА.

К ГОРНОМУ ЭХУ

Весь этот день Сарат находилась будто во сне. На каждом уроке Маржанат объясняла новый материал, но Сарат почти не понимала ничего из объяснений учительницы. В ушах ее звучали одни и те же слова: «Да, может быть, девочки, одна из вас будет и артисткой...» «Это я, я буду,— твердила она себе.— Вон вчера что Хузу сказала... А если бы она послушала, как я умею петь!.. Может быть, она даже и сказала бы, что мне надо быть артисткой...»

Трепетно, нетерпеливо распахнула Сарат свою душу всему, что имело хотя бы какое-то отношение к театру. В газетах, которые приходили в Бакдаб, она отыскивала статьи и даже самые маленькие заметки, где что-то говорилось о спектаклях, об артистах. Несколько раз в газетах ей попадались хорошие отзывы об Усмани-Гаджи и Хузу. Сарат читала их потрясенная, пересказывала тетушке Нуцалай. Та хмурилась и радости ее не разделяла. Но для Сарат это не имело никакого значения. Что ж, думала она, тетушке многого не понять... В школьной и аульной библиотеках Сарат прочитала все сборники пьес, все книги о театре и жизни артистов.

А однажды ей приснился удивительный сон... Она, Сарат, в белоснежном платье и красном платке, точно в таком же, какой подарила Нуцалай-ада Хузу, поднималась по ступенькам на сцену бакдабского клуба и только поднялась — увидела Айдемира. В новой военной форме, с сияющим на груди орденом, он протянул ей руку и сказал: «Ах, моя Умайханат... Скорее, мы опаздываем на выход». Он сказал это голосом Мансура, и Сарат удивилась: «Мансур, разве ты артист? Ведь роль Айдемира играет Усман-Гаджи. Где он?» «...Да ты понимаешь, Усман и Хузу уехали... У них сегодня свадьба... Пойдем же на сцену...»

И вот они с Мансуром на сцене. Медленно раскрывается занавес. Странно, клуб знакомый, сцена знакомая. А занавес — тяжелый, огромный, дорогой — из красного бархата. Когда появился в их клубе такой занавес? Неужели это председатель сельсовета Гитинав постарался? Ну да, вот он, сидит в первых рядах и улыбается. А рядом с Гитинавом сидят Нуцалай-ада и Маржанат. Учительница почему-то хмурая, расстроенная. Но вот она увидела, что Айдемира играет не Усман-Гаджи, а Мансур, и хмурость с лица ее исчезла, на лице заиграла улыбка.

...А потом в клубе установилась необыкновенная тишина. И в этой тишине раздался голос Айдемира — Мансура: «Умайханат, я только тебя люблю... Я уведу тебя из этого ненавистного дома...» Он проговорил это, а Сарат не знала, что ему отвечать. Она долго молчала, теребила бахрому платка, все более приходя в ужас от своего молчания. А

люди, сидящие в клубе, терпеливо ждали. И наконец Сарат запела: «Твоим родичам не понравится девушка из рода рабов, хотя косы ее длинны, мой сокол военный...» Голос ее разнесся по всему клубу, зазвенел даже в самых дальних углах.

Зал вдруг, хотя пьеса не кончилась, взорвался аплодисментами. Восторженные крики, кажется, вот-вот развалят клуб. «Сарат, Сарат! — громче всех кричит Гитинав.— Спасибо тебе, Сарат! Аул Бакдаб гордится тобой».

В следующее мгновение Сарат очутилась в зале, среди людей. Все пытаются пробиться ближе к ней, пожать ей руку, которая и без того уже болит. Расталкивая других, появляется Халисат и говорит с завистью: «Какая ты счастливая, Сарат... Вот ты и стала настоящей артисткой».

«Подумаешь,— усмехается сзади нее противный Шагидав.— Потешать людей небольшая честь».

«А что ты понимаешь! — сердилась на него Халисат. — Я тоже когда-то так думала...»

И вот, по-прежнему окруженная людьми, Сарат выходит на улицу. Под ноги ее неизвестно откуда стелются ковры. И она идет, идет по этим коврам, куда-то вверх, все вверх, в горы. А люди остаются внизу. «Что же вы? Идемте со мной!» — кричит Сарат. «Нет, иди одна,— отвечает ей снизу Гитинав.— Иди все выше, на самую гору, и свети нам всем оттуда, как звезда. И никогда не забывай, что ты родом из аула Бакдаб». «Я не хочу, не хочу! Нуцалай-ада! Скажите всем, чтобы шли сюда! Нуцалай-ада!..»

— ...Что ты кричишь? Заболела, что ли? Доченька, что с тобой?

Сарат с трудом сбросила наваждение. Тетушка Нуцалай, заспанная, растрепанная, склонилась над ней.

— Нуцалай-ада... Мне приснилось, что я артисткой стала.

— Один наяву, а другая во сне... — недовольно проговорила Нуцалай. — Слава аллаху, в жизни все наоборот бывает. Раз уж не Усман-Гаджи, так хоть ты, может быть, станешь доктором. И будет кому мой ревматизм лечить. Спи.

Нуцалай потушила лампу.

Но Сарат в эту ночь больше не могла уснуть. До утра она лежала с открытыми глазами, все думала и думала о необычном своем сневидении. «Нет, тетушка Нуцалай, я буду, буду артисткой!» — звенело и звенело у нее в голове.

В школе появился новый учитель русского языка и литературы — Махсут Набиевич. Сарат он сначала не понравился, несерьезный какой-то, на уроках все время посмеивается, хотя, правда, объясняет все так, что сразу понимаешь, а на переменах собирает ребят и учит их танцевать. Сам он танцевал здорово.

Сарат никогда не видела, чтобы кто-то отплясывал так же красиво и лихо. И на коленях вертится, как волчок, и на кончиках пальцев мог стремительно пройтись по кругу. «Машаллах! Машаллах!» — кричали ребята, колотя в ладоши. Больше и громче всех орал конопатый Шагидав. И сам Махсут Набиевич что-то выкрикивал, подмигивая ребятам.

Однажды подошла Маржанат, долго, с улыбкой смотрела, как пляшет учитель. Потом, отойдя с ним в сторону, сказала:

— Пляшете вы хорошо... очень... Но не забывайте, что вы все-таки преподаватель!..

Махсут Набиевич смутился. Потом, поправив галстук и пригладив растрепавшиеся волосы, ответил:

— Знаете, нет, не забываю... А что — неприличное я что-нибудь делаю?

— Нет,— на этот раз смутилась Маржанат.— Но как-то все это... не очень серьезно, что ли...

— Вы так думаете? Авторитет у ребят роняю? А мне думается, наоборот. Я вот организую танцевальный кружок. Буду принимать в него лишь ребят, не имеющих двоек. И, думаю, успеваемость намного повысится.

— С помощью танцев, значит?

— Не только. И драмкружок хочу организовать.

— Вот как! Похвально.

— Понимаете, Маржанат... Извините меня, но я буду на ближайшем педсовете говорить о многом... и очень серьезном.

— Тоже... похвально,— сказала холодно Маржанат.

— Ребята предоставлены после уроков сами себе, занимаются черт те чем. Некоторые хулиганят... Надо их чем-то занять, заинтересовать.

— Попробуйте. Я тоже пытаюсь вот...

— Попробую. И уверен, добьюсь успеха. Шагидав, например, этот сорванец и лентяй, дал мне уже слово бросить свои художества. И подтянуться в учебу. А я ему дал слово, что научу танцевать. Оказывается, он очень любит это дело.

— Да? Не знала.

— А знаете ли вы, что у Сарат, например, этой девочки с косами, большие задатки... к чему, не знаю еще, но душа у нее какая-то необыкновенная.

— По-моему, она мечтает стать артисткой,— проговорила Маржанат.— У нас весной был аварский театр. Спектакль произвел на Сарат большое впечатление. С тех пор девочка сама не своя.

— Да? Возможно... А знаете, что Мансур пишет стихи?

— Да что вы?! Нет.

— Пишет. И у него... Нет, нет, не получается еще, но будет получаться. Я уверен. Только он стесняется их показывать.

Сарат стояла неподалеку и невольно все слышала. Больше всего ее поразили слова учи-

теля о тайной мечте. Она-то думала, что никто ничего не знает, а оказывается... И Мансур, Мансур... Неужели он пишет стихи? И вспомнила вдруг, как Мансур вступился за нее.

С того дня Сарат как-то по-особому стала смотреть на Мансура. Когда он отвечал у доски, она почему-то волновалась и опускала глаза в тетрадь или учебник, боялась взглянуть на него.

В конце сентября Махсут Набиевич, назначенный их классным руководителем, оставил всех после уроков и сказал:

— У меня есть предложение, ребята... Давайте к ноябрьскому празднику приготовим представление.

— Может, поставим пьесу «Умайханат и Айдемир»?!

Это выкрикнула Сарат. Выкрикнула и смутилась. Она не понимала, как это получилось у нее. И вот теперь все, весь класс обернулся к ней. А она готова была сквозь землю провалиться.

— Что ж, когда-нибудь и спектакль поставим, — сказал Махсут Набиевич. — Настоящий спектакль. Но к праздникам нам не успеть. Пока же подготовим просто концерт. Вот Шагидав спляшет. Как, Шагидав?..

— Что же я... Как вы скажете, Махсут Набиевич.

Всем было странно, что Шагидав вообще остался на это собрание после уроков. А теперь он вдруг даже смешался, конопатое лицо его залилось краской.

— Мансур прочитает стихи... свои стихи. Ведь он, ребята, неплохо сочиняет стихи.

Теперь все повернулись к Мансуре. Тот быстро-быстро заморгал, опустил было голову, но тут же ее поднял.

— Прочту, — сказал он тихо, уши его розовато засветились.

— Вот и прекрасно. Ну, а Сарат... Что ты можешь делать, Сарат?

— Я... не знаю. Я ничего не умею.

— Неправда, неправда! — понеслось со всех сторон. — Она кого угодно может передразнить.

— Изобразить, — поправил учитель. — Это будет очень интересно — изобразить на концерте каких-нибудь жителей аула. Скажем, лодырей, которые от колхозной работы отлынивают. Или сплетников... Есть такие в ауле?

— Есть, есть! — опять понеслось отовсюду. — Вот, например, Патима-гадалка.

— Или жена моего дяди... Как придет бригадир звать на работу, так она голову полотенцем обмотает и притворяется больной...

Класс, в котором училась Сарат, занимался с недавних пор во вторую смену, и к тому времени, когда собрание кончилось, улицы залила уже темнота. Днем небо было почти пустым, лишь случайные тучки бродили меж гор, а сейчас облака плотно завалили все небо. Сверху не проглядывало ни одной звездочки.

Сарат вышла из школы позже других, раздумывая о собрании, о Махсуде Набиевиче, который сперва ей не понравился, а сейчас... Ведь даже этого противного Шагидава он переломил, нашел к нему ключик. Хороший, видно, человек Махсут Набиевич.

Еще она думала о Мансуре. Как все удивились, когда Махсут Набиевич сказал, что Мансур пишет стихи! Еще бы! Это не какую-нибудь Патиму изобразить! Людей, сочиняющих стихи, знают и уважают повсюду в горах. Вот, например, Гамзат Цадаса... Его знает каждый колхозник, каждый пастух. И Мансур... Мансур заступился тогда за нее, когда Шагидав...

— Ой!

Сарат чуть не наткнулась в темноте на кого-то. Она сделала шаг назад и остановилась, чувствуя, как колотится сердце. Оно, ее сердце, колотилось не от испуга, не от страха. Не знала, не могла понять, отчего оно так стучит, почему жаром вспыхнули щеки, а глаза невозможно, ну никак невозможно было поднять на человека, стоящего перед ней.

Этим человеком был Мансур.

— Ты... почему?.. Ты не ушел разве еще? — проговорила Сарат. «Хорошо, что ночь темная... хорошо...» — подумалось ей.

— Я, Сарат... Пойдем вместе.

— Пойдем.

Они зашагали молча. Сарат по-прежнему не поднимала головы, будто пыталась в чернильной темноте разглядеть дорогу. «А если увидит кто? Если увидит кто?! — стучало у нее в

голове. — Слава аллаху, что ночь непроглядная».

Но их увидели. Когда они проходили мимо кладбища, во мгле мелькнули какие-то фигуры и стали приближаться.

— Мансур! — вскрикнула Сарат, страх выдул мгновенно из ее головы все другие мысли. — Пошли назад, обойдем это место.

— Пойдем... Не мертвец же это, раз двигается, — сказал Мансур.

— Пока я не покойник, верно, — раздался голос Шагидава. — Вы поглядите — тут и артистка!

— Вместе, значит, ходят, когда темно, — усмехнулся дружок Шагидава Хочбар и направил в глаза Мансуре луч карманного фонарика. — Ишь, тихони.

— Что вам надо? — воскликнула Сарат.

— Ничего. Того случая в классе я не простил твоему Мансуре. Но бить его не буду, пусть не боится.

— А он и не боится! — неожиданно сказала Сарат, уверенная, что Мансур действительно не боится.

— А вот сейчас проверим... — Шагидав снял шапку с головы Хочбара. — Проверим храбрость твоего кавалера.

— Ты что болтаешь? — шагнула к нему Сарат. — Как не стыдно?

— Ха, не стыдно... А вам не стыдно в темноте шлаться вдвоем? Ну-ка поглядим, Мансур, много ли смелости у тебя в твоём влюбленном сердце. — И Шагидав бросил шапку к ногам Мансура. — Отнеси на кладбище. И положи на могилу шейха.

— Хи-хи... — пискнул Хочбар. — Он даже днем боится в одиночку мимо кладбища ходить... А ты...

Сарат поняла, чего хочет добиться этим Шагидав. Он хочет опозорить перед ней Мансура и таким образом отомстить ему за случай в классе. Но он не опозорит, потому что... Разве шутка ночью зайти на кладбище? Да еще подойти к могиле шейха?! Всем известно, что шейх по ночам встает из могилы и бродит по кладбищу.

— Сам иди, понятно? — выкрикнула она в лицо Шагидаву. — Пойдем, Мансур.

— Погоди, Сарат... Он и пойдёт. — Мансур поднял шапку. — Я положу ее на могилу шейха, а ты, Шагидав, пойдешь и принесешь ее обратно. Подержи, Сарат, мой портфель.

— Конечно, принесет. А почему бы и нет? — поспешно вставил Хочбар.

— Я-то принесу. Только ты отнеси. Да издали не бросай. Положи ее прямо у надгробного камня.

Шагидав говорил смело и легко, уверенный, что у Мансура не хватит духу даже подойти к кладбищу.

— Только не кричи, если шейх тебя за ногу схватит да в могилу потащит, — добавил он, смеясь.

Но смех его оборвался, потому что Мансур повернулся и пошел.

— Ой, Мансур! — вырвалось у Сарат.

— Тихо ты! — обрезал Шагидав.

Затаив дыхание, Сарат, Хочбар и Шагидав стояли возле кладбища ни живые ни мертвые. Сердце Сарат колотилось, так колотилось!

Мансур вернулся минут через пять, а Сарат показало, что прошла вечность. Он взял у нее свой портфель, и она почувствовала, как дрожат его руки.

— Теперь ты иди за шапкой...

— Я?.. Ладно... — Голос у Шагидава прерывался. — Ну-ка дай фонарик, Хочбар.

— А ты без фонарика, — сказал Мансур.

— Что ж... Ладно.

И Шагидав действительно пошел на кладбище.

Несколько минут было тихо.

Вдруг раздался пронзительный визг, потом истошный крик Шагидава.

— Что там?! — в ужасе закричала Сарат и, сама того не замечая, схватила Мансура за локоть, прижалась к нему вздрагивающим телом.

— Ничего... Ничего... — сдавленно проговорил Мансур.

Все видели, как бежал с кладбища Шагидав. Выскочив на дорогу, он припал на колени, видимо, споткнулся. Но тут же поднялся и побежал прочь.

— Шагидав! — растерянно прокричал Хочбар.

— Ну, теперь твоя очередь идти за шапкой, — сказал Мансур.

— Как же... Шейх встал из могилы! Не понимаете, что ли? — Последние слова Хочбар почти прошептал.

— Ну тогда днем возьмишь. Когда он обратит в могилу ляжет. А сейчас догоняй друга своего. Успокой его... Пошли, Сарат.

— Я бы ни за что не смогла... На кладбище...

— Я тоже боялся, — признался Мансур, чего Сарат никак не ожидала, хотя и помнила, как у Мансура дрожали руки. И оттого, что он вот так просто взял и признался, Сарат стало легко и уютно. И еще она почувствовала, что рухнула, рассыпалась незримая стенка, которая стояла все-таки между ними, разделяла, мешая говорить обо всем прямо и открыто.

— А кто... кто это визжал там? — спросила она.

— Кошка. Я чуть не умер от страха, когда увидел ее зеленые глаза в темноте. А Шагидав, видно, наступил на нее...

Хочбар на следующий день пришел в школу в своей шапке, — видимо, уже утром осмелился сходить на кладбище. Шагидав же стал ниже травы, тише воды. Все удивлялись такой перемене. Махсут Набиевич считал это своей заслугой. И Маржанат, видимо, думала так же.

Сарат частенько видела теперь Маржанат вместе с Махсудом Набиевичем. И это ей почему-то нравилось.

Сарат стала заниматься в драматическом кружке. Учитель литературы то и дело говорил:

— Да, ребята... Концерт у нас получится отличный. Гадалка Патима, когда Сарат изобразит ее на сцене, или бросит свое занятие, или уедет из аула. А к Первомайскому празднику поставим пьесу «Умайханат и Айдемир». Может быть, роль Умайханат будет играть Сарат. Как, Сарат?

— Не знаю. Попробую. Я очень хочу...

— А Айдемира, возможно, Мансур. Как, ребята?

— Мансур, Мансур! — согласились все.

— Ну да, это ему подойдет, — с ухмылкой сказал Шагидав, но так тихо, что никто, кроме Хочбара, этого не слышал.

Мансур и Сарат часто теперь возвращались из школы домой вместе, никого не стеснясь. В те дни, когда были репетиции, Мансур обычно заходил за Сарат домой. И на это никто не обращал внимания, кроме тетушки Нуцалай.

— Ох, Сарат, беспокоится мое сердце, — говорила она. — Людская молва замазает — никакое мыло в мире не отмое. Какая тебе надобность по вечерам в школу ходить?

— Мы концерт готовим.

— Какой концерт? Петь, что ли, будешь? Не хватало еще...

— Нет, не петь. Петь будут другие. У Хочбара голос, оказывается, хороший. Он будет петь.

— Хочбар — сорванец, ветер у него в голове. Пусть поет. А ты... Да еще с Мансуром этим каждый день...

— Нуцалай-ада, ну что здесь плохого? Мы уроки иногда вместе готовим. Дружим, в общем.

— Дружим? Да виданное ли это дело?! Ты ведь девочка. Людская молва, говорю...

— Не старое время теперь, Нуцалай-ада.

— Ладно, я вот поговорю с вашим учителем. Я не дам ему сбить тебя с пути! — рассердилась однажды тетушка не на шутку. — Хватит мне в семье двух артистов.

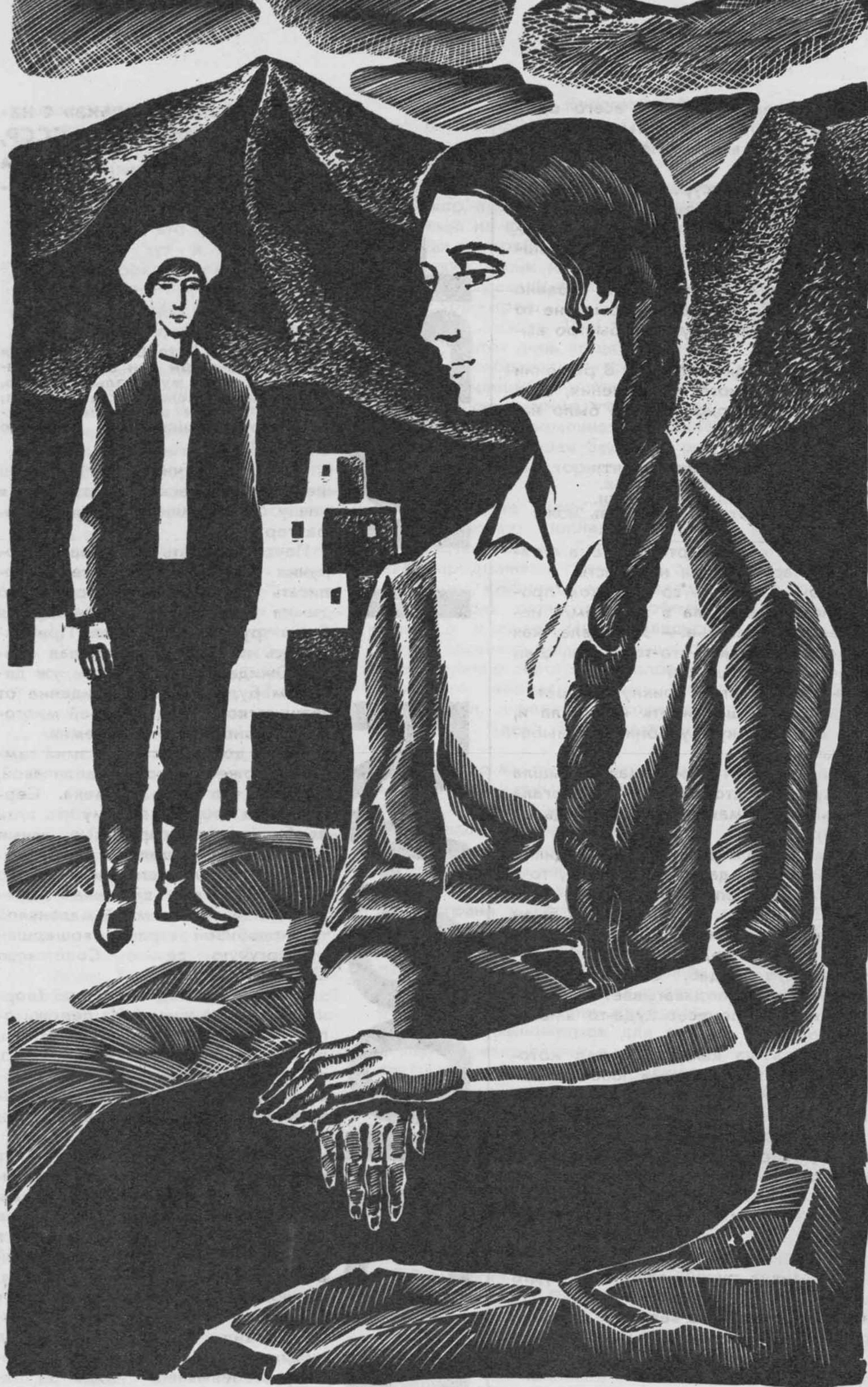
И действительно, как-то вечером Нуцалай объявилась в школе. Она прошла по длинному коридору, отворила дверь, за которой слышался смех, веселый галдеж, и обомлела: среди мальчишек и девчонок, опираясь на свою палку, прихрамывая, крутилась лохматая Патима.

— Вах, Патима! — воскликнула Нуцалай. — Что ты здесь, среди детей, делаешь?

Патима на мгновение обернулась, на груди у нее закачались четки.

— Мне девять камешков однажды подсказали, что Тума-Магомет, которого считали убитым на войне, жив. И он вернулся, — проговорила Патима хриплым голосом. — Теперь я гадаю этим детям — какая кому судьба выпадет. Кто будет артистом, кто учителем...

Голос был страшно похож на голос Патимы. И все же что-то тетушку Нуцалай насторожило.

— Ты простыла, что ли, Патима? Хрипишь, как испорченное радио.

— Ой, ради аллаха, правоверная сестра Нуцалай, спрячь меня! — вдруг засуетилась Патима. — Бригадир, бригадир сюда идет!

Ребята и девчонки, находящиеся в комнате, дружно захохотали. Улыбнулся учитель Махсут Набиевич. А Нуцалай огляделась: какой бригадир? Зачем он сюда придет?

И тут до нее дошло. И лицо Патимы, и палка, и четки. Даже голос... И такая же косматая. А вот глаза?! Да это же глаза Сарат!

— Вай, аллах! — вскричала она. — Ах, проклятая! Так смеешься над теткой, заменившей тебе родную мать?! На нос картошку нацепила. Вай, вай, до чего ты додумалась!

Сарат сняла картофельный нос, стянула парик.

— Простите, ада... Я хотела проверить, похожа ли я на гадалку Патиму.

— А я говорю — сними эту одежду! Пстой, пстой, чей же это платок? И черное платье? Да это же мой платок и мое платье. Ах, негодница! А я два дня искала это платье...

— Ада... — чуть не всхлинула Сарат. — Я знала, что вы не дадите. А мне нужно... Платье ничего не делается.

— Негодная девчонка! Да ты понимаешь... Вон что выдумала! А если Патима на этом вашем концерте... увидит тебя в моем платье?

Зачем мне нужны ее проклятья? Ну-ка ступай домой... — И она схватила Сарат за руку.

— Тетя Нуцалай! — воскликнул Мансур.

— А ты молчи! И чтобы не видала я тебя больше в своем доме! И тебе, учитель, скажу: оставь Сарат в покое! Не дело это... из девчонок артисток делать!

— Нуцалай-ада, так нельзя рассуждать, — вмешался наконец Махсут Набиевич. — Если у человека есть талант, он должен его развивать, чтоб принести потом пользу народу.

— Какая народу польза от того, что Сарат кривляется тут?

— А вот, допустим, увидит себя гадалка и сплетница Патима на сцене. Проклятий ее вы не бойтесь, я их на себя возьму. Да она и не узнает, кто изображает ее... Увидит она себя на сцене, и, может, ей стыдно станет народ обманывать. И вы ведь, Нуцалай-ада, я знаю, часто ходите гадать к ней. И каждый раз в благодарность что-нибудь несете. То платок, то миску сушеного мяса, то деньги. Сколько вы передавали ей одних денег? А ради чего? Хоть что-нибудь предсказала она вам правильно? Врет она все, одурачивает и вытягивает из вас подарки и деньги...

Нуцалай слушала, несогласно покачивая головой. Потом притихла. И, наконец, вздохнув, проговорила:

— Вах, что и говорить, прав ты. Дурачит она людей. И люди знают это. Да ведь знаешь, но думаешь: а вдруг да сбудутся ее лживые слова? Вот и идешь к ней. И несешь что-нибудь.

— А насчет Сарат вы неправы, Нуцалай-ада, — мягко продолжал учитель. — У девочки природные способности.

— Способности! — опять вздохнула Нуцалай. — Ох, уж мне эти способности... — И потянула вдруг платок к глазам.

— Да что вы, Нуцалай-ада?! — воскликнул учитель. — Зачем вы?

— О ней я беспокоюсь, о сиротке моей, — сказала Нуцалай. И повернулась к Мансуру: — Запомни: у Сарат нет ни отца, ни матери. В дружбе вашей... я, старая, понимаю... ничего плохого нет. Только помни: уличный хабар для девушки что огонь для стружек.

— Что вы говорите такое, тетушка Нуцалай! — смутившись, проговорил Мансур.

Сарат всхлинула в дальнем углу комнаты.

— Ну вот, ну вот, — растерянно произнесла Нуцалай. — Я ведь хотела как лучше. Я никого не хотела обидеть. Верно, значит, все говорят, что времена другие теперь. И нам, старым, непонятные.

— Идемте, я провожу вас, Нуцалай-ада, — сказал Махсут Набиевич.

После этого случая недели две Мансур и Сарат словно бы сторонились друг друга, боялись в лицо друг другу глянуть.

— Мансур... Я забыла, что нам по географии задали на завтра, — подошла к нему однажды Сарат, решив все-таки растопить холодок этого отчуждения.

— Да вот... сейчас, Сарат, сейчас... — И Мансур торопливо полез в дневник.

И все стало между ними по-старому. Только... Только Мансур никогда не заходил больше в дом к тетушке Нуцалай.

Концерт прошел хорошо. Гадалки Патимы на нем не было, но, говорят, она после концерта лишилась почти всех своих заработков.

К Первомайским праздникам учащиеся подготовили спектакль «Умайханат и Айдемир». Репетировали очень долго и помногу. Махсут Набиевич, как болтала Халисат, бывшая подружка Сарат, «даже похудел, бедняжка».

Халисат в последнее время как-то все больше и больше не нравилась Сарат. Она стала капризной, жеманной, считала себя в классе всех умнее, и часто с языка ее падали ядовитые слова. Но именно насмешки ее помогли однажды Сарат. Она во время репетиций никак не могла осмелиться обнять Мансура, игравшего роль Айдемира. Каждый раз вспыхивала от смущения, внутри у нее что-то сжималось, будто ей предстояло упасть в холодную бездонную яму.

— А ты это делай, как обычно вы делаете! — усмехнулась Халисат, репетировавшая роль мачехи Умайханат Асмы.

— Как обычно?... — растерянно переспросила Сарат.

— Ишь ты, тихоня! — Халисат полоснула Сарат взглядом своих черных, блеснувших злостью глаз.

Мансуру Сарат об этом ничего не сказала. Но, странное дело, неприятный разговор с Халисат помог ей. «Ну и обниму! — подумала она. — Назло этой вертлявой сороке».

И обняла. Сердце Сарат в то мгновение, когда она впервые во время репетиции припала к груди Мансура, замерло и будто не собиралось оживать. В голове что-то гудело, и сквозь этот гуд она услышала слова Махсута Набиевича:

— Очень хорошо, Сарат! Просто замечательно! Молодец...

Спектакль прошел с большим успехом. Зал бушевал, наверное, с полчаса, измучив бесконечными вызовами молодых исполнителей. Особенно яростно хлопал председатель сельсовета Гитинав. Ладони у него, наверное, болели потом целую неделю.

Наконец, вызвали уже одну Сарат. Несколько раз она выходила, оглушенная, на сцену. Людей она не видела, кроме тетушки Нуцалай. Тетушка почему-то плакала. Но Сарат понимала: это не слезы сожаления о том, что Сарат, ее приемная дочь, пойдет, видно, тоже в артистки. Для самой Сарат, во всяком случае, теперь, в этом не существовало никаких сомнений.

Когда в маленькой комнате, служившей примерной, девочки умывались и приводили себя в порядок после спектакля, Халисат опять сказала:

— Вот видишь, помог тебе мой совет.

— Какой совет? — спросила Сарат.

— Забыла... Хорошо вы потренировались.

— Замолчи!..

— Очень... оч-чень это естественно у вас получилось на сцене.

Сарат, взбешенная и оскорбленная до глубины души, подбежала к Халисат, сидящей у зеркала. Та медленно встала, медленно повернулась к Сарат. Лицо у Халисат было бледное, глаза горели каким-то яростным пламенем, и тоненькие губы чуть подрагивали.

— Какая ты... злая! — воскликнула Сарат.

— Запомни, ты... артистка! — заговорила вдруг Халисат голосом Асмы, будто еще продолжала спектакль. — Запомни... Ты можешь и еще с Мансуром... тренироваться. Но тебе не видать его как своих ушей. Понятно?

— Ты что говоришь? Что говоришь?

— А то, что слышала...

И Халисат вышла из комнаты.

Дни полетели, как во сне. Смысл слов Халисат то доходил до Сарат, то вдруг она начинала сомневаться, что такой разговор состоялся на самом деле. Но если и состоялся, если Халисат... что-то к Мансуре имеет... мне-то что? Пусть, пусть...

Бедная Сарат, она еще не понимала или не хотела верить, что в ней начала просыпаться женщина, что пришло к ней первое чувство. Оно пугало ее необычностью, в которой она теперь жила: весь привычный мир приобрел вдруг какие-то резкие звуки, цвета и краски. Вот закат, например, всегда был красивым, но теперь она просто поражалась игре облаков в разноцветных полосах света. И еще думала: боже мой, до чего же счастлив человек! Ведь эту красоту он может видеть и завтра, и послезавтра, и всю жизнь.

Иногда всю ночь напролет она не могла сомкнуть глаз и все думала, думала о Мансуре. Он какой-то странный, непохожий на других. Она знала, что он верховодил над многими ребятами аула и его сторонники дрались с дружками Шагидава.

Правда, теперь потасовок стало меньше. После случая на кладбище Шагидав и Мансур оба как-то повзрослели. Если Шагидав еще бросал иногда колкие слова, Мансур даже не отвечал на них, будто не слышал. Он стал сосредоточен, задумчив, в классе часто сидел отрешенный, совсем не слушая преподавателя.

Сарат решила, что это он о своих стихах думает. И спросила его об этом.

— Нет, не о стихах, — улыбнулся Мансур. — Так... неизвестно о чем.

Она много раз просила его почитать стихи, он не соглашался, не показывал ей ни строчки. Показывал их только Махсуту Набиевичу. Всякий раз они подолгу после этого о чем-то разговаривали.

На праздничном концерте школьников Мансур прочел со сцены большое стихотворение о молодом горце, который ушел на фронт и не вернулся, а в деревне осталась молодая жена, сын, который каждый день поднимается на высокую гору и смотрит на перевал, не возвращаясь ли его отец.

Стихи разволновали Сарат до слез. Ведь ее отец тоже погиб на фронте. Она удивлялась, почему Мансур написал такие стихи. Его-то отец вернулся, это ее не пришел.

Потом вдруг ее осенила догадка:

— Мансур, ты это... про моего отца и про меня написал? Только я ведь не мальчишка. И на гору не хожу.

— Нет, Сарат... — Мансур смутился. — Это я вообще... Просто так вот — взял и написал. Ну и про тебя, видишь, получилось.

Сарат ничего не поняла, но потом решила, что он, Мансур, стесняется. Конечно, про нее... А чтобы никто не догадался, сделал из нее мальчишку, заставил его ходить на гору.

От всего этого Мансур стал ей еще ближе.

Однажды Сарат целый час билась над задачей по алгебре, но решение никак не давалось. Придя в школу, она подошла к Мансуре.

— Вот никак не могу решить задачу. Подскажи, а?

— Ну-ка дай тетрадку.

Он взял тетрадь, глянул в нее.

— Все это просто. У тебя тут всего одна ошибка. Сейчас я поправлю, и ты увидишь... Но зазвенел звонок, в класс повалили ребята.

Тетрадь осталась у Мансура, и весь первый урок он, не слушая преподавателя, листал тетрадку Сарат, смотрел ее домашние и классные работы, изучал каждую страницу. А потом начал что-то в ней писать.

На перемене молча отдал тетрадь, странно поглядел на Сарат. Во взгляде его была не то вина, не то просьба. Повернулся и быстро вышел из класса.

Сарат открыла тетрадку и ахнула. В решении задачи не было ни одного исправления, зато внизу странички под жирной чертой было написано четыре строчки:

Когда тебя не смогут радовать почти
Ни запахи цветов, ни пенье соловья,
Ты эти строки о моей любви прочти...
Поддержит, может быть, тебя любовь моя.

В голове у Сарат все завертелось, она стояла, держась за парту, чтобы не упасть.

— Что с тобой, Сарат? — со смешком произнесла Халисат. Она была в зеленом, нестерпимо блестящем платье. — Я видела, как Мансур в твоей тетрадке что-то писал. Дай я проверю, нет ли там ошибок?

— Уйди! — с ненавистью крикнула Сарат.

На уроках она больше сидеть не могла и, не взяв даже свою сумку с учебниками, выбежала из школы.

Она миновала дом тетушки Нуцалай, вышла на окраину аула. Постояла там и зашагала дальше в горы, прижимая к груди тетрадь со стихами Мансура.

Был конец мая, только что отцвели дикие яблони. Склоны гор, недавно усыпанные, точно снегом, опавшими лепестками, сейчас нежно зеленели. Седловины между горами были залиты тяжелой синей мглой, словно водой, и Сарат казалось, что вода эта сейчас обрушится с гор на аул Бакдаб, бешеный поток подхватит ее, как ветер подхватывает лепесток яблоневого цветка, и понесет куда-то вместе с обломками домов.

Сарат опустилась на камень, из-под которого выбивался светлый горный ключик. Камень был теплый, большой, на другом конце его застыла большая изумрудно-зеленая ящерица. Она приподнялась угрожающе на лапках, бусинки глаз ее неприятно поблескивали, и Сарат подумала вдруг, что эта ящерица чем-то напоминает ей Халисат. Вся она сегодня была такая же зеленая, и так же неприятно блестели ее глаза.

— Пошла отсюда! — прикрикнула Сарат на ящерицу и взмахнула рукой. Ящерица будто поняла ее, медленно уползла.

Здесь, на этом камне, уже вечером, и нашел ее Мансур. Непонятно, как он отыскал ее. Подошел, положил около нее сумку с учебниками.

— Вот...

Сарат вскочила.

— Ты зачем это... написал здесь? — Она протянула ему свернутую в трубку тетрадь.

Мансур сделал шаг, будто хотел взять тетрадь. Но она понимала, что не возьмет, что не за этим он шагнул к ней, и отступила.

— Я не знаю, Сарат... — проговорил он.

Отступать Сарат дальше было некуда: спиной она уперлась в нависший камень. И Мансур, она чувствовала, подойдет к ней еще ближе, как там, на сцене.

Но ведь они не на сцене, и они не роли исполняют.

— Сарат... — произнес Мансур, действительно шагнул к ней еще раз, взял ее за руки. — Сарат...

Из-под разлетистых бровей на нее глядели глаза Мансура. Опять в них была какая-то не то вина, не то просьба.

— Почему ты плачешь, Сарат?

Тут только она почувствовала, что щеки ее обжигают слезы. Она выдернула свои ладони из рук Мансура, соскочила с камня и побежала в аул, не оглядываясь...

Продолжение следует.

Перевел с аварского Анатолий Иванов.

Интервью «Огонька» с народным артистом СССР, профессором Густавом Густавовичем ЭРНЕСАК-СОМ.

ВОПРОС. Эстонская хоровая культура в наши дни широко признана во всем музыкальном мире. Расскажите, пожалуйста, о том, какими путями шло развитие эстонского музыкального хорового искусства.

Ответ. Пусть читатели «Огонька» не сочтут за нескромность, если я начну с воспоминаний личного характера.

Почти тридцать лет назад я получил почетное предложение написать музыку Государственного гимна Советской Эстонии. Время было трудное и славное. Приближалась к концу тяжелейшая война. Ожидалось не в таком уж далеком будущем освобождение от фашистского плена моей многострадальной эстонской земли.

Какой должна стать музыка гимна? Торжественной и величавой, потому что она на века. Сердечной и простой, потому что петь ее будут люди сердечные, ясные душой. Музыка должна быть светлой по тональности, потому что отныне на все времена станет солнечной судьба моей маленькой трудолюбивой страны, вошедшей в могучую семью Советского Союза...

Как приходит вдохновение? Творчество — это жизнь. Из пережитого черпаешь раздумья и образы. Вдохновение врывается, как ветер, лишь откроешь ему дорогу, вообразив и ощутив что-то бесконечно близкое, что живет с тобой и в тебе.

Тогда была ранняя весна, март с его капелью. И мне представилось, как звенят, пробираясь меж мшистых камней, чистые ручьи в том деревенском уголке, где я родился. Я услышал, как свежий ветер с моря шумит в невысоких, крижистых соснах, вцепившихся крепкими корнями в песок. Я представил титанический труд сильных, честных и мирных людей, отвоевывавших пядь за пядью у камней и моря свою небогатую северную землю.

Нельзя объяснить воображение. Столетия проносятся мгновениями. Из сумрака прошлого, гнетущей тяжести веков возникает, как вздох полной грудью, ощущение свободы...

Все это я пережил, работая над музыкой гимна моей Советской Эстонии.

И оттого начинаю разговор о современном эстонском музыкальном искусстве с этого воспоминания, что так, думаю, станет понятней атмосфера, в которой мы сегодня живем и работаем.

Я только что вернулся с симфонического концерта, которым дирижировал мой молодой коллега и ученик по консерватории Эри Клас. В большой программе концерта была музыка эстонских композиторов, произведения для оркестра, хора и солистов.

Что ж, все это кажется неувидительным в наши дни моим соотечественникам, особенно послевоенному поколению. Привыкли к тому, что на концертных эстрадах и в опере звучит эстонская музыка. А я, седоголовый, не перестаю

и, наверное, никогда не перестану удивляться тому, как может сформироваться и возмужать за три десятилетия целая музыкальная культура народа. Все думаю: какими же могучими должны быть силы, которые это совершили?

Впрочем, тут я лучше обращусь к хоровому пению. Много лет отдал я его искусству. Процессы, происходящие в нем, мне понятны и близки, как всякому человеку — дело его жизни.

Здесь, неподалеку от моего дома, вы, вероятно, видели наше Певческое поле? В дни традиционных хоровых фестивалей, праздников песни на его эстраде поют тысячеголосые хоры, и, когда помотришь на бесконечные ряды слушателей, кажется, что собрался весь народ.

Хоровое пение у нас искусство древнее, любовь к нему — национальная черта. У тех, кто сегодня выступает на певческих праздниках, обязательно кто-нибудь пел в хоре: отец, дед или прадед, а может быть, и каждый из них. Я и сам приобщился в детстве к музыке, слушая, как пел в деревне семейный квартет: мой отец и трое его братьев, моих дядей.

У нас поют без сопровождения музыкальных инструментов, а сарелла. Так певали в народе веками. Без нотной грамоты, с голоса, передавая песни из поколения в поколение.

Попытки как-то организовать и сделать достоянием широкой аудитории народное песенное искусство были сделаны более ста лет назад. В 1869 году состоялся первый всеэстонский певческий праздник, собравший сорок мужских хоров.

Но было, конечно, еще бесконечно далеко до настоящего, большого музыкального искусства. Подвижничество первых эстонских деятелей музыки, педагогов и просветителей, таких, каким был мой учитель Артур Капп, ученик замечательного русского музыканта Николая Андреевича Римского-Корсакова, не могло совершить невозможное: поднять музыкальную культуру до степени ее всенародного распространения.

Это случилось лишь много лет спустя, когда искусство в нашей Эстонии стало демократичным, когда, например, музыкальная грамота, уроки хорового пения пришли в школы вместе с азбукой и счетом. Я знаю, что это значит, сам в свое время был школьным учителем, хорошо помню, каким истинным наслаждением для маленьких эстонцев были часы познания тайн гармонии поющих голосов, как они тянулись к музыкальному знанию.

Неполных три десятилетия... Сейчас для того размаха, который приняло в нашей республике музыкальное образование, уже не хватает учителей. Сейчас, когда молодой человек приходит к нам, в наш Государственный академический мужской хор Эстонской ССР, которым мне выпало счастье руководить со дня его основания, мы знаем, что новичок, несмотря на свою молодость, профессионально подготовленный музыкант, а если случайно оказывается, что это не совсем так, то непременно станет им, продолжив учение.

Академический хор!.. Странно теперь думать, что он был еще недавно первым и небольшим профессиональным хоровым ансамблем в Эстонии.

Русский город Ярославль был его родиной. Шла война. Многие представители эстонской интеллигенции, потеряв дом, нашли его у русских братьев. Маленький эстонский хор, всего в тридцать певцов, выступал на фронте, в госпиталях, в цехах для рабочих. Пели родные эстонские песни и гневные песни войны. Встречали певцов тепло, и голос хора креп.

Помню ноябрь 1944 года. 16-е число. В этот день хористы в первый раз собрались на репетицию в освобожденном Таллине. В узеньких улочках старого города еще таилась настороженная тишина только что ушедшей беды. На репетицию многие хористы пришли в шинелях.

Но мы уже знали твердо: началась новая, полная светлого творчества жизнь. Где-то на западе продолжали громыхать залпы войны, советские воины завершали свою великую освободительную миссию. Мы готовились своим песенным искусством воспевать величие советского человека, спасшего народы, служить, пока хватит сил, торжеству высоких ленинских идей, преобразующих мир.

С тех пор мы стремились и стремимся быть верными этой славной задаче. В одном из филармонических залов в Таллине, в котором мы работаем, висят на стене две географические карты. Это маршруты наших путешествий по Советской стране и гастрольных поездок за границу.

Мы уже побывали в двухстах пятидесяти городах нашей страны. Каждый год отправляемся в дальние и долгие поездки, преодолевая тысячи километров для того, чтобы встретиться снова и снова со слушателями, тепло и радушно принимающими нас и наше искусство. Мы храним у себя в больших застекленных шкафах подарки и сувениры, полученные во время таких творческих и сердечных встреч: шахтерскую лампочку горняков-карагандинцев, ветку цветущего хлопчатника из Вахшской долины, модель рыболовецкого корабля с Тихого океана, инкрустированный рог с берегов Куры...

ВОПРОС. Эстонские хоровые песни звучали во всех советских республиках. Что принесли искусству хора встречи с многоязыкой аудиторией слушателей?

Ответ. Мы очень скоро убедились в том, что в наших творческих встречах, в наших дальних поездках выигрывают обе стороны: слушатели и наше искусство.

Искусство не может развиваться, так сказать, в одной комнате, в узких национальных рамках. Эстонская музыка, как и всякая другая, обладает своими мелодическими и интонационными особенностями. Нам, северянам, присуще, например, в песенном творчестве несколько лаконичное начало, известная подчиненность средств музыкального выражения словам. Нам менее свойственны кантиленность и напевность, чем, скажем, украинцам. Голос эстонца не похож на голос южанина. Это уж, видимо, идет от свойств народного характера человека Севера, более склонного к сдержанности в проявлении чувств. Но значит ли это, что следует замыкаться в себе, закрывать в комнате двери? Разумеется, нет! Происходил и происходит в нашем хоровом коллективе интереснейший процесс обогащения, который я назвал бы

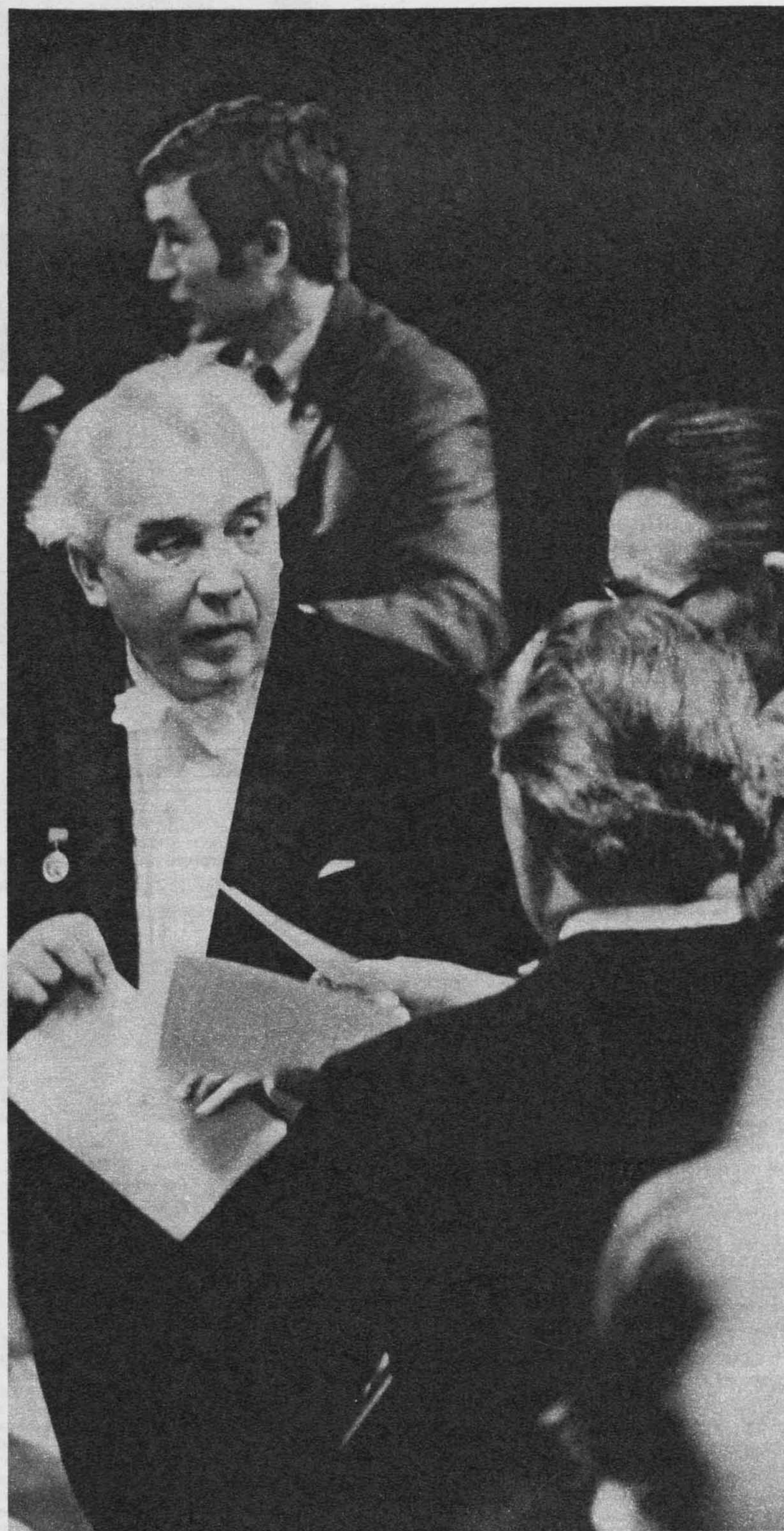

Фото Д. Ухтомского.

становлением исполнительского мастерства. Отдавая свои песни, мы получали и получаем щедрые дары песнетворчества всюду, где ни оказываемся у наших друзей.

Встречи и знакомства с жизнью, обычаями, творчеством народов братьев, включение в репертуар хора песен многих и многих национальностей помогают нам обрести то музыкальное многоцветье, которое только и может называться настоящим искусством.

Да, не знали прежде эстонцы, как звучат по-грузински или по-узбекски слова «брат» и «родина». Теперь в репертуаре нашего хора песни *всех* народов Советского Союза. Хор поет на многих языках. Оставаясь национальным по своему существу, наш хоровой коллектив эстонцев если и достиг определенных исполнительских высот и получил признание, то про-

изошло это прежде всего оттого, что мы прошли как бы многоязыкую академию народного песнетворчества, живую и волнующую.

Мы часто выезжаем на концертные гастролы в дружеские социалистические и в другие страны. Нам приятно, что нас всюду называют посланцами мира. Это самая дорогая для нас похвала. Залы всегда переполнены. А ведь искусство наше — серьезное, далекое от развлекательства. В том внимании, которым неизменно пользуется наш академический хоровой ансамбль, мы видим пристальный и все возрастающий интерес к нашей стране, ее большому искусству, идеологии, стремление глубже узнать духовную жизнь великого народа.

Случаются знаменательные встречи. Я еще в молодости познакомился с прекрасным чехосло-

ваким музыкантом Яном Шоупалом. Помню, восхитился тогда тонким ансамблевым звучанием хора моравских учителей, которым он руководил, музыкальной культурой исполнения. Позавидовал. У нас в Эстонии ведь тоже любили хоровое пение, но искусство его было любительским...

И вот годы спустя Государственный академический мужской хор Эстонской ССР гастролью в Чехословацкой Социалистической Республике. Дает концерты в Праге, Карловых Варах, Пльзене, Дечине, Либереце, Кошице, Братиславе, Остраве... Успех бесспорный. Хор поет классические полифонические произведения Палестрины, Лассо, Баха, кантаты и хоровые сюиты Глинки, Бородина, Чайковского, Гайдна, Генделя, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Вебера, Листа, Сметаны, Сибелиуса, Грига... В его репертуаре крупные современные произведения и в том числе — творчество эстонских композиторов — сюиты и кантаты. И, конечно, песни, много песен — эстонских, русских, украинских, грузинских...

Мы вслед за тем вместе с прославленным моравским хором учителей и другими известными в Европе хоровыми ансамблями приняли участие в международной встрече хоров в Эйзенахе, в Германской Демократической Республике. Тридцать две тысячи певцов выступали на грандиозном празднике песни. Мы были счастливы, что эстонское музыкальное хоровое искусство достойно представило здесь молодую музыкальную культуру нашего маленького народа.

В моем рабочем кабинете в филармонии есть фотография Яна Шоупала. Не знаю, стал бы я руководителем хора или не стал, если б не наша первая встреча. Но знаю, наверное, сколько бы ни старался, не смог бы сделать и сотой доли того, что сделано, если бы не получила демократичность и культуру в советское время музыка на моей родине. Остальное — следствие.

Наш ансамбль сейчас своеобразный генеральный штаб хорового пения в республике. Два или три раза в год собираются у нас руководители хоров. Мы занимаемся с ними, делимся всем, что приобрели сами за годы работы. Так распространяется опыт, растет общая хоровая культура. Искусство хора по-прежнему очень популярно у нас в Эстонии, и это вовсе не кажется анахронизмом в наш век техники и науки! Люди, по-моему, всегда будут петь в любом своем качестве. Есть же у нас, например, хоровой ансамбль Академии наук Эстонской ССР и отличный хор университета, в котором поют ни мало ни много двадцать преподавателей с учеными степенями!..

Время идет, а мы все молодеем. В творчестве коллектива хора плодотворен рост дарований. Я радуюсь. Поседела моя голова, но за дирижерским пультом появились замечательные музыканты, владеющие в совершенстве профессиональным мастерством: Олев Оя и Куно Аренг. Были они моими учениками. Теперь сами зрелые художники и умелые педагоги. Как тут не радоваться? Знаю: песенное искусство, народное, любимое, которому я посвятил жизнь, в надежных руках и его будущее безгранично широко.

Таллин.

Советские хоккеисты — чемпионы мира. Впереди — капитан сборной команды СССР Борис Михайлов с кубками мира и Европы.

ПУТЕШЕСТВИЕ

**В. ВИКТОРОВ,
А. БОЧИНИН,**
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Итак, сборная СССР в двенадцатый раз завоевала мировое первенство. Советские хоккеисты показали всему миру, что их класс продолжает расти, что сейчас они по праву являются «модельерами» хоккея завтрашнего дня. Каждый новый чемпионат мира помогает нам как бы совершить путешествие в завтрашний день. Вот и сейчас руководители хоккея — члены Исполкома Международной хоккейной лиги, и тренеры, и спортивные обозреватели пытаются увидеть хоккей будущего. Забота у всех одна — не дать потускнеть хоккейному блеску, чтобы все возрастал интерес зрителей к встречам сильнейших команд мира. И если с этой стороны подойти к только что закончившемуся первенству, то разговор, видимо, надо начинать не с лидеров, а с аутсайдеров.

Конечно, польская сборная проявила выдающиеся волевые качества, добившись после трехлетне-

го перерыва права снова выступать в высшей группе, да и в ходе чемпионата команда не раз радовала нас (достаточно вспомнить игру польских хоккеистов с финскими во втором круге) и в конце концов завоевала право выступать на чемпионате мира 1974 года. Конечно, хоккеисты ФРГ самоотверженно пошли на суровую выучку у сильнейших команд и не раз играли на равных с лидерами чемпионата. Но зрителям от этого было не легче: уж очень неравноценен оказался класс команд, и поэтому счет встреч аутсайдеров с лидерами иногда достигал двузначных цифр. А ведь чемпионат мира предполагает борьбу равноценных соперников.

Да, Московский чемпионат еще раз показал, что в Европе есть три равноценные команды, что, как и раньше, достижение высокого мастерства требует от спортсменов долготренированных усилий. Лучший пример этому — финская сборная. Хоккеисты Суоми обладают всеми данными для того, чтобы побеждать. Эти от природы сильные и быстрые спортсмены имеют большие традиции, ведь команда Финляндии впервые приняла участие в чемпионате мира

еще в 1939 году, а с 1949 года является непременной участницей почти всех мировых форумов. И, несмотря на это, выше четвертого места финской сборной подниматься пока не удавалось.

История финского хоккея убедительно показывает нам, что эта игра требует многих и многих лет для того, чтобы стать в ряд сильнейших. Вот почему кое-кому казалось спортивным чудом, что советские хоккеисты за считанные годы столь уверенно достигли хоккейного Олимпа. Хозяева московского льда и на сей раз, как говорится, были вне конкуренции, не проиграв ни одной встречи и добившись убедительных побед и в первом и во втором круге над чехословацкими и шведскими сборными. Правда, в начале чемпионата не все хоккеисты нашей сборной нашли себя, не все тройки играли равноценно, но в конце концов равновесие сил внутри сборной было восстановлено, и уже в начале второго круга всем стало ясно, что старший тренер сборной Всеволод Бобров создал боевой, высококлассный коллектив.

Успех нашей команды во многом объясняется тем, что ее тренеры значительно омолодили сборную во всех ее линиях: и в защи-

Бобров на высоте.

В БУДУЩЕЕ

те и в нападении. И одной из главных заслуг В. Боброва и Б. Кулагина является то, что они поверили в возможности Вячеслава Анисина, Александра Бодунова и Александра Волчкова. И все же не будем обольщаться: хорошее самочувствие сборной будет зависеть от успешной тренировочной работы в клубных командах самых различных рангов. Ведь современный хоккей с его бурно растущими скоростями и все более ожесточающейся силовой борьбой значительно сократил время пребывания хоккеистов в строю. Видимо, и у наших тренеров и у тренеров из других стран будет одна задача: готовить хоккейную смену в значительно более сжатые сроки, а пока в этом сложнейшем вопросе еще немало белых пятен.

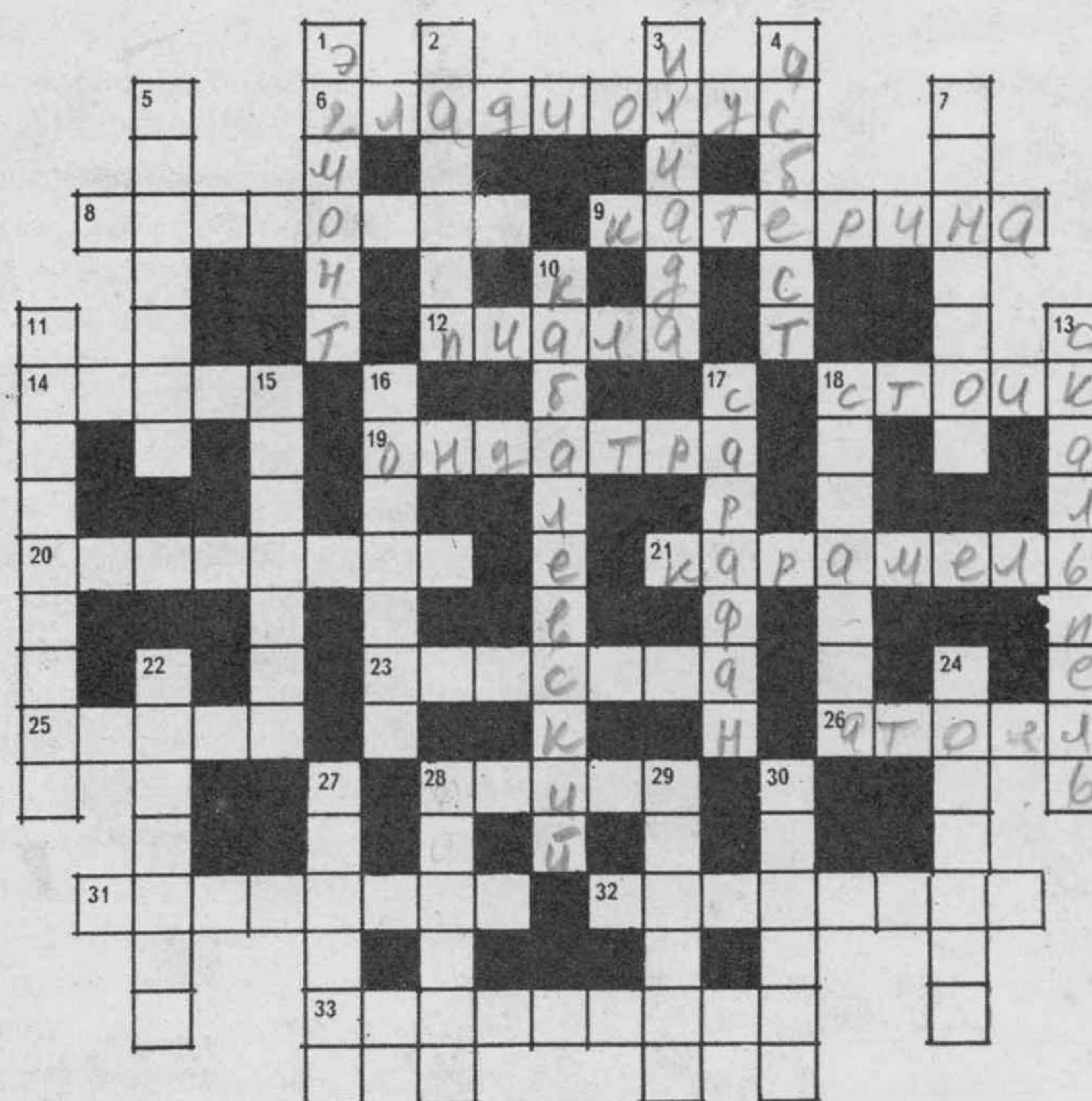
Может быть, как ни в какой другой спортивной игре, хоккей нуждается в заинтересованности зрительного зала. Живой контакт между зрителями и игроками во многом определяет уровень игры, ее напряжение, ее класс. Вот почему так ревниво подсчитывают организаторы мировых первенств число зрителей, так ревниво следят за тем, чтобы не падал их интерес к хоккею. Выход здесь один: неустанно стремиться к тому, что-

бы игра приобретала все новые, яркие черты, а команды, претендующие на участие в чемпионатах, обладали равноценным высоким мастерством. На Московском чемпионате мы были свидетелями ряда выдающихся матчей, и все же зрители, отдавая должное мастерству команд, отмечали и их недостатки — падение темпа, ошибки при атаке ворот. Да, сегодня уровень понимания хоккея со стороны зрителей начинает обгонять рост класса некоторых команд, и это не может не тревожить.

Советские хоккеисты делают все для того, чтобы интерес к хоккею не снижался, они доказали это своими выступлениями на чемпионате мира в Москве. Советские хоккеисты и тренеры думают не только о сегодняшнем дне хоккея, но и о его будущем дне. А это будущее рядом. Мы нашли его в один из последних дней чемпионата в своих журналистских боксах: хозяева следующего чемпионата мира — финны пригласили нас прибыть в Хельсинки 5 апреля 1974 года...

Ну, что же, Московский чемпионат завершен, но путешествие в будущее хоккея продолжается. Пожелаем же и спортсменам и их наставникам счастливого пути.

Идет игра двух сильнейших команд мира — СССР и Чехословакии.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Цветок. 8. Город в Донецкой области. 9. Картина Т. Г. Шевченко. 12. Сосуд для питья. 14. Русская народная песня на слова К. Ф. Рыльева. 18. Роман Т. Драйзера. 19. Пушной зверек. 20. Планета. 21. Сорт конфет. 23. Словарный состав языка или диалекта. 25. Река в Московской области. 26. Коралловый остров. 28. Лопасть гребного колеса. 31. Наименьшая устойчивая частица вещества, обладающая его химическими свойствами. 32. Чертежный инструмент. 33. Рассказ М. Горького.

По вертикали: 1. Драма Гете. 2. Центр автономной области в РСФСР. 3. Древнегреческая эпическая поэма. 4. Огнестойкий минерал. 5. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 7. Рыба отряда окунеобразных. 10. Советский композитор. 11. Польский писатель. 13. Медицинский инструмент. 15. Лесная птица. 16. Кондитерское изделие. 17. Женское платье. 18. Город в штате Джорджия (США). 22. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 24. Полуфабрикат прядильного производства. 27. Обезьяна. 28. Небольшой луг. 29. Звезда в созвездии Персея. 30. Оперетта И. Кальмана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 5. Каравелла. 8. Бензин. 9. Король. 10. Упит. 12. Гипербола. 15. Шуба. 17. «Выстрел». 18. Квадрат. 19. Калориер. 20. Триполи. 22. Еруслан. 24. Кафе. 25. Аристофан. 28. Титр. 29. Шторка. 31. Рапира. 33. «Задонщина».

По вертикали: 1. Гаршнеп. 2. Толокно. 3. Сказ. 4. Шадр. 6. «Вертер». 7. Алушта. 11. Пословица. 12. Галактика. 13. Рембрандт. 14. Аккордеон. 16. Бересклет. 21. Одетта. 23. Устюрт. 26. Имандра. 27. Фардинг. 30. Роза. 32. План.

На первой странице обложки: Д. Налбандян. Ходяки у В. И. Ленина.

На последней странице обложки: Аден: 1. «Как поживаешь, товарищ?» 2. Памятник героям. 3. Мы хлопко-робы. 4. Полдневный прибой. 5. Вот такая рыба в Индийском океане.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61. Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патристический — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/IV 73 г. А 00057. Подп. к печ. 17/IV 73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 710. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 427.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Б. СМЕРНОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Многие из нас, наверное, в детстве мечтали иметь в доме живого медвежонка. Чтобы он, забавный и мохнатый, спал в углу на коврикe, брал лакомства из рук и кувырчался через голову... Но мы выросли и забывали о своих детских мечтах, так и не узнав, какое это сложнейшее дело — воспитание медведя.

...Эдик Рыбаков рос в детском доме для одаренных детей. Было в этом пареньке качество, которое украшает любого человека: способность добиваться своего. Захотел — и освоил музыкальную грамоту, хореографию, живопись. Захотел — и окончил институт физкультуры, стал фигуристом, артистом балета на льду. Этого показалось мало — учился еще и в цирковом училище, получил специальность жонглера-эквилибриста на коньках. Достигнув, казалось бы, многого, он захотел стать еще и дрессировщиком. Он решил сделать фигуристами медведей, этих ловких и сообразительных животных, но поставить их не на двухполосные коньки, на которых устоит и слон, а на стандартные, однополосные фигурные коньки «экстра». Такого в мире еще не видели...

Теперь все свободные часы он, уже признанный солист балета на льду, стал проводить в Уголке Дурова, помогал чистить клетки, кормить зверей, расспрашивал дрессировщиков, слушал лекции «самой Дуровой», а ночами читал специальную литературу.

Прошел год, и Эдуард Алексеевич наконец попросил дать ему двух медвежат. До чего же это оказалось сложно! Сколько пришлось хлопотать, прежде чем с зообазы раздался долгожданный звонок: «Приезжайте!»

Он схватил хозяйственную сумку, помчался за город. Ему выдали двух крохотных, дрожащих зверьков, заполнили два паспорта: «Медведь бурый, самец, пойман в марте 1970 года в Ленинградской области, изъянов не имеет...», «Медведь бурый, самка, пойман в феврале 1970 года...»

Казалось бы, чего проще — дать малышам имена! Друзья и знакомые предлагали называть их Адамом и Евой, Русланом и Людмилой, Венерой и Аполлоном. А Рыбаков медлил месяца три — все ждал, когда медвежата начнут проявлять свой характер. Приучал их к простейшим командам, учил выполнять свои приказы, постепенно усложняя программу уроков. И наблюдал... Медведица была понятливой, толковой, каждый успех ее вселял в дрессировщика веру — так Верой он ее и назвал. Другой медведь — шаловливый, непослушный — стал Лешкой.

Для Рыбакова началось самое трудное: пробуждавшиеся в зверях дикие инстинкты надо было подчинить своей воле, сломать злобный нрав медведей и найти с ними дружеский, рабочий контакт. Шло время. По гипсовым слепкам с медвежьих лап заказаны ортопедические ботинки 32-го размера, к ним приклепаны коньки. И вот медведи на льду. Но прошел целый месяц, прежде чем они встали на ноги — вернее, на коньки...

Теперь Эдуард Алексеевич Рыбаков со своими питомцами гастролирует по стране в составе ансамбля «Балет на льду».

В труппе Рыбакова уже три «артиста», скоро зрители увидят забавного медвежонка Удачу. Подана заявка на приобретение гималайской медведицы: Рыбаков считает, что самки работают лучше. Но мечта Эдуарда Алексеевича — поставить на лед белого медведя. Житель льдов на коньках — вот это будет номер!

Партнеры и партнерши.

Старым способом.

РАЗВЕ МЫ - К

Парное катание.

И катаюсь и играю...

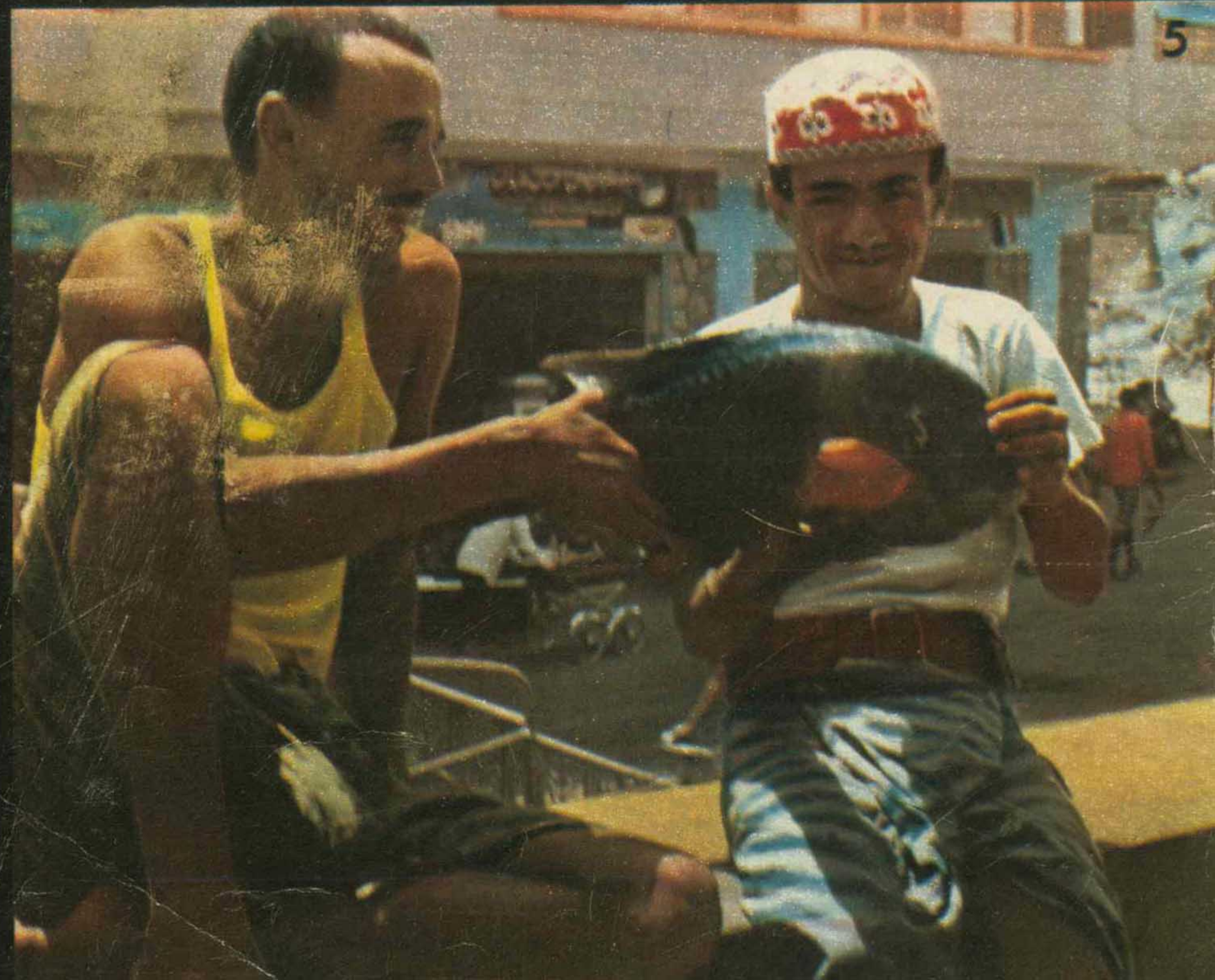
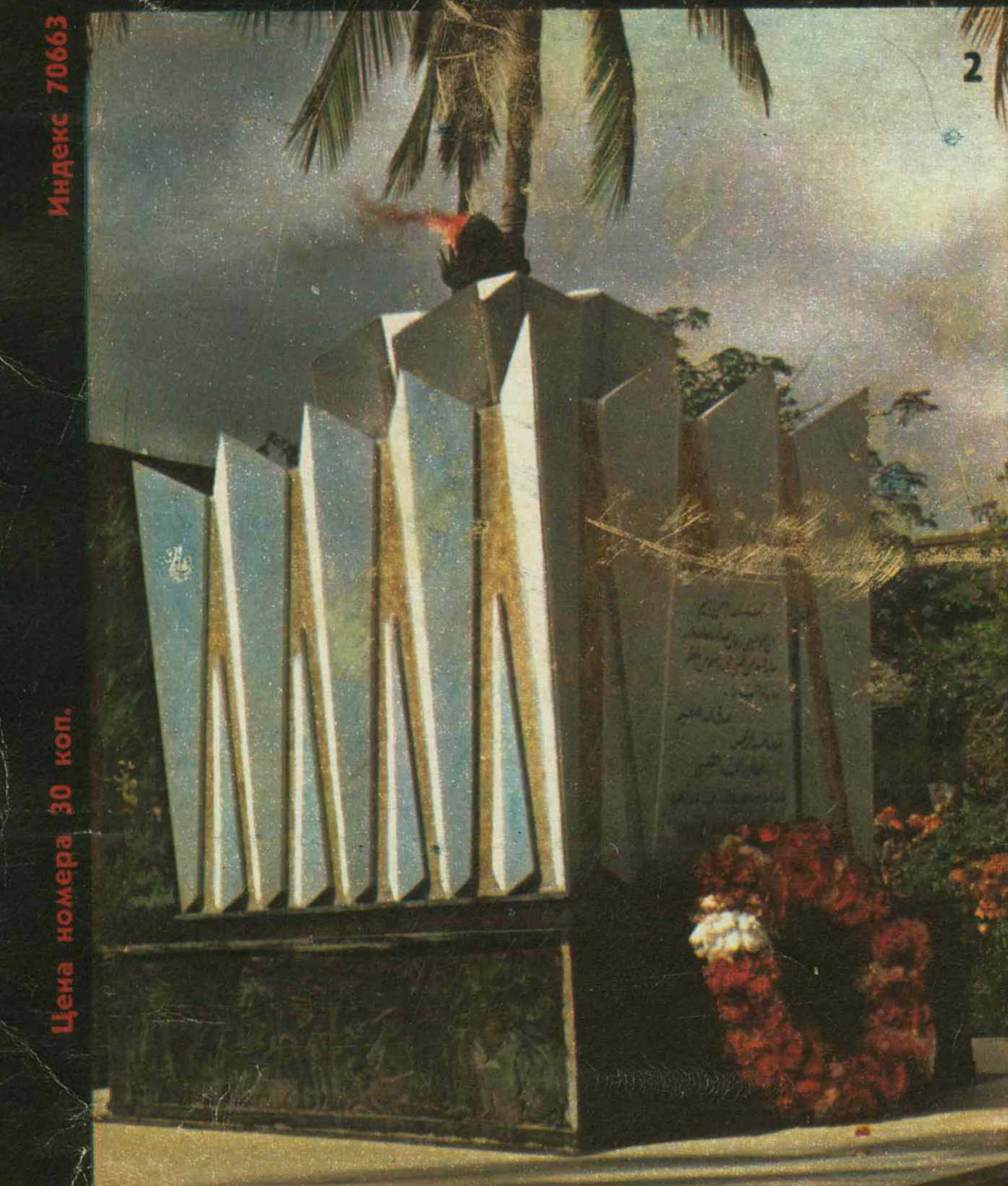

Коллеги.

В антракте.

ОСОЛАПЫЕ?

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.